
Раздел 2

ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА

Н.С. Батуева

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО ША

Поселение Чашкинское озеро Ша расположено на восточном берегу озера в 10 км к северу от г. Березники Пермского края. Оно было открыто в 2013 г. Е.Л. Лычагиной и Н.И. Жеребцовым. Памятник исследовался в 2013-14 гг. КАЭЭ ПГГПУ. Всего было исследовано 240 кв.м. площади памятника.

Основную часть находок на памятнике составляет керамика. Одной из отличительных черт в керамическом комплексе поселения Чашкинское озеро Ша является наличие четырех культурных групп: камской, волго-камской, гаринской и керамики относящейся к зауральскому неолиту (керамика с тальком в формовочной массе).

В этой статье мы рассмотрим лишь керамику с гребенчатым орнаментом, камской культуры. Данный комплекс представлен 49 сосудами. К характерным чертам гребенчатой керамики поселения Чашкинское озеро Ша можно отнести: толстостенность, коричневый и песочный цвет посуды, венчики с наплывом и скошенные внутрь, орнаментация горизонтальными и наклонными рядами гребенчатого штампа, а также «шагающей гребенкой».

Проведенный анализ включал изучение состава и первоначального состояния исходного сырья.

В результате работы было выяснено, что в качестве исходного сырья использовались илестые глины (более 80%). Под илестыми глинами мы понимаем сырье, в котором единично, но встречаются мелкие углефицированные обрывки растительных тканей (детрит менее 1 мм), отпечатки нитевидных растений (водорослей), отдельные включения чешуи и костей рыбы [Васильева, Выборнов, 2012].

Другим видом сырья, которое использовалось при изготовлении керамики, были илы. Такое сырье, должно обладать следующими признаками:

- 1) наличие не растворившихся комочков плотного глинистого вещества, округлой формы;
- 2) неравномерное распределение песка и растительных останков в формовочной массе;
- 3) наличие растительного количества железистых включений и оолитового бурого железняка;
- 4) специфика растительности водного и подводного характера, в частности – водорослей;
- 5) должна присутствовать органика животного характера – чешуя рыб, кости рыб, личинки, червяки и.д.
- 6) наличие обломков раковин моллюсков;
- 7) слоистость черепка [Бобринский, Васильева, 1998. С. 203-205].

Исходное сырье со всеми выше перечисленными признаками использовалось для изготовления 6 сосудов (12%) (рис.: 1).

Вызывает интерес то, что глина в качестве исходного сырья использовалась только в 2 случаях (4%).

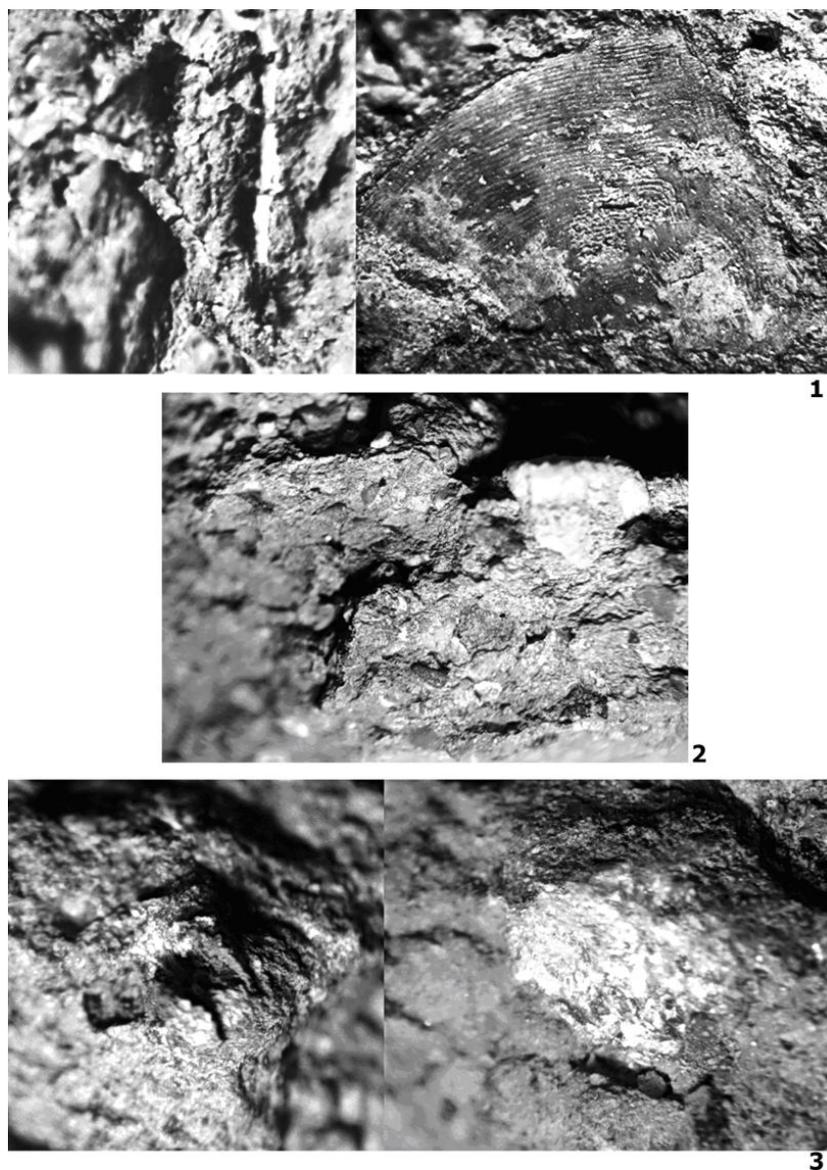

Рис. Микрофотографии гребенчатой керамики поселения Чашкинское Озеро Ша:
 1 – кости рыб (слева) и обломок раковины (справа), 2 – песок в формовочной массе,
 3 – тальк в формовочной массе.

Исходное сырье могло использоваться как в естественно увлажненном состоянии, об этом свидетельствует отсутствие следов дробления (60%), так и в сухом, то есть с фиксируемыми в формовочной массе комочками сырья не растворившимися до конца (40%).

В основном бралось пластичное сырье, лишь в 12% случаев были обнаружены сильно запесоченные черепки. В остальных случаях песок был обнаружен в малых количествах.

По составу формовочные массы керамики с гребенчатым орнаментом поселения Чашкинское озеро Ша можно разделить на 3 группы: с несмешанным однокомпо-

нентным составом, несмешанным двухкомпонентным составом и смешанным многокомпонентным составом [Цетлин, 2012].

В первую группу входят сосуды, в которых использовалась формовочная масса, состоящая только из одного вида исходного сырья. К этой группе было отнесено около 20% посуды.

Ко второй группе – с несмешанным двухкомпонентным составом – были отнесены следующие сочетания: «глина + шамот», «глина + песок» и «глина + органические растворы». Первое сочетание «глина + шамот» было выделено у 20 сосудов, что составляет 47% от всей коллекции. Шамот использовался в различных концентрациях: 1:1; 1:2; 1:3 (табл.). Второе сочетание – «глина + песок» - встречено лишь в одном случае (рис.: 2). Концентрация песка в данном черепке превышает количество глины. К третьей группе относится такое сочетание как «глина + органические растворы». В основном органические растворы фиксировались по присутствию в черепке плоскостных и аморфных пустот размером от 1 мм, а также налета и пленок определенной плотности и цвета по стенкам пустот и вокруг включений шамота и сухой глины. Стенки некоторых пустот были покрыты матовым коричневато-черным налетом. Такое сочетание встретилось в 6 случаях, 12% от всей посуды.

Составы формовочных масс

Состав	Количество	%
Однокомпонентный состав	10	20,4
Двухкомпонентный состав		
«Глина + шамот»	23	47
«Глина + орг. раствор»	6	12,2
«Глина + песок»	1	2
Смешанный многокомпонентный состав		
«Глина + орг.раствор + шамот»	9	18,4

В третью группу со смешанным многокомпонентным составом формовочных масс вошли сосуды, где встретилось такое сочетание, как «глина + органический раствор + шамот». Данная комбинация зафиксирована у 9 сосудов (18% от всей коллекции). Здесь важно отметить об одной особенности данной посуды. В двух случаях было обнаружено, что в шамоте, использованном для этой посуды, была своя примесь в виде талька, что не характерно для керамики камской культуры (рис.: 3).

В заключение можно отметить, что для гребенчатой керамики поселения Чашкинское озеро Ша характерно использование в качестве основного исходного сырья естественно увлажненных илестых глин, данное сырье было в основном пластично. В качестве примеси чаще всего использовался шамот в различных концентрациях, что является одним из основных признаков керамики относящейся к развитому (хуторскому) этапу камской неолитической культуры.

Список литературы

- 1) Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара. 1998. С. 24.
- 2) Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды Камской Археолого-этнографической экспедиции. Вып. 8. Пермь, 2012. С. 16
- 3) Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 380 с.

Пермь, ПГГПУ

ПОСЕЛЕНИЕ МАРАЙ 2 В ПРИИШИМЬЕ

Отмечая хорошую изученность памятников саргатской культуры, нельзя не отметить неравномерность изучения как в территориальном, так и в типологическом плане. Во всем ареале бытования культуры лучше изучены погребальные памятники, поселенческие объекты же хорошо изучены в Тоболо-Исетье, в Приишимье и Прииртышье раскопкам подверглось мало объектов: из 37 изученных поселений 24 расположены в Тоболо-Исетье, 8 – в Прииртышье, 4 на Ишиме и 1 в Барабе. В связи с малой изученностью эпохи раннего железного века Приишимья пока можно поставить больше вопросов, чем ответов. Частично о взаимоотношениях и материальной культуре населения раннего железного века можно судить по материалам поселения Марай 2, входящего в комплекс памятников Марай в Приишимье.

Поселение Марай 2 расположено в Приишимье, в глубине второй надпойменной террасы на левом берегу р. Ишим, на останце. Поселение открыто Еньшиным Д.Н. при разведочных работах 2007 г. [Еньшин Д.Н., 2007]. Состоит из 16 западин размерами 4х4-10х10 м., глубиной до 0,5 м. В результате раскопок были выявлены остатки трех жилищ, одно изучено практически полностью, два – частично. Стратиграфия напластований на поселении несложная, под дерново-гумусным слоем залегал темно-серый слой, мощность его составляла 15-20 см, ниже фиксировался слой серо-желтой супеси, причем на участках межжилищного пространства он был мощнее и темнее, а на участке центра западины – светлый. На участках жилищ фиксировались различные слои с золисто-углистыми вкраплениями, прокалы от костров, пятна от столбов.

Жилище 1 (рис.) двухкамерное, ориентировано по линии север-юг, с выходом в южную сторону. Основная камера № 1 квадратных очертаний, размерами 4,75х4,75 м, выход смещен к восточной стенке, оформлен в виде узкого выступа-коридора, размерами 2,0х0,6 м с постепенно повышающимся дном. В целом жилище углублено в материк на 0,2-0,35 м. Справа от входа, в восточной части жилища, зафиксирована глубокая яма подпрямоугольной формы, размерами 1,1х1,3 м, глубиной 35 см от уровня пола жилища. Сразу за ней отмечен материковый выступ, продолжающийся до перехода во вторую камеру, расположенную северо-восточнее камеры 1. Очаг в камере 1 не зафиксирован, однако предполагаем, что он находился слева от входа, в юго-западном углу – здесь зафиксирован слой черной, насыщенной углем супеси, и развалы сосудов, расположенные севернее предполагаемого очага.

Камера 2 жилища 1 построена на углу камеры 1, к северо-востоку от нее, соединялась переходом длиной не более 0,5 м. Помещение подпрямоугольной формы размерами 2,75х3,5 м, ориентировано длинной осью по линии С-Ю. Пол в камере ровный, от уровня материка углублен на 0,05-0,25 м. Помещение, видимо, хозяйственное, находок в нем практически не было, не зафиксировано и следов конструкции, за исключением двух круглых ям диаметром 36-50 см, и небольшой ямки и канавки у южной стенки.

Конструкция стен жилища 1 была каркасно-столбовой, кровля двухскатная. Об этом свидетельствуют следы от элементов конструкции – в центре жилища прослежен ряд ямок от столбов, расположенных по одной линии – от стоек, поддерживающих коньковую балку кровли, кроме того, ямки от каркасных столбов стен зафиксированы у края котлована и на некотором отдалении от края. Каркас камеры № 2 был более легким – следов конструкции практически не зафиксировано, вероятно, несущие элементы (стойки) не заглублялись сильно в грунт. Предполагаем, что общая площадь постройки была больше – с северо-западной стороны жилища 1 отмечены

понижение в материке аморфной формы и хозяйственные ямы – вероятно, там располагался какой-то навес, легкий пристрой для хозяйственных целей.

Жилище 2 фиксировалось в южной части раскопа, исследовано частично. Постройка была слабо углублена в грунт, поэтому ее контуры на отдельных участках плохо читались, четкая граница видна была только на углубленных участках жилища в западной его части. Ориентировочно ширина жилища составляла 4 м., длина не установлена, так как южная стенка не изучена. С конструкцией жилища мы связываем и углубления в кв. Д-Ж/8-9. В углубленной части жилища, в кв. З-И/7-9 зафиксированы ямки от столбов, западнее располагался очаг овальной формы 90x55 см, вокруг него отмечены приочажные канавки шириной до 0,5 м и ямки от столбов около них. В очаге стоял сосуд – его нижняя часть зафиксирована почти целой, верх разрушен. Восточная стенка, судя по заполнению, проходила по линии кв. 12-13.

Жилище 3 изучено частично – его край отмечен в восточной части раскопа, далее к востоку фиксируется небольшая западина. Часть котлована подпрямоугольной формы зафиксирована в кв. Е-З/14. Размеры его изученной части – 3,0x1,0 м, вдоль стенки отмечены две ямки от столбов, в северной части – углубление. Заполнением жилища была светлая белесая супесь, находок в котловане не отмечено. Глубина котлована небольшая, 5-15 см.

В целом строение жилищ по остаткам конструкции (ямки, отсутствие канавок, их соединяющих), восстанавливается как каркасно-столбовое. При этом по материалам поселения сделаны ряд наблюдений: во-первых, ряд ям от столбов не отпечатался в материке – то есть они были забиты/вкопаны в грунт не глубоко (к ним мы относим подквадратные линзы черной супеси, зафиксированные в поддерновом слое восточнее камеры 1 жилища), во-вторых, ряд ямок от столбов имели глубину в материке 5-7 см, видимо они были вкопаны до плотного грунта, и отпечатались только их концы. Из этого можем сделать вывод, что не все столбы каркасных жилищ глубоко вкапывались – возможно, они углублялись/вбивались незначительно, и если жилище было слабоуглубленным, то мы можем вообще не зафиксировать следов конструкции. Подобная картина отмечается у ряда жилищ городищ Лихачевского и Ак-тау на Ишиме, а также в некоторых постройках ржв Притоболья. Кроме того, полагаем, что иногда площадь построек была больше зафиксированной в материке, и существовали навесы, пристрой – в пользу этого говорит углубление и хозяйственные ямы севернее камеры 1 жил. 1 и неровные ямы-углубления севернее жил. 2, расположение очага близко к материковой стенке. Предполагаемые контуры построек отмечены на рисунке цветом.

В ходе раскопок была обнаружена керамика саргатской керамики, несколько фрагментов байтовской и гороховской посуды. В целом следует отметить, что насыщенность находками слабая, основная масса керамики была найдена в заполнении жилищ 1 и 2 у очагов и у стен, но с «внешней» стороны жилища – складывается впечатление, что разбившиеся и сломанные сосуды бросали у стен, а после разрушения жилищ они вместе с земляной засыпкой стен оползли в котлован помещений. Основной комплекс керамики представлен сосудами саргатской культуры – горшковидной формы, разных размеров, однако преобладают сосуды крупных форм – диаметром по венчику от 25 см. Орнаментирована керамика отпечатками палочки каплевидной формы, уголковыми вдавлениями, гладким штампом, насечками, много неорнаментированных сосудов. Композиции на сосудах представлены горизонтальной елочкой, зигзагом, однорядными каплевидными вдавлениями, рядками из уголков, вертикальных или наклонных насечек. Встречен фрагмент сосуда предположительно гороховской культуры, украшенный гладким штампом в виде столбиков из четырех горизонтальных полосок. Отдельные фрагменты байтовской посуды украшены гребенчатым штампом, жемчужинами, попали сюда видимо из расположенного севернее поселения Марай 1.

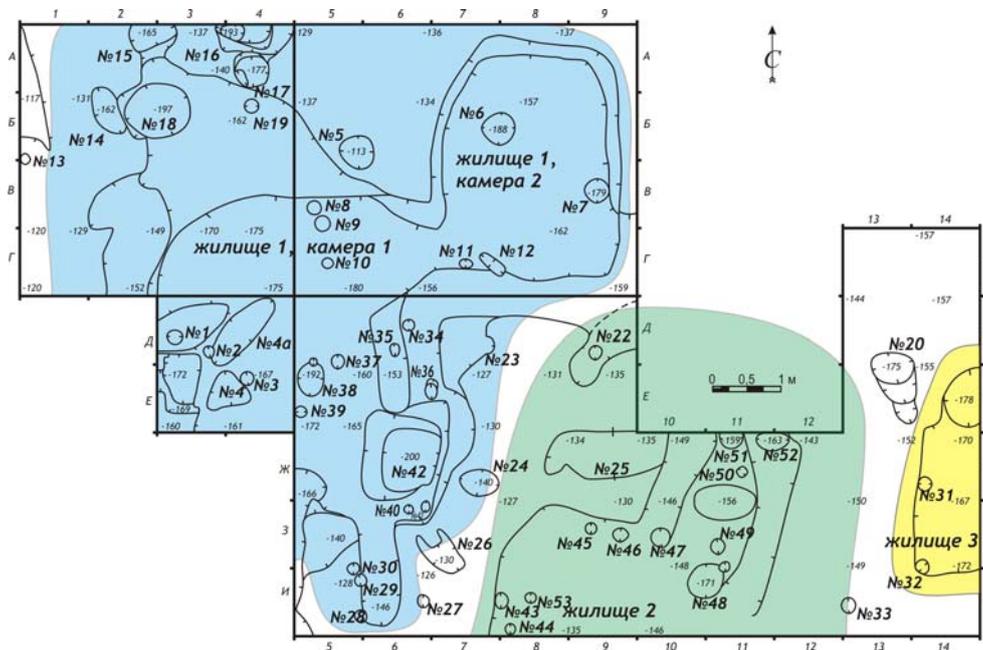

Рис. План по матерiku поселения Марай 2.

Следует отметить очень слабую насыщенность костями – всего их было найдено 57 ед., хотя сохранность их хорошая, возможно, у местного населения были какие-то свои традиции утилизации костного материала, зафиксированы и скопления костей и чешуи рыбы рядом с очагом жилища 2.

Индивидуальных находок насчитывается 12 ед., в основном это пряслица (обломки и целые) и скребки на фрагментах керамики, встречены также обломок каменного орудия и фрагмент костяного изделия.

В жилищах отобраны два образца угля для радиоуглеродного датирования, проба № 1, отобранная в ямке от столба жилища 1 дала дату 2290 ± 55 лет, проба № 2, отобранная над очагом жилища 2 дала дату 2040 ± 45 лет; калиброванные значения дат соответствуют 420-190 (91,5%) – 410-230 (68,2%) гг. до н.э. и 180 лет до н.э. – 60 лет н.э. (95,4%) – 110 лет до н.э. – 20 лет н.э. (68,2%) соответственно.

Судя по датам, поселение существовало в I-II-III вв. до н.э. Ориентируясь на пробу № 1 полагаем, что во II-III вв. до н.э. поселение сосуществовало одновременно с поселком байтовской культуры Марай 1, расположенным севернее, на краю террасы.

Если проанализировать количество байтовских и саргатских памятников в Приишимье, то можно отметить их относительно равное соотношение. Следует отметить и отличие байтовских древностей Приишимья от Притоболья в плане более высокой насыщенности и мощности культурного слоя, а также факты следов пожаров на изученных поселениях (Лихачевское (Генинг, 1964, 1966), Ченчерь (Волков, 2001), Марай). Это может свидетельствовать о более длительном бытовании байтовской культуры в Приишимье, ее сосуществовании с саргатской в какой-то период (вероятно, не всегда мирном), и возможно более сложном варианте культурогенеза в данном регионе.

Список литературы

- 1) Волков Е.Н. Археологические исследования в Казанском районе Тюменской области в 1998 – 1999 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. № 3. С. 226–231.

2) Генинг В.Ф. Отчет о раскопках Лихачевского городища (д. Лихачева Абатского района Тюменской области), произведенных Уральской археологической экспедицией летом 1966 г. Свердловск. Архив ИА РАН. Р-1, № 3382.

3) Генинг В.Ф. Отчет о раскопках Лихачевского поселения в 1964 г. М., 1964. Архив ИА РАН, Р-1, № 2865.

4) Еньшин Д.Н. Отчет о научно-исследовательской работе разведочное археологическое обследование поймы р. Ишим в Казанском и Абатском районах Тюменской области в 2007 г. Тюмень, 2009.

Тюмень, ИПСО СО РАН

Н.А. Берсенева

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЯХ ЖЕНЩИН (синташтинская культура Южного Урала)

Синташтинские древности, являясь ярким пятном на карте бронзового века Урала, последние десятилетия находятся в постоянном фокусе внимания исследователей. Тем не менее, некоторые аспекты жизни синташтинского общества до сих пор остаются в тени. На фоне обсуждения колесничной символики и воинов-колесничих, женская составляющая общества, за редким исключением [Куприянова, 2008] получала мало внимания. Между тем, только изучение всех гендерных и возрастных групп под одним углом зрения способно дать сколько-нибудь адекватную картину функционирования древнего социума.

Безусловно, реконструкция гендерных отношений в дописьменный период истории представляет собой немалую проблему. Современной археологией признается принципиальная возможность исследования гендера через материальную культуру [Sorensen, 2000]. Наиболее информативными в этом аспекте считаются погребальные памятники, так как только там мы имеем дело непосредственно с индивидами. Гендер умершего может быть отражен в археологическом источнике через локализацию погребения в пространстве, его структуру, состав сопроводительных артефактов, следы ритуальных действий (жертвоприношения). При этом, если первые две позиции могут не иметь гендерного оттенка, то размещение артефактов в погребении по гендерному признаку является одним из немногих аспектов, хорошо фиксирующихся археологически.

Как правило, эти артефакты ассоциируются с конструкцией «женственности» или «мужественности», принятой в обществе, и могут символизировать роли, исполняемые индивидами различного пола. Например, «мужчина может быть погребен с колчаном, отражающим его деятельность как охотника и воина; с сосудом, отражающим его взрослый статус как лица, которое пьет с другими взрослыми мужчинами... Женщина может быть погребена с бусами, отражающими ее статус как незамужней девушки; с камнями для добывания огня, отражающими ее статус как жены; с терочником, отражающим ее статус как матери...» [Ucko, 1969, p. 265]. По данным кросс-культурных этнографических исследований Л. Бинфорда и К. Карра, часто именно гендерной принадлежностью погребенного обусловлена его ориентация в могиле и набор сопроводительного инвентаря [Binford, 1972, p. 233; Carr, 1995, p. 169-170].

Цель данной работы – попытка реконструировать социальные роли женщин синташтинской культуры путем анализа данных погребальных памятников. Синташтинские могильники в своем большинстве опубликованы, однако некоторые из них лишь выборочно (Бестамак) или без антропологических определений (Синташтинский комплекс). В данной работе были учтены погребения с идентифицированным полом и возрастом, в которых принадлежность погребального инвентаря и жертвоприноше-

ний конкретному индивиду не вызвала сомнений. Всего выборка составила 35 женских захоронений (возраст смерти – после 15 лет).

Локализация синташтинских погребений в пространстве кладбищ, позиция¹, ориентация умершего и наличие посуды, как нам кажется, не несут социально-различительной информации в интересующем нас гендерном аспекте [Епимахов, Берсенева, 2012]. Более перспективными выглядят сопроводительный инвентарь и жертвенные комплексы.

Более чем 71% погребенных женщин всех возрастов сопровождали орудия труда. Первое место по встречаемости принадлежит ножам и шильям (по 42,8%), далее следуют иглы (20%). Остальные орудия – каменные песты, бронзовый серп, рыболовный крючок, абразивы или каменные плиты иного назначения – единичны. Артефакты, связанные с металлургией представлены в нескольких погребениях. Как правило, это кусочки руды². В женских захоронениях полностью отсутствуют предметы вооружения, за исключением единичных наконечников стрел. 22,8% погребений содержали астрагалы.

Второй главной составляющей сопроводительного инвентаря женщин являются металлические украшения и украшения из бусин (57,1%). Они также сопровождали женщин всех возрастов. При этом надо отметить, что погребения женщин старшего возраста (более 40 лет) относительно немногочисленны (всего 6 индивидов) и украшения встречены в половине из них.

Большинство женщин было сопровождено жертвенными животными (82,8%). На первом месте по встречаемости – мелкий и крупный рогатый скот, лошадь представлена в меньшем объеме [см. подробнее: Епимахов, Берсенева, 2012].

Что можно сказать о социальных ролях женщин на основании подобных данных? Этнография, а также здравый смысл подсказывают, что у женщин в скотоводческом обществе должно было быть множество занятий. Уход за домом и детьми, прядение и ткачество, шитье, вероятнее всего, гончарство, выделка кож или войлока. Однако в погребениях, как можно было заметить, несмотря на относительно большое количество орудий труда, почти не представлена *специализированная* деятельность. Подавляющее большинство орудий из женских могил – полифункциональны, и в равном количестве представлены и в мужских захоронениях. Здесь возникает более общий вопрос о принципах снабжения умерших инвентарем. Представляется, что в женские погребения были в первую очередь положены самые необходимые орудия быта – нож, шило, игла, а не предметы собственно домашних производств. Менее часто встречающиеся орудия труда – ложила, абразивы, песты, каменные плитки, рыболовные крючки и т.д. – видимо, могут свидетельствовать об индивидуальности подбора инвентаря, а также о многообразии занятий женщин и об отсутствии узких специалистов среди них.

Украшения были очень частым, но, по-видимому, необязательным элементом женского погребения. Их наличие объясняется личными предпочтениями, или материальными возможностями самой погребенной или ее семьи. Они должны были отражать личную идентичность женщины, и одновременно, принадлежность ее к синташтинскому коллективу. Женщина с возрастом не теряла своей идентичности и продолжала носить украшения, возможно, несколько другие, чем в молодости – это трудно сказать на синташтинских материалах.

¹ Здесь нужно уточнить, что в парных и коллективных захоронениях все взрослые, погребенные на правом боку были идентифицированы как женщины, однако символизм данных погребений нуждается в отдельном изучении и не связан напрямую с социальными ролями.

² Интересно погребение 20 могильника Бестамак, где жертвенный комплекс из двух лошадей содержал предметы металлопроизводства и принадлежал индивиду неустановленного пола, но с набором украшений (Калиева, Логвин, 2012).

Жертвоприношения, в которых преобладает мелкий и крупный рогатый скот, в женских погребениях достаточно обильны. Лошадь представлена гораздо лучше в мужских погребениях. Можно осторожно предположить, что лошади в целом были предметом мужской заботы и были задействованы в занятиях мужчин. Остальные виды, особенно, вероятно, их детеныши, были более связаны с женской сферой. Однако, гендерные аспекты практики жертвоприношений заслуживают отдельного рассмотрения, и объем данной работы не позволяет уделить им должного внимания.

Таким образом, можно заключить, что в погребении, прежде всего, отражена социальная роль женщины как будущей или настоящей хозяйки дома, без демонстрации более узких и специализированных занятий и умений – гончарства, прядения, ткачества и т.д. Захоронение женщин в полном костюме и с украшениями демонстрируют, кроме прочих социальных ролей, роль будущей или настоящей жены и матери и, возможно, ее идентичность как члена синташтинского сообщества.

Работа выполнена в рамках программы научно-исследовательской работы «Среда обитания и социокультурное пространство Южного Урала и Зауралья в эпоху палеометалла».

Список литературы

- 1) Берсенева Н.А. Гендерный символизм в детских погребениях синташтинской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. Вып. XXII. С. 99–109.
- 2) Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // Вестник НГУ. 2012. Т. 11. Вып. 3. С. 148–70.
- 3) Калиева С.С., Логвин В.Н. Погребение 20 могильника Бестамак // Кадырбаевские чтения-2012. Материалы III Международной научной конференции. Актобе: без изд-ва, 2012. С. 77–82.
- 4) Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм бронзового века как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.
- 5) Binford L.R. Mortuary practices: their study and their potential // An Archaeological Perspective. New York: Seminar Press, 1971. P. 209–243.
- 6) Carr C. Mortuary practices: their social, philosophical-religious, circumstantial, and physical determinants // Journal of Archaeological Method and Theory 2. 1995. P. 105–200.
- 7) Sorensen M.L.S. Gender Archaeology. Cambridge: Polity Press, 2000. 225 p.
- 8) Ucko P.J. Ethnography and the archaeological interpretation of funerary remains // World Archaeology. № 1. 1969. P. 262–290.

Челябинск, Институт истории и археологии УрО РАН

А.В. Вострокнутов

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ РОДАНОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (КОНЕЦ XI — XV в. н.э.) НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ (по материалам поясного набора и шумящих подвесок)

Рубеж I и II тыс. н.э. на территории Верхнего Прикамья представляет огромный интерес для археологического изучения. Это связано, прежде всего, со сменой бытовавшей здесь ломоватовской археологической культуры родановской культурой. Соответственно, меняются материальная и духовная составляющие жизни местного населения.

Рис. Детали поясной гарнитуры и шумящие привески родановской культуры (конец XI – XV в.):
 1 – 4 – пряжки, 5 – 9 – накладки, 10 – 12 – наконечники ремней, 13 – 15 – арочные подвески,
 16, 17 – биякорьковые подвески.

Актуален этот период и для отечественной историографии. До сих пор нет консенсуса в датировке начала смены одной культуры другой. Поскольку эта тема не рассматривается в данной статье, мы только обозначим различные точки зрения. Это либо IX в., либо конец XI в. Автор придерживается второго утверждения.

Если по поводу датировки начала родановской археологической культуры имеются разногласия, то окончание ее функционирования исследователи определяют более или менее однозначно – XIV (XV) в.

Обратимся к внутренней периодизации этой археологической культуры.

С момента выделения родановских древностей М.В. Талицким в 30-х гг. XX в. и до настоящего времени по поводу периодизации были выдвинуты две точки зрения. Первая принадлежит самому М.В. Талицкому, по мнению которого ломоватовскую культуру, конец ее он относил к IX в., отделяет от родановской особая «загарская эпоха» (по могильнику в д. Загарье (ныне Соболево) современного Пермского края), датируемая X-XI вв., далее следует родановская археологическая культура [Талицкий, 1951. С. 55-59]. Как видим, М.В. Талицкий не занимался собственно разработкой периодизации интересующей нас культуры, но разделил начало II тыс. н.э. на две эпохи/культуры. Собственно родановской культуре он отвел XII-XIV вв.

Периодизацию именно родановской культуры предложили в 50-х гг. XX в. О.Н. Бадер и В.А. Оборин. Общая дата ее – IX-XV вв., внутри этого периода выделяются два этапа: «Лаврятский» (IX – середина XII в.) и «Рождественский» (вторая по-

ловина XII – XV в.) [Бадер, Оборин, 1958]. Периоды, как и у М.В. Талицкого, носят названия памятников археологии: Лаврятского и Рождественского городищ.

Таким образом, разработанная в середине прошлого века периодизация прикамских древностей первой половины II тыс. н.э. до сих пор не подвергалась уточнению.

В данной работе, на основании анализа «характерных» украшений родановской культуры, мы попытаемся вывести и обосновать новую периодизацию последней. На наш взгляд, полученные результаты более объективно отражают те социокультурные процессы, которые происходили на территории Верхнего Прикамья в первой половине II тыс. н.э.

Любая археологическая культура характеризуется определенным набором признаков, объединяющих археологические памятники, где они встречены, в некую общность. Обычно это форма и орнамент посуды, погребальный обряд и костюм. Разумеется, украшения в средневековом костюме играют ведущую роль. Следовательно, разрабатывая периодизацию культуры на основании украшений, мы можем рассуждать на более или менее объективные выводы.

Для начала остановимся на «характерных» украшениях родановской археологической культуры. Исторически сложилось, что еще с I тыс. н.э. подобного рода украшения были составные части *поясного набора* (накладки, пряжки, различного рода привески) и *шумящие подвески*. Конечно, перечисленные украшения не являются исключительно «пермскими», они распространены во многих древних культурах, тем более финно-угорских, но родановские украшения имеют своеобразные черты.

К сожалению, объем статьи не позволяет рассмотреть украшения более развернуто, поэтому далее будут представлены только основные выводы проведенного исследования.

Поясной набор родановской культуры, как и аналогичный элемент костюма ломоватовского периода, делится на накладки, пряжки и поясные подвески.

Пряжки (рис. – 1-4). Для периода родановской культуры (а это, по нашему мнению, конец XI – XV вв.) наиболее долго существующими являются: 1) рамчатые пряжки не орнаментированные или с декором, в котором используются элементы тордирования и торсирования, либо псевдотордирования и псевдоторсирования; 2) лировидные пряжки. По имеющимся аналогиям (вымские могильники, Новгород – для рамчатых пряжек; Жигановский могильник на р. Вымь, Новгород, городище Паасо в Карелии – для лировидных пряжек) их можно датировать весьма широко: конец XI – XIII в. для рамчатых пряжек и XII – начало (или полностью) XIII в. – для лировидных [Савельева, 1987. Рис. 35/10; Савельева, 1971. С. 43; Седова, 1981. С. 147, рис. 56/11; Савельева, 1971, С. 36, 85, табл. 37/9, 15; Савельева, 2010. С. 91, рис. 75/1, 76/4; Седова, 1981. С. 144, рис. 56/7, 8; Кочкуркина, 1981. С. 77, табл. 9/39].

Накладки (рис. – 5-9). Среди этих элементов поясного набора наиболее длительно существующими и поздними являются круглые накладки и щитовидные (с «бабочковидным» орнаментом). Отметим, что щитовидные накладки появляются еще в конце ломоватовской культуры, но с течением времени меняется технология их изготовления: если раньше штырьки для крепления к ремню отливались вместе с накладкой, то в родановский период эта процедура упрощается: вместо четырех штырьков используется впаянная в накладку проволока, концы которой загибаются.

Аналогии для накладок встречены в материалах Приобья, Волжской Булгарии, на Выжумском III могильнике в Мари Эл, вымских могильниках [Савельева, 2010. С. 102, рис. 95/4; Белавин, 1986. С. 29; Никитина, 2002. С. 203, рис. 70/2; Город Болгар, 1996. С. 220, рис. 67/12; Савельева, 1971. С.43; Савельева, 1987. Рис. 36/1, 5-6; Савельева 1988. С. 119, рис. 7/30]. Датируются эти накладки, согласно аналогиям, XII-XIII вв. (для круглых накладок) и XII – началом XIII вв. (для щитовидных накладок). Для последних аналогии представлены в материалах, максимум заходящих

лишь в X в. н.э., однако выделенное технологическое отличие от ранних изделий и тот факт, что подобные накладки не встречаются на памятниках позднее XIII в., позволяют нам утверждать их окончательную дату, указанную выше.

Наконечники ремней (рис. – 10-12) родановской культуры имеют аналогии в древностях Волжской Булгарии, вымского Кичилькосьского I могильника, Новгорода, Золотаревского селища в Пензенской области [Белавин, Крыласова, 2008. С.426, 428; Савельева, 1987. Рис.35/38; Савельева, 1971. С.43, табл.17/12; Седова, 1981. С.149, рис.58/7, 9]. В целом, все они датируются концом XI – XIII в.

Шумящие подвески. Наиболее «характерными» для родановской археологической культуры являются арочные и биякорьковые подвески.

Арочные подвески (рис. – 13-15), которые имеют наиболее позднюю датировку это: 1) украшения с одним или тремя шариками металла. Имеют небольшие размеры. Центром изделия служат шарики. Переданы они как шарик металла либо как спирально закрученная металлическая полоска. 2) По периферии проходят столбики псевдотордированной проволоки; 3) подвески имеют на своём щитке либо один, либо три шарика, чаще всего переданные завитками из проволоки. Завитки окружены аркой; 4) подвески с шатоном для вставки;

Аналогии этим украшениям имеются в костромских курганах, в древностях вымских и вычегодских могильников и юдинской археологической культуры [Рябинин, 1997. С.194, рис.51/6; Савельева, 1988. С.119, рис.5/4; Савельева, 1987. Рис.31/5, 6, 7; Савельева, 1971. С.89, табл.35/5, с.101, табл.35/2; Викторова, 1973. С.167, табл.ХII/3; Викторова, 2008. С.71, рис.57; Савельева, 2010. С.108-109, с.102 рис.154-155, рис.114/5, 154/22, рис.254; Кленов, 1999. С.114, рис.3/8, 9; Савельева, 1995. С.127, рис.5/2].

В основном, арочные подвески родановской культуры относятся к периоду конца XI – XIII в.

Биякорьковые подвески (рис. – 16, 17). Эти наиболее характерные украшения родановской культуры имеют крайне мало аналогий среди древностей соседних территорий. Датирование их проводилось на основании датировки звеньев цепочек и привесок, которые являются неотъемлемой частью изделий. Использование подобного метода позволило сузить принятую ранее датировку этой категории украшений [Вострокнутов, 2013]. Из проанализированных биякорьковых подвесок большая часть датируется XII – XIII вв. либо концом XII – XIII вв.

Аналогии им встречены на вымских могильниках и Рачевском археологическом комплексе в Прииртышье [Савельева, 1995. С.127, рис.5/3; Савельева, 1987. Рис. 30/18, 21; Савельева, 1986. Рис.5/53; Савельева, 2010. С.102, рис.153/6; Терехова, 1986. С.122, рис.3/5].

Таким образом, все рассмотренные украшения имеют верхней границей своего существования XIII в. н.э. Начиная с XIV в., среди украшений родановской культуры начинают преобладать совершенно иные изделия. Это, прежде всего, шейные подвески-медальоны, часто выполненные из свинцово-оловянистого сплава, которые имеют широкие аналогии в древностях Руси, особенно это касается подвесок с орнитоморфным изображением и косорешетчатых [Вострокнутов, 2012а. С. 242-249]. Также к влиянию русской традиции исследователи склонны отнести широкое распространение украшений из свинцово-оловянистого сплава, которые появляются еще на рубеже тысячелетий и широко распространяются с XII в. н.э. [Вострокнутов, Крыласова, 2012. С. 108]. К наиболее поздним относятся и зооморфные пронизки, сочетающие в себе черты коня и водоплавающей птицы. Все они происходят с территории северо-восточной Руси [Вострокнутов, 2012б, С. 18, рис. 2]. Еще раз подчеркнем, что поясной набор, существовавший непрерывно с I тыс. н.э., также исчезает в XIII в.

Подводя итоги, мы можем выделить своеобразный рубеж: большая часть украшений верхней границей имеет XIII в.

Обращает на себя внимание исчезновение таких наиболее типичных видов украшений, как шумящие подвески и детали поясного набора. Эти категории артефактов занимали одно из ведущих мест среди украшений Верхнего Прикамья, начиная с I тыс. н.э. Однако, исходя из имеющихся данных, к XIV в. эти изделия исчезают. Другие украшения, которые имели бытование в XIV в. имеют древнерусское происхождение, или созданы под русским влиянием.

Интересно соотнести эти данные с тем фактом, что на рубеже XIII–XIV вв. происходит резкое сокращение числа занимаемых памятников археологии [Вострокнутов, 2011, с. 16]. Очевидно, что два этих факта взаимосвязаны.

Мы выдвинули этот тезис не потому, что хотим связать это сокращение (а, следовательно, и замену украшений родановских на русские изделия) с появлением выходцев с территории русских княжеств. Думается, что тут имело место совпадение: очевидно, что на этот период приходятся неблагоприятные природные явления, болезни и пр. [Вострокнутов, 2011. С. 17]. Ослабленное население Верхнего Прикамья по этим причинам могло легко поддаться на усиление русского влияния, выраженном, скорее всего, через торговые связи – этому способствовал и тот факт, что соседняя вымская археологическая культура это влияние начала испытывать на столетие раньше. Возможно, что «русское влияние» является следствием переселения в Прикамье группы выходцев с территории современной республики Коми.

Получается, что собственно родановская археологическая культура, её самобытная часть, функционировала на протяжении конца XI – XIII в., а последующие два века до окончательной колонизации русским населением такой самобытностью не обладают.

Полученные данные позволяют уточнить имеющуюся периодизацию родановских древностей. На наш взгляд, целесообразно выделить в материальной культуре Верхнего Прикамья первой половины II тыс. н.э. два периода (как и у В.А. Оборина и О.Н. Бадера): «Период самобытности» (конец XI – XIII в.) и «Период русского влияния» (XIV–XV вв.). Что касается последнего, речь тут идёт именно о культурном влиянии, а не о колонизации, так как имеющаяся источниковая база пока не позволяет однозначно оценить начало и масштабы этого явления, а имеющиеся материалы требуют более глубокого анализа. Та культурная ситуация, которая сложилась на интересующей нас территории, начиная с XIV в., не может быть отнесена к родановской культуре на 100%. Отсюда и предложенное деление.

Таким образом, на наш взгляд, предложенная периодизация позволяет более объективно проследить процесс изменения материальной культуры Верхнего Прикамья первой половины II тыс. н.э., а вслед за этим и делать определенные выводы о социокультурной динамике, которая прослеживалась на данной территории.

Список литературы

- 1) Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермское книжное издательство, 1958. 244 с.
- 2) Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула. Средневековый археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2008. 603 с.
- 3) Белавин А.М. Городищенское городище на реке Усолке // Приуралье в древности и средние века. Ижевск, 1986. С. 130 – 142.
- 4) Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург: Издательство Квадрат, 2008. 208 с.
- 5) Викторова В.Д. Ликийский могильник X – XIII вв. // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 133–168.
- 6) Вострокнутов А.В. (а) Шейные подвески первой половины II тыс.н.э. на территории Верхнего Прикамья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2012. № 8. С. 242-249.
- 7) Вострокнутов А.В. (б) Зооморфные пронизки Верхнего Прикамья первой половины II тыс. н.э. // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 34. С. 15-24.

- 8) Вострокнутов А.В. Археологические памятники бассейна Верхней Камы XI – XV вв. Опыт картографического исследования с применением картографических данных // Казанская наука. 2011. № 8. С. 15 – 17.
- 9) Вострокнутов А.В. Звенья цепи и шумящие привески украшений родановской культуры верхнего Прикамья как датирующий элемент // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 5. С. 5 – 12.
- 10) Вострокнутов А.В., Крыласова Н.Б. Украшения XII – XIV вв. из легкоплавких металлов на территории Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. 2012. Вып 1. С. 105 – 11
- 11) Город Болгар. Ремесло кузнецов, ювелиров, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1996. 300 с.
- 12) Кленов М.В. Озельский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). Сыктывкар, 1999. С. 103 – 114.
- 13) Кочуркина С.И. Археологические памятники корелы (V – XV вв.). Л, 1981. 160 с.
- 14) Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.
- 15) Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
- 16) Савельева Э. А. Вымские могильники XI – XIV вв. Л: Издательство Ленинградского университета, 1987. 200 с.
- 17) Савельева Э.А. Жигановский могильник. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2010. 454 с.
- 18) Савельева Э.А. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 13. Сыктывкар. 1995. С. 92 – 138.
- 19) Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. М.: Наука, 1971. 224 с.
- 20) Савельева Э.А. Петкойский могильник // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. 1988. Вып. 11. С. 101–121.
- 21) Савельева Э.А., Зеленский В.С. Хронология погребальных комплексов Ыджыдзельского могильника // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. 1986. Вып. 10. С. 99–118ю
- 22) Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М: Наука, 1981. 196 с.
- 23) Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X – XIV вв. // МИА. 1951. №22. С. 33 – 96.
- 24) Терехова Л.М. Рачевский археологический комплекс // Проблемы Урало-Сибирской археологии: сборник научных трудов. 1986. С. 114 – 130.

Статья подготовлена в рамках Технического задания НИР "Ремесло Пермского Предуралья в эпоху средневековья" в соответствии с заданием Минобрнауки № 33.1091.2014/К на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности

Пермь, ПГГПУ

Д.О. Гимранов, Т.В. Лобанова

РЫБОЛОВСТВО ЖИТЕЛЕЙ НАДЫМСКОГО ГОРОДКА

Надымский городок - археологический памятник, аборигенного населения севера Западной Сибири, расположен в нижнем течении р. Надым (66°03' с.ш. 72°00' в.д.), на расстоянии 25 км от ее устья [Кардаш, 2013]. Палеоихтиологический материал был получен в ходе раскопок памятника в 2012 году. В этот полевой сезон исследовались оборонительно-жилой комплекс Надымского городка периода второй полови-

ны XV – первой трети XVI в., западная и северо-западная многофункциональные площадки. Внутреннее пространство оборонительно-жилого комплекса было разграничено перегородками и центральным коридором на кварталы, каждый из которых заполняли прямоугольные постройки разных размеров и функционального назначения — жилые и хозяйственные. При раскопках памятника в 2012 году был собран представительный комплекс артефактов (1198 экз.). Из них к орудиям рыболовства отнесено два изделия. Артефакты представляют из себя поплавки овальной или подпрямоугольной формы с скругленными заглаженными краями, плоские в сечении [Кардаш, 2012].

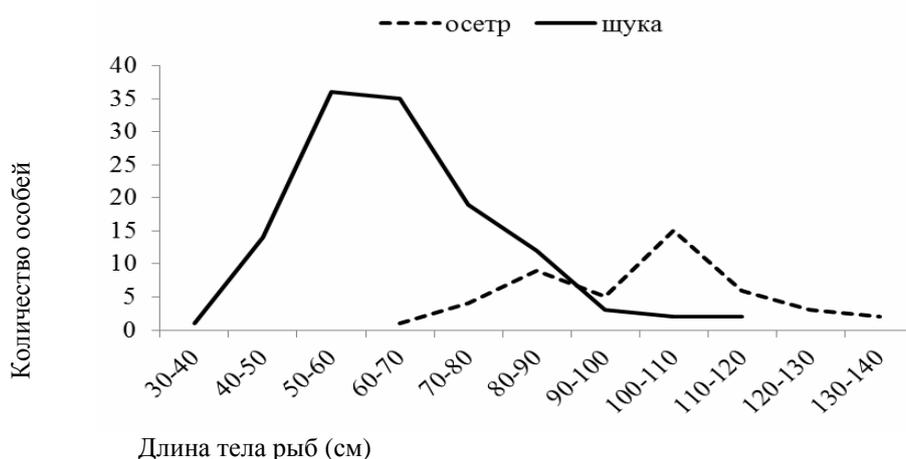

Рис. Размерная характеристика осетра и щуки восстановленная по костям скелета из археологического памятника Надымский городок (по материалам раскопок 2012 г.).

Костный материал выбирался вручную при разборке культурного слоя ножами и шпателями. Анатомическая и видовая идентификация костей проводилась с использованием литературных данных [Гуртова и др., 1976; Radu, 2003]. Также видовая принадлежность костей определялась с использованием сравнительной остеологической коллекции рыб Волжского и Обского бассейнов (музейная коллекция ИЭРиЖ УрО РАН). Реконструкция длины тела рыб выполнена на основе методики описанной в работе В.Д. Лебедева [1960].

Количество костных остатков промысловых видов млекопитающих и птиц составило 15887 экз., тогда как количество костей рыб – 655 экз. или 4,1%. Всего изучено 655 костей рыб, из которых 566 (86,4%) экземпляров определено до рода и вида (табл.). Большая часть костей целые, раздроблено 13,3% всего костного материала. Наибольшее количество костей (327 экз. или 49,9%) определено до рода сиговых рыб (*Coregonus* Lacerepe, 1804), в котором нельме (*Stenodus leucichthys* Gldenstdt, 1772) принадлежит 106 экз. (16,2%). Второе место по обилию костных остатков занимает щука (*Esox lucius* L., 1758) – 167 экз. (25,5%). Третье место принадлежит осетру (*Acipenser baerii* Brand., 1869). Количество костей рыб этого вида составило 58 экз. (8,9%). Наименьшую долю костных остатков делят между собой налим (*Lota lota* L., 1758) и язь (*Leuciscus idus* L., 1758). Количество костей налима и язя составляет по 7 экз. (по 1,1%).

В таблице приведено распределение костного материала на территории городища (табл.). По обилию костных остатков рыб доминируют территории северо-западной (31,0%) и западной (26,6%) межфункциональных площадок (СЗ МФП и З МФП) городка (табл.). В жилых постройках на территории оборонительно жилого комплекса костей рыб немного. Наибольшее количество костей определено из по-

стройки 12 (10,1%), где все найденные кости были сосредоточены в локальном скоплении, содержащем кроме рыбы, большое количество костей млекопитающих. Надо отметить, что независимо от местоположения соотношение костей разных видов практически не меняется.

Характеристика видового состава и количества костей рыб по участкам археологического памятника Надымский городок (по материалам раскопок 2012 г.).

Вид	Постройки					Межфункциональное пространство (МФП)			Пространство м/у постройками (МП)			Осыпь	Всего (экз.)	Всего (%)
	№10	№12*	№13	№14	№17	Западное МФП	Северо-западное МФП	МФП XVII век	I**	II	III			
Нельма	4	5	-	1	1	29	41	4	11	6	2	2	53/53	16,2
Сиговые	2	38	7	12	7	41	58	19	9	9	7	12	66/155	33,7
Осетр	-	8	-	-	-	19	14	6	8	1	1	1	44/14	8,9
Налим	-	-	-	-	-	4	2	1	-	-	-	-	4/3	1,1
Щука	2	10	2	3	1	42	63	13	16	2	11	2	98/67	25,5
Язь	-	2	-	-	1	2	1	-	-	1	-	-	5/2	1,1
Рыба	1	3	-	-	2	37	24	18	1	3	-	-	89	13,6
Всего (экз.)	9	66	9	16	12	174	203	61	45	22	21	17	655	100,0
Всего (%)	1,4	10,1	1,4	2,4	1,8	26,6	31,0	9,3	6,9	3,4	3,2	2,6	100,0	

* Постройка №12 являлась жилой, все остальные использовались в хозяйственных нуждах.

** I – пространство кварталов между постройками; II – заполнение центрального прохода; III – заполнение наружной стены оборонительно-жилого комплекса.

Данные соотношения отделов скелета (головы и туловища) указывают на то, что большинство пойманных рыб приносили на городище целиком и разделявали уже на месте. Ввиду того, что осетр является хрящевой рыбой, наблюдается преобладание костей черепа над костями туловища этого вида. Обратная ситуация в роде сиговых рыб связана с тем, что очень плохо сохраняются кости черепа по сравнению с позвонками.

Для двух видов рыб – осетра и щуки мы реконструировали размеры тела до хвостового плавника (рис.). Реконструировать размеры тела осетра удалось по 45 костям. Основную часть (77,7 %) добываемого осетра составили особи от 80 до 120 см (35 экз.), где преобладающей группой являются группа с особями от 100 до 110 см (рис.). Размеры тела осетра варьируют от 60 до 140 см. По 124 костям была реконструирована длина тела щуки. Особи этого вида, имеющие длину от 50 до 70 см (71 экз., 57,3 %) составляют основную часть добываемой щуки (рис.). Вариация размеров тела этого вида находится в пределах от 30 до 120 см.

Средние размеры длины тела современного осетра района Обской губы находятся в пределах 90-110 см [Меньшиков, 2011]. Сопоставляя полученные данные по длине тела осетра с опубликованными ранее, мы приходим к выводу, что осетр XV-XVI вв., вылавливаемый населением Надымского городка, в целом превосходил размеры современных особей этого вида. Рассчитанный вес самого крупного осетра из городища Бухта Находка составил около 30 кг., что не превышает таковой показатель у рыб вылавливаемых в первой половине XX века [Меньшиков, 2011]. Реконструированные нами размеры тела осетра в целом мало рознятся с опубликованными ранее [Визгалов и др., 2013], принимая во внимание тот факт, что в опубликованной работе рассчитывалась общая длина тела особей этого вида.

Интерес вызывает то обстоятельство, что наши данные по реконструированным размерам тела щуки не совпадают с подобными результатами вычислений приводимых в коллективной работе [Визгалов и др., 2013]. Учитывая, что методы расчета относительной длины тела рыбы были одинаковыми, мы связываем преобладание в улове крупной щуки (от 80 до 100 см) с изменившимися к XVII-XVIII вв. особенностями лова данного вида рыбы. Об этом косвенно свидетельствует изменение структуры рыболовных орудий на рубеже XVI-XVII веков, как частности изменения материального комплекса [Кардаш, 2007]. К периоду второй половины XV – первой трети XVI вв. отнесено 117 орудий рыболовства. Доминирующими изделиями являются поплавки (13 экз.) и грузила (91 экз.). В меньшем количестве отмечены остатки орудий типа верши и морды (11 экз.) и колотушки для битья рыб (2 экз.). В культурных отложениях Надымского городка датированных серединой XVI-XVIII в. обнаружено 176 орудий рыболовства. Доминирующей группой также выступают поплавки (40 экз.) и грузила (90 экз.), найдены остатки верши (10 экз.). Но, что важно, только в слоях этого времени зафиксированы иглы для вязания сетей (4 экз.), мелкие рыболовные крючки (4 экз.), большие крюки для вытаскивания рыбы крупных размеров (28 экз.). Интересен тот факт, что впервые встречены 7 экз. поплавков цилиндрического типа, и 4 экз. грузил представляющих из себя берестяной мешочек с глиной [Кардаш, 2006; 2007; 2009а; 2009б; 2011а; 2011б; 2012]. Подобные поплавки и грузила применялись остяками в конце XIX – начале XX вв [Сирелиус, 2001].

Сравнивая наши результаты с опубликованными ранее данными [Визгалов и др., 2013; Кардаш, 2013] мы приходим к следующим выводам. Доля рыбных остатков на протяжении XV – начала XVIII в. остается практически неизменной и не превышает 5,5% от общего числа костей. Видовая структура улова остается в целом однообразной. На всем протяжении изучаемого времени доминирующей группой рыб являются представители сиговых. На втором месте по обилию костных остатков находится щука. Ряд выводов можно сделать по материалам раскопок 2012 года. Костные остатки рыб распределены по изученной площади памятника неравномерно. Большая часть их приходится на территории северо-западной (СЗ МФП) и западной (З МФП) межфункциональных площадок городка. Результаты анализа соотношения отделов скелета рыб позволили предположить, что на территорию городища рыбу, скорее всего, приносили целиком. Основная часть добываемого осетра состояла из особей от 80 до 120 см. Размеры основной части добываемой щуки находятся в пределах от 50 до 70 см. В изучаемый отрезок времени у населения Надымского городка вероятно не было приспособлений для избирательного лова крупной рыбы. Рыбу, вероятнее всего, добывали в основном сетями, неводами и вершами. Анализ видового состава показывает, что все представленные виды являются фоновыми для археологических памятников севера Западной Сибири [Некрасов, Косинцев, 2011; Визгалов и др., 2013; Гимранов, 2013].

Авторы выражают благодарность за предоставленный материал и ценные рекомендации О.В. Кардашу (Институт археологии Севера).

Список литературы

- 1) Визгалов Г.П., Кардаш О.В., Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2013. 376 с.
- 2) Гимранов Д.О. Новые ихтиологические материалы из археологического памятника Усть-Полуй // Экологические проблемы регионов: Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых и студентов. Уфа: Издательство БашГУ, 2013. С. 39-41.
- 3) Гуртовой Н.Н., Матвеев Б.С., Держинский Ф.Я. Практическая зоотомия позвоночных. Низшие хордовые, бесчелюстные, рыбы. М.: Высшая школа, 1976. 353 с.
- 4) Лебедев В.Д. Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР. М.: Изд-во МГУ, 1960. 404 с.

- 5) Некрасов А.Е., Косинцев П.А. Остатки рыб из археологического памятника Усть-Полуй // Экология древних и традиционных обществ: сб. докладов конф. Вып. 4. Тюмень, 2011. С. 201-204.
- 6) Radu V. Exploitation de ressources aquatiques dans les cultures neolithiques et chalcolithiques de la Roumanie Meridionale. France, 2003. 438 p.
- 7) Кардаш О.В. Отчет о НИР комплексные научные исследования по археологическим раскопкам Надымского городища в 2006 году. Нефтеюганск, 2006.
- 8) Кардаш О.В. Отчет о НИР комплексное изучение Надымского городища в 2007 году. Нефтеюганск, 2007.
- 9) Кардаш О.В. Отчет о НИР комплексные археологические исследования Надымского городка XV-XVI вв. в 2008 году. Нефтеюганск, 2009а.
- 10) Кардаш О.В. Отчет о НИР комплексные археологические исследования Надымского городка XV-XVI вв. в 2009 году. Нефтеюганск, 2009б.
- 11) Кардаш О.В. Отчет о НИР. Комплексные археологические исследования Надымского городка XV-XVI вв. в 2010 году. Нефтеюганск, 2011а.
- 12) Кардаш О.В. Отчет о НИР. Комплексные археологические исследования Надымского городка XV-XVI вв. Книга 1. Исследование Надымского городка в 2011 г. Нефтеюганск, 2011б.
- 13) Кардаш О.В. Отчет о НИР. Комплексные археологические исследования Надымского городка XV-XVI вв. Нефтеюганск, 2012.
- 14) Кардаш О.В. Обдорские городки конца XVI - первой трети XVIII вв. Надымский городок князей Большой Карачеи: история и материальная культура. Екатеринбург: Магеллан, 2013. 360 с.
- 15) Меньшиков М.И. Рыбы бассейна реки Оби. Пермь: Пермский государственный университет, 2011. 216 с.
- 16) Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. Томск: Изд - во ТГУ, 2001. 344 с.

*Екатеринбург, Институт экологии растений и животных
УрО РАН*

С.П. Грушин, О.В. Спиненко

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ЕЛУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ (по материалам планиграфии поселения Колыванское-1)

Актуальной проблемой в изучении эпохи ранней бронзы лесостепного Обь-Иртышья является соотношение выделенных в разное время исследователями типов керамики. Одним из таких типов выступает посуда елунинской культуры. Ю.Ф. Кирюшин отнес к ней три группы. К первой группе были отнесены сосуды, украшенные от венчика до дна оттисками «отступающей» и «шагающей гребенки». Подобными оттисками наносились горизонтальные, вертикальные и волнистые ленты, иногда фигуры типа треугольников, прямоугольников и ромбов. Ко второй группе была отнесена керамика с комбинированной техникой орнаментации. «Отступающей гребенкой» нанесены прямые и волнистые линии, печатные ромбы, зигзаги, прямые и наклонные линии. Так же встречаются оттиски угла дощечки или палочки, овальные и треугольные лунки, но посуды этой группы немного. К третьей группе были отнесены сосуды баночной формы, украшенные гребенчатым штампом. Отпечатки штампа образуют наклонные линии, треугольники, зигзаги, ряды елочек и вертикальные линии [Кирюшин, 2002. С. 48–51].

Дальнейшее накопление материалов и разработка данной проблематики позволило одному из авторов связать с елунинской культурой только первую группу по классификации Ю.Ф. Кирюшина [Грушин, 2003а; 2014], выделив две орнаменталь-

ные традиции. Сосуды характеризуются устойчивым набором основных способов и приемов орнаментации, куда входят «шагающая гребенка» и «отступающая палочка». По способу движения орудия по поверхности сосуда, традиции были обозначены, как «шагающая» и «отступающе-накольчатая» [Грушин, 2003б. С. 58].

Данные орнаментальные традиции в общих чертах соотносятся с такими группами керамики, выделенными ранее, как «логиновская» и «кротовская». Подобные приемы орнаментации характерны для памятников Среднего Прииртышья эпохи ранней бронзы. Вопрос о соотношении «логиновского» типа керамики, для которого характерна техника «отступающей палочки» и «кротовского» – посуда украшенная «шагающей гребенкой» решается в научной литературе по-разному. Некоторые исследователи рассматривают посуду обоих типов в рамках одной культуры [Молодин, Глушков, 1989. С. 108], другие – считают их разнокультурной [Стефанова, 1988. С. 67].

Наши исследования показали, что «отступающе-накольчатая» керамика, пусть даже и в малых количествах, но все же присутствует в большинстве керамических комплексах Барабы и лесостепного Алтая, в которых отмечена посуда, орнаментированная «шагающей гребенкой». Это правомерно не только для поселенческих комплексов, но что очень важно, и для погребальных. Материалы елунинской культуры как поселенческие, так и погребальные свидетельствуют о культурной идентичности керамики орнаментированной «отступающей палочкой» и посуды с отпечатками «шагающей гребенки». Данный тезис подтверждается материалами памятника Телутский Взвоз-1. Об этом свидетельствуют как планиграфия, погребальный обряд, так и вещевой материал, зафиксированный в погребениях с керамикой обоих типов. Более того, на одном из сосудов зафиксировано сочетание горизонтальных рядов, выполненных «отступающей палочкой» и «шагающей гребенкой», то есть присутствие двух традиций на одном сосуде, подобный случай зафиксирован и в керамике поселения Березовая Лука.

Таким образом, наши наблюдения подтверждают точку зрения о единокультурности «логиновской» и «кротовской» керамики. В контексте решения данного вопроса новая задача, которая стоит перед исследователями это определение социокультурного содержания выделенных двух традиций в елунинском комплексе. Рассматривая однозначно, керамику обоих типов в рамках одной культуры, нельзя не признать, что они относительно автономно функционировали в елунинском гончарном производстве. Об этом свидетельствуют следующие наблюдения.

1. На одном сосуде не встречаются оба типа орнаментации. Исключение составляют только два, упоминавшихся выше, случая.

2. Есть различие в композиционном предпочтении. Так сосуды, украшенные в технике «отступающей палочки» в редких случаях имели выделенную особым образом орнаментальную зону под венчиком, в отличие от сосудов с «шагающей гребенкой».

2. Технологический анализ елунинской керамики показал, что сосуды разных типов имеют четкие технологические отличия в рецептуре формовочных масс: сосуды с «отступающей палочкой» сопряжены со смешанной минерально-шамотной формовочной традицией, посуда с «шагающей гребенкой» – с несмешанной – минеральной (песок и породные обломки) традицией [Мыльникова, Грушин, 2010. С. 132; 2011. С. 138].

Целью данной работы стало выявление планиграфических закономерностей распространения двух типов керамики на поселении Колыванское-1. Памятник расположен на северном берегу одноименного озера в Змеиногорском районе Алтайского края, открыт в 1982 г. Ю.П. Алехиным, им совместно с М.А. Деминым в 1982–1988 гг. были проведены раскопки на поселении. В 2010–2014 гг. полевое изучение поселения было продолжено С.П. Грушиным. Общая площадь раскопа за последний период составила 1076 кв.м.

На первом этапе исследования нами была осуществлена классификация керамики по орнаментальным традициям, далее произведена ее статистика по слоям и группам; выявлены планиграфические закономерности распространения керамики. В процессе работы было учтено 2011 экз. (100%) орнаментированной керамики, из них 1481 экз. (73,6%) составили группу керамики с «отступающей палочкой» и 530 экз. (26,4%) группу посуды украшенной «шагающей гребенкой». Распределение керамики на поселении по глубине залегания (условным пластам) не выявило какие-либо особенности. В каждом из четырех слоев 72–75% фрагментов украшены «отступающе-накольчатой» техникой, оставшиеся 25–28% фрагментов – «шагающей гребенкой». Такое распределение дает аналогичную картину и в целом по памятнику, на основании чего можно сделать вывод, о равномерном распределении керамики двух типов по глубине залегания.

Следующий этап исследования был связан с выявлением планиграфических особенностей распределения керамики двух типов. По плотности концентрации находок на раскопанной площади поселения можно выделить три зоны, которые условно можно обозначить как северная, центральная и южная зоны. Северная характеризуется наибольшей концентрацией находок, преобладающим типом керамики здесь является «отступающе-накольчатая» посуда – 1057 экз. (81%) «шагающая» техника составляет 250 экз. (19%). В этой зоне керамика распространяется равномерно, только на некоторых участках зафиксировано несколько скоплений. В центральной зоне керамики, как и других категорий находок, значительно меньше. Соотношение встречаемости фрагментов двух традиций на этом участке в целом повторяет схожую с северным участком ситуацию. Преобладающим типом здесь является «отступающе-накольчатая» посуда - 150 экз. (72,5%), «шагающая» техника составляет 57 экз. (27,5%). В южной зоне концентрация находок, по сравнению с центральной, значительно возрастает. Соотношение выравнивается примерно поровну: «отступающе-накольчатая» керамика представлена 274 экз., (55%), «шагающая» – 223 экз. (45%).

Таким образом, планиграфическое распределение керамики по выделенным типам на поселении Кольванское-I позволило выявить следующие закономерности:

- керамика распространена по территории не равномерно, большая ее концентрация отмечена на северном и южном участках, центральный – характеризуется большей разреженностью;

- преобладает керамика, украшенная «отступающей палочкой», которая составляет примерно 1/3 от общего количества фрагментов;

- количество фрагментов украшенных «шагающей гребенкой» постепенно увеличивается с севера на юг, соответственно количество керамики с «отступающей палочкой» уменьшается с севера на юг.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод, что к выявленной ранее сопряженности двух независимых между собой признаков – техника орнаментации и рецепты формовочных масс присоединяется третий признак – планиграфический, выявленный на поселении Кольванское-I. Подобную работу планируется продолжить на других поселенческих комплексах елунинской культуры, прежде всего на памятнике Березовая Лука. Полученные результаты позволят приступить к социокультурной интерпретации функционирования двух традиций в елунинском гончарном деле.

Список литературы

1) Грушин С.П. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003а. Кн. I. С. 49–56.

2) Грушин С.П. Керамический комплекс поселения Березовая Лука как источник по изучению орнаментальных традиций елунинской культуры // Источники по истории Западной Сибири. Сургут: Изд-во СурГПУ, 2003б. Ч. I. С. 54–60.

- 3) Грушин С.П. Уткульская группа памятников в Верхнем Приобье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т.1. Казань: Отечество, 2014. С. 416–420.
- 4) Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 294 с.
- 5) Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.
- 6) Мыльникова Л.Н., Грушин С.П. Физико-химическое исследование керамики поселения Березовая Лука // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 81–84.
- 7) Мыльникова Л.Н., Грушин С.П. Керамика поселения Березовая Лука: физико-химическое исследование // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: Изд-во ИА РАН, 2010. С. 126–140.
- 8) Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. С. 53–75.

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N 220), полученного ФГБОУ ВПО " Алтайский государственный университет" проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Барнаул, АлтГУ

М.Г. Дворников

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РАСЧЕТОВ ПЛОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНИХ ОХОТНИКОВ И СКОТОВОДОВ В ТАЕЖНЫХ И ЛЕСОСТЕПНЫХ БИОГЕОЦЕНОЗАХ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ

Анализ воздействия человека на биogeоценозы (далее – БГЦ) и их компоненты при разном техническом оснащении и хозяйствовании в историческом аспекте имеет важное значение.

Целью настоящего сообщения было обосновать применение биogeоценологического подхода при оценках состояния БГЦ, динамики их освоения и выявлении антропогенных воздействий, в том числе ретроспективных, сопряжено сопоставляя малонарушенные и освоенные территории, расположенные в одних лесорастительных округах и районах.

Хорошо известно, что в рассматриваемом нами регионе (51-60° с. ш. и 43-65° в.д.) и смежных с ним территориях имеется вполне достаточно археологических, палеоботанических и палеозоологических сведений о развитии БГЦ. Однако, важные экологические компоненты – продуктивность БГЦ, биомасса ресурсов, используемых на различные нужды (не только в пищу), плотность населения при разных типах хозяйствования, особенно с развитием товарных отношений, технологий и способов охоты, в том числе подкрепленная для сравнения историческими сведениями (этнографические параллели) из жизнедеятельности племен, занимавшихся рыболовством, охотой, оленеводством и скотоводством, в них не раскрыты.

В наших исследованиях, касающихся оценок состояния и хозяйственного воздействия человека на биоту, учитывались иерархия БГЦ, прошлое и современное их состояние (особенно этап развития). В данном случае структурными блоками биомов и их рабочими единицами, где происходят первоначальные биогеохимические и энергетические процессы, были и являются элементарные БГЦ. Эти системы в связи с природной зональностью имеют возраст, представлены присущими им видовыми

составами растений и животных, цепями питания, трофическими уровнями, скоростью и емкостью биогеохимической работы, антропогенной нарушенностью и сохранностью биоты (материалы приводятся в публикациях автора). Изначально структурно-функциональные изменения, в том числе от антропогенных причин, происходили не в абстрактном пространстве, а в конкретных сопряженных БГЦ и в более крупных природно-территориальных комплексах. Экспериментально прослежено, что ежегодное многолетнее возобновление биологических ресурсов проходит в пределах ёмкости геохимических и энергетических процессов (ёмкость среды) в БГЦ, где эффективность использования чистой первичной продукции растительноядными млекопитающими, в том числе лосем, являлась показателем нагрузки на растительность. Вещественно-энергетические потоки – одни из главных функциональных свойств и признаков, так как они включают состав и иерархию всех блоков и звеньев обмена и роль конкретного компонента БГЦ. Именно перечисленное объединяет элементы в единое целое и позволяет на практике разграничивать конкретные БГЦ. Последнее закреплено и в Законе РФ «Об охране окружающей среды», ст. 1.

Человек вошел в звенья биологического круговорота и энергетического потока БГЦ, как и другие травоядные и хищные млекопитающие. В доисторический период почти вся территория региона была занята малонарушенными лесными землями с естественной динамикой развития БГЦ. В регионе известно (с мезолита) более 180 археологических памятников, в большинстве имеющих координаты и радиоуглеродные возрастные даты, характеризующие отложения. С синергетических позиций, придерживаясь хорошо известных климатических, палеоботанических и других реконструкций природных зон и их территориальных единств, мы рассмотрели зональные и провинциальные характеристики поступления фотосинтетически активной радиации и далее продуктивности растительного покрова, обеспечивающего ёмкость среды. В течение трёх десятилетий проводили экспериментальные биогеоэкологические исследования в зональных заповедниках и на сопряженных с ними хозяйственно освоенных территориях. Особое внимание уделялось многолетним динамикам состава, плотности и запасам фитомассы и биомассы зверей, птиц, рыб и т.д.

Установлено, что современный состав фаунистических териокомплексов, уровень видового богатства и концентрации видового богатства малонарушенных БГЦ заповедников имеет большое сходство с таковыми, характерными для суббореальных и субатлантических природных условий голоцена. Вполне реально плотность и биомасса зверей также могла соответствовать, как и ранее, значениям, характерным для зональных таёжных и лесостепных БГЦ. Плотность и биомассу зверей и домашних животных рассчитывали по соотношению в отложениях костного материала (по отношению к широко распространенному в регионе лосю), а плотность охотников – по потребленной энергии лосиного мяса. К примеру, для ежедневного обеспечения пищей одного человека массой 70 кг необходимо было добыть мяса (2500-4000 ккал) с площади не менее 30 кв.км, там, где высокая плотность и биомасса лося. С совершенствованием оружия и технологий охоты плотность населения охотников увеличивалась. Другие источники энергии: растительные ресурсы, птица, рыба – рассматривались как дополнительные и потенциальные.

В БГЦ раннего голоцена биомасса лося была 2,5-5 кг/га. Кости домашних животных в отложениях отсутствовали. В эпоху мезолита и раннего неолита плотность населения охотников составляла на юге региона 0,05, на севере - 0,03 чел./кв.км. В период перехода от неолита к ранней бронзе кости диких зверей составляли 94,1%, домашних млекопитающих – 5,9%. Биомасса домашних пищевых видов достигала 0,97 кг/га, а плотность населения охотников – 0,08 чел./кв.км. Становление современных БГЦ региона произошло 3,5-2,5 тыс.лет назад. В суббореальный период 4,5-2,5 тыс.лет назад, в последнее его тысячелетие плотность населения охотников и скотоводов повысилась до 4 чел./кв.км на юге и до 0,09 – на севере. Далее для энергети-

ческих потребностей человек стал в основном обеспечивать себя биомассой домашних животных, зерновых и овощных культур. Плотность значительно возросла в поселениях скотоводов и земледельцев.

На рубеже XX-XXI веков малонарушенных лесных территорий на Европейском севере сохранилось около 14% от площади лесной зоны России, а в лесостепи девственные участки сохранились только в заповедниках. Доля пашни в северных биомах была 2%, в южных - 60-80%. В изменённых и преобразованных таёжных и лесостепных БГЦ параметры биогеохимического круговорота и балансы депонирования углерода стали иные. Биомасса диких копытных во вторичных БГЦ стала меньше, чем ранее, и составляла 1-2,5 кг/га. В течение последних 100 лет биомасса домашних млекопитающих на сельскохозяйственных территориях была 90-120 кг/га. По данным статистической отчётности в регионе заметно увеличилась плотность населения человека - от 4 до 60 чел./кв.км. Северные, таежные участки всегда заселялись человеком динамично, не равномерно и с малой плотностью. В последние 20 лет на севере наблюдается уменьшение населения, возобновление древостоев и продвижение лесостепных сообществ млекопитающих на пашни [Дворников, 2007; 2010].

Список литературы

1) Дворников М.Г. Млекопитающие в экосистемах реки Вятка (на примере особо охраняемых и освоенных территорий). Киров: Изд-во Кировская областная типография, 2007. 352 с.

2) Дворников М.Г. Роль млекопитающих в таежных и лесостепных экосистемах освоенных и охраняемых территорий Камского бассейна. Автореферат диссертации доктора биол. наук. Тольятти, 2010. 38 с.

*Киров, ФГБОУ ВПО Вятская ГСХА,
ВНИИОЗ им. проф. Б.М. Житкова*

Д.А. Демаков*, С.В. Копытов, Е.Л. Лычагина*, Н.Н. Назаров**,
А.В. Чернов*****

ДИНАМИКА ОСВОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ДОЛИНЫ ВЕРХНЕЙ КАМЫ В КОНТЕКСТЕ ПАЛЕОРУСЛОВЫХ ПРОЦЕССОВ

Естественно-научные методы исследования в последнее время все чаще начинают применяться в археологии. Наиболее часто они используются в исследованиях посвященных реконструкции условий жизни древнего человека и хронологии его существования.

В данной работе авторами был использован палеорусловый метод, который основан на анализе пойменного рельефа и пойменных отложений [Карманов, Чернов и др., 2013]. Заключается он в выделении с помощью дистанционных методов разновозрастных пойменных поверхностей – генераций – фрагментов поймы, различающихся между собой «рисунком» пойменных грив, ложбин и стариц, взаимным положением и четкостью их отображения на аэро- и космоснимках, составом отложений. Нанеся разновозрастные генерации на геоморфологическую карту, можно восстановить положение древнего русла реки на разных этапах формирования поймы. Размеры форм руслового рельефа напрямую зависят от гидрологических, а, следовательно, и климатических условий формирования русла и поймы. Крупность аллювия говорит о скоростном режиме потока в период формирования поймы; органические осадки, особенно линзы торфа, при проведении радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов используются для реконструкций хронологии и температурных и влажностных условий. Тем самым, палеорусловый анализ, в сочетании с результатами применения других естественно-научных методов, может с достаточной достоверностью

диагностировать природные условия в речной долине на разных этапах ее развития и предоставлять археологам аргументы для интерпретации артефактов с позиций природных условий жизни древнего и средневекового человека.

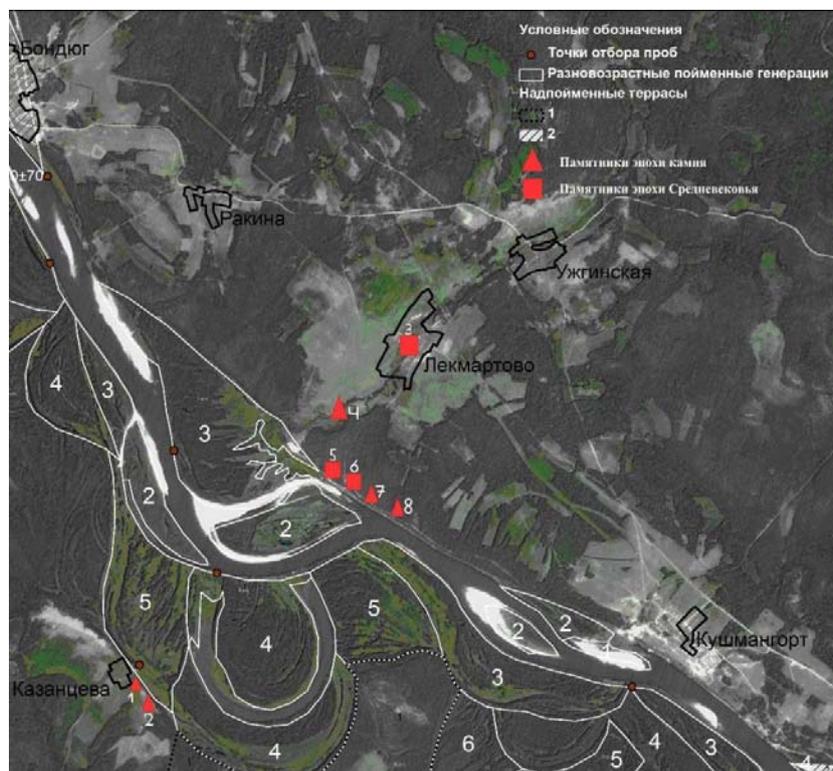

Рис. Фрагмент геоморфологической карты разновозрастных генераций поймы в районе дд. Казанцево – Лёкмартово Чердынского района Пермского края. Схема расположения археологических памятников: 1 – Казанцево I, стоянка; 2 – Казанцево II, стоянка; 3 – Гиняновка I, селище; 4 – Лёкмартово II, стоянка; 5 – Лёкмартово I, могильник; 6 – Лёкмартово I, селище; 7 – Лёкмартово IV, стоянка; 8 – Лёкмартово III, стоянка.

Объектом изучения стали пойменно-русловые комплексы р. Камы – от с. Бондюг до с. Пянтег. Структура пойменно-русловых комплексов (ПРК) здесь значительно отличается от смежных участков речной долины. Отчетливую морфологическую выраженность имеют многочисленные старицы, расположившиеся вдоль относительно прямолинейных участков современного русла [Назаров, Черепанова, 2011; Назаров, 2014].

Анализ рисунка разновозрастных пойменных генераций и визуальное диагностирование структурно-морфологических неоднородностей ПРК показало, что «строительство» долины Камы здесь происходило в разных геолого-геоморфологических и климатических условиях. Поскольку местонахождение русла реки в разные периоды формирования поймы не совпадало с его современным положением (блуждало) с большой степенью вероятности можно утверждать, что археологические памятники, в настоящее время располагающиеся в отдалении от его современного положения, в прошлом могли находиться на берегу.

По имеющимся данным [Список памятников..., 2000] здесь зафиксировано более 40 археологических памятников разных хронологических периодов (рис.). К со-

жалению, не у всех из них известны точные координаты, поэтому на карте они представлены не в полном объеме. Самые ранние из них (Лёкмортовские и Казанцевские стоянки) относятся к эпохе мезолита. Но наиболее активно эта территория была заселена в эпоху средневековья. К этому периоду относится 17 памятников различного типа (городища, селища, могильники). Такая плотность археологических объектов говорит о том, что данный район был удобен для проживания, так как обладал природными условиями благоприятными для земледелия и имел достаточную ресурсную базу (болотное железо, древесина, глина). Самую позднюю группу составляют памятники, относящиеся к периоду русской колонизации Верхнего Прикамья [Памятники ..., 1994. С. 218-243].

С целью более детального изучения геоморфологических условий в период формирования археологических памятников на данном участке долины Камы, в июле 2014 г. была проведена комплексная экспедиция. В результате ее проведения, были отобраны образцы для радиоуглеродного, палинологического и карплогического анализов. В данный момент эти образцы находятся в работе.

Большинство памятников региона располагается в левобережной части камской долины. Чаще всего они приурочены к надпойменным террасам или коренным склонам речной долины. Некоторая часть памятников находится на небольшом отдалении от реки на берегах стариц (Казанцевские стоянки, Кольчуг) и в пределах других морфологических элементов поймы.

Памятники *каменного века* располагаются либо на первой надпойменной террасе, либо на коренном берегу и относятся к эпохе мезолита, соответствующей началу голоцена в палеогеографической шкале (примерно 10-11 тыс. лет назад). Именно в это время река испытала интенсивное врезание, и поверхность нынешней первой террасы постепенно перестала затапливаться полыми водами. Препятствие к заселению ровной, и в тоже время близкой к реке и относительно невысокой поверхности исчезло.

Интерес и необходимость специального изучения вызывает факт практически полного отсутствия памятников *эпохи раннего железного века* (РЖВ), датирующихся I тыс. до н.э. – началом н.э. Вполне вероятно, что они располагались на несохранившихся сейчас участках поймы, которые позднее были перемыты рекой в результате горизонтальных русловых деформаций (блуждания русла по дну долины). В частности, на их месте могли со временем образоваться пойменные массивы третьей и более молодых пойменных генераций. Те же памятники, что сегодня сохранились, находятся достаточно далеко от реки, в районе д. Вилисова (четвертая пойменная генерация).

Средневековые археологические памятники в большинстве своем располагаются либо на второй пойменной генерации, либо на высоком коренном берегу. Можно сделать предположение, что жизнь людей этой эпохи была тесно связана с рекой (рыболовство, подсечно-огневое земледелие, металлургия и др.). Предварительно эту генерацию можно датировать концом I – началом II тыс. н.э.

Таким образом, уже на первой стадии изучения истории заселения бассейна верхней Камы можно говорить об эффективности использования палеоусловного метода в археологических исследованиях. Достаточно четко прослеживаются определенные закономерности во взаимосвязи возраста археологических памятников и их расположения. Памятники эпохи камня располагались либо на первой надпойменной террасе, либо на коренном склоне долины. Сохранившиеся памятники эпохи РЖВ, привязаны к четвертой пойменной генерации и располагаются на удалении от современного русла Камы. Памятники эпохи средневековья, за небольшим исключением, располагаются в пределах второй пойменной генерации, что, по-видимому, связано с большой ролью реки в жизни средневекового человека.

Список литературы

- 1) Карманов В.Н., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Панин А.В., Волокитин А.В. Опыт применения данных палеорусловедения в археологии на примере изучения средней Вычегды (европейский Северо-Восток России) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. 2. С. 83-93.
- 2) Назаров Н.Н. К вопросу о времени последнего массового спрямления излучин на Верхней Каме // Вестник Удмуртского университета, 2014. Вып. 2. С. 105-111.
- 3) Назаров Н.Н., Черепанова Е.С. Морфодинамические изменения русла Верхней Камы (исторический аспект) // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып.4. С. 119-126.
- 4) Памятники истории и культуры Пермской области. Т. I, Ч. I., Материалы к археологической карте Пермской области. Пермь: изд-во "Арабеск", 1994. С. 218-243.
- 5) Список памятников археологии Пермского края регионального значения. Приложение 1 к распоряжению губернатора области от 05.12.2000 N 713-р.

Работа выполнена за счет средств гранта РФФИ № 13-05-41281 "Направленность и активность пойменно-русловых комплексов бассейна верхней Камы в позднем голоцене"

**Пермь, ПГГПУ*

***Пермь, ПГНИУ*

****Москва, МГУ*

Е.Н. Дубовцева*, М.О. Тонкушина, Е.А. Юдина,
И.В. Усачева***, Т.Ю. Клементьева****, Л.Л. Косинская,
А.А. Остроушко, Н.А. Кулеш**

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОХРЫ (природный фактор формирования источника)¹

С начала 2014 г. научный коллектив Центра археологических исследований и НИИ физики и прикладной математики УрФУ при сотрудничестве с другими научными организациями осуществляет проект, посвященный разработке методических аспектов комплексного анализа охры в древних сооружениях и на артефактах с использованием современных методов физико-химических исследований. В ходе работы участники проекта неоднократно сталкивались с необходимостью проведения дополнительных источниковедческих изысканий, чтобы определить, относится ли конкретная находка к интересующей категории артефактов, корректно охарактеризовать и интерпретировать обнаруженный источник, ситуацию его залегания/выявления и т.д.

Эти изыскания не всегда очевидны в контексте основных задач проекта. В то же время, будучи напрямую связанными с источником, они, в известной степени, формируют и определяют его.

Ниже мы представили наблюдения и результаты ряда экспериментов, касающиеся отбора и характеристики образцов. Они появились, как результат наших попыток ответить на вопросы, являются ли обнаруженные пигменты природными или искусственными по своей природе (каково соотношение природного и антропогенного фактора в их формировании); и – какие существенные для научного анализа и интерпретации преобразования пигмент претерпевает в процессе археологизации (слоя, окрашенного артефакта)?

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 14-06-00162-14.

В рамках археологического исследования антропогенный или природный характер любого “красителя”, а также факт случайного или целенаправленного окрашивания поверхностей – момент принципиальный. Культурный слой памятника Чепкуль 21А (Тюменский р-н Тюменской обл.) включал около 30 полихромных песчаных объектов - серию линз, ям и канавок, в заполнении которых прослежен розовый и коричневый цвет, разный по интенсивности и тону. Пространство между объектами заполнял слабоокрашенный розовый/коричневато-серо-розовый слой мощностью до 0,2 м. По результатам ряда исследований был доказан искусственный характер окраски грунта [Усачева, 2011]. В поисках ответа на вопрос о природе красителя была рассмотрена гипотеза о его целенаправленном изготовлении из местного лимонита. По итогам работ было установлено, что прокаливание местного сырья при соблюдении определенных условий (температура кострового обжига, окислительный характер реакции) позволяет получить пигмент, идентичный или близкий по тону некоторым зафиксированным в раскопе оттенкам [Усачева, 2012], но - не всем. С целью более глубокого сопоставления археологические и экспериментальные образцы были проанализированы с применением естественнонаучных методов.

Результаты элементного анализа методом рентгенофлуоресценции показали практически совпадающий качественный состав для имеющегося образца лимонита местного происхождения, пигмента, полученного на его основе экспериментальным путем, и образцов окрашенного культурного слоя с памятника, что с высокой долей вероятности говорит об использовании местного лимонита в качестве сырья. Сравнение количественного содержания элементов в образцах усложняет присутствующая в красителе примесь песка (табл.).

Результаты элементного анализа образцов окрашенного культурного слоя памятника Чепкуль 21а, лимонита местного происхождения и полученного на его основе пигмента (масс. %)

	Образец окрашенного грунта из объекта №21	Образец окрашенного грунта из объекта №6	Образец окрашенного грунта из объекта №1	Образец окрашенного грунта из объекта №1	Образец лимонита	Образец пигмента, изготовленный из местного сырья
Fe	14,05	12,08	79,42	42,21	30,63	64,06
Cr	0,76	0,24	0,44	0,30	0,36	0,56
Mn	0,52	0,35	1,64	5,75	20,58	2,52
Ti	0,76	1,84	0,91	0,50	0,77	0,79
Ca	5,79	3,60	0,97	0,97	2,15	1,50
K	6,74	5,39	1,10	0,98	5,47	4,51
Cl	5,03	1,09	0,55	0,60	0,62	-
Si	64,03	72,93	11,12	7,77	34,61	12,30
V	0,12	0,39	0,32	-	0,30	0,33
Ni	1,59	1,30	2,62	11,83	2,63	3,50
Sr	0,41	0,64	0,11	9,07	1,00	0,46
Br	0,21	0,15	0,16	7,66	0,40	0,49
Cu			0,65	6,55	0,48	0,81
P				1,92		8,17
Al				3,88		

Метод электронной микроскопии показал, что исследованный образец пигмента из раскопок (заполнение объекта № 21) представляет смесь частиц оксида кремния, преимущественно кварцевых размером несколько микрометров, и агрегатов охры размером до 20 мкм. Пористые агрегаты охры имеют иерархическое строение. Они состоят из более мелких округлых или слегка уплощенных, также пористых частиц размером порядка 0,3-1 мкм, а те в свою очередь – из частиц от 20-30 до 100 (иногда

200 нм), связанных между собой более или менее развитыми контактными перешейками, которые могут свидетельствовать о воздействии на материал умеренно повышенной температуры (до 1000°C).

В 2013-2014 гг. в Советском районе Тюменской обл. ХМАО был начат эксперимент по окрашиванию грунта охрой. Его целью было определение объемов пигмента, необходимых для равномерного окрашивания 1 кв. м поверхности, а также – степени окрашивания вмещающих слоев с течением времени. Для решения этих задач было заложено три двухуровневых шурфа. Краситель помещался на уровень подзола (белесый рыхлый песок, глубина от современной дневной поверхности 5-10 см) и материка (плотный светло-желтый песок, глубина от современной дневной поверхности 30-35 и 50 см). В качестве красителя использовались: молотый обожженный лимонит буромалинового цвета (для полного окрашивания каждого горизонта было затрачено 100 г пигмента); влажный охристый песок желтого цвета естественного происхождения (400 г); сухой песок с охрой ярко-красного цвета естественного происхождения (400 г)¹.

Через год было произведено частичное вскрытие шурфов. Охристые прослойки хорошо фиксировались в планиграфии и стратиграфии даже в случае использования небольшого количества пигмента (при этом толщина всех прослоек в профиле не превышала 1 см). За контрольный период размывания слоя (1 год) его перемешивания с другими слоями не произошло, хотя подзол в местах непосредственного контакта с охристой прослойкой уже приобрел розовато-бурый оттенок.

Вопрос природы пигментов и характера их применения столь же актуален в рамках исследований керамических комплексов памятников. Накоплено значительное количество фактов использования охры при изготовлении керамики. Не останавливаясь подробно на интересном и спорном вопросе об использовании красного пигмента в качестве примеси к глиняному тесту, обратимся к практике окрашивания глиняной посуды.

На археологической посуде окрашивание иногда сочетается с лощением, иногда фиксируется перекрывание крашеной поверхности нагаром. Соответственно, одной из практических задач являлось получение окрашенной поверхности, устойчивой к стиранию и тепловой обработке. В результате наблюдения археологических образцов сложилось несколько предположений о способах окрашивания керамических изделий, которые были проверены экспериментально.

В экспериментах использовались специально изготовленные сосуды. Окрашивание сухой поверхности сосуда охристым порошком достаточно эффективно, однако устойчивость краски невелика. Втирание охристого порошка во влажную поверхность приводит к частичному смешению с глиной, из-за чего поверхность может приобретать неровный пятнистый цвет. Поверхности, окрашенные охрой на основе жира, слабо устойчивы к трению и воздействию огнем. Поверхности, окрашенные краской на основе яичного желтка, приобретают яркую гляцевую окраску устойчивую к стиранию. Однако после обжига и выгорания органической основы на поверхности остается тонкая прослойка краски, которая при трении оставляет красноватые следы на ладони. При покрытии глиняными суспензиями интенсивность окраски зависит от количества охристого порошка в ангобе. Такая покрашенная поверхность устойчива к стиранию и до и после обжига, но интенсивность окраски невелика.

Во всех случаях на окрашенной поверхности экспериментальных образцов под бинокулярном фиксируются мелкие остроугольные или окатанные фракции красного цвета. При лощении они размазываются и забивают поры. Концентрация на

¹ Сырье для изготовления красителя, а также песок желтого и ярко-красного цвета имели местное происхождение (Советский район Тюменской обл. ХМАО).

окрашиваемой поверхности и внутри черепка значительно различается. Все это может быть признаками намеренного окрашивания посуды.

В мае 2013 – июне 2014 г. участниками проекта проводился эксперимент по выявлению преобразований, затрагивающих окрашенную керамическую поверхность на ранних стадиях археологизации: в шурф на разной глубине (60 см, 30 см и 10-15 см от современной дневной поверхности; почва – серая лесная супесчано-суглинистая) по-слойно закладывались фрагменты одной глиняной емкости, покрытые с одной из сторон охристым красителем, изготовленным на основе местного сырья (пережженный измельченный лимонит с территории Природного парка “Оленьи ручьи”, западный склон Бердымского хребта) и жира (свиное сало). Часть фрагментов после окрашивания была подвергнута повторному отжигу на открытом очаге (имитация использования в быту окрашенной посуды, продолжительность отжига – 25 минут).

По прошествии года керамика была извлечена. В верхних слоях визуально заметного окрашивания вмещающего грунта (супесь) не произошло. На дне шурфа при очистке фрагментов было замечено, что верхний слой краски перешел на приставший плотно суглинок (толщина окрашенной прослойки не превышает 0,1-0,2 см). Степень сохранности краски на черепках различна. За контрольный период четкая корреляция между глубиной залегания фрагментов и степенью сохранности краски не проявилась. Зафиксирован, однако, факт постепенного очищения поверхности черепков от пигмента. Быстрее всего он, судя по всему, протекает на участках, которые до окрашивания уже были покрыты нагаром и копотью, а также при условии залегания черепков в более тяжелых грунтах (глина, суглинок). Примечательно, что в нескольких случаях на фрагментах, где визуально краска уже совершенно не фиксировалась, пигмент был обнаружен методом оптической микроскопии. В целом, на большинстве фрагментов слой краски утратил характер сплошного покрытия, превратившись в отдельные пятна-пленки относительно приглушенных тонов.

Приведенные выше наблюдения и выполненные в связи с ними эксперименты не дают однозначных и достаточно полных ответов на поставленные вопросы (уже в силу короткого контрольного периода всех экспериментов). С одной стороны, они задают определенный вектор движения мысли в плане отбора и характеристики образцов, с другой – позволяют и на таком скромном археологическом и экспериментальном материале выявить некоторые естественные факторы, воздействующие на источник даже за столь краткий промежуток времени, и, стало быть, тем более не могут быть проигнорированы в случае изучения образцов с более длительной историей. В этом видится главный плюс и значение наблюдений такого рода.

Список литературы

1) Усачева И.В. Чепкуль 21А: происхождение розового слоя: наблюдения и эксперимент //Шестые Берсовские чтения. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург. Изд-во Квадрат. 2011. С.186-192.

2) Усачева И.В. Охра и эксперименты по ее изготовлению // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции, г. Тюмень, 26-30 марта 2012 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 50-54.

**Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН*

*** Екатеринбург, Институт иммунологии и физиологии УрО РАН*

**** Тюмень, Институт проблем освоения Севера СО РАН*

***** Екатеринбург, ООО "НАЦ "АВ КОМ - Наследие"*

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

В.М. Дьяконов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РЕКИ НЮЯ (Юго-Западная Якутия)

Река Нюя – левый приток реки Лены. Длина ее 798 км, площадь бассейна 38,1 тыс. км². Нюя берёт начало на высоте около 450 м над уровнем моря на западе Приленского плато на востоке Среднесибирского плоскогорья. Исток находится на крайнем юго-западе Республики Саха (Якутия), река протекает недалеко от границы с Иркутской областью, принимает 63 притока длиной более 10 км. Нюя течёт в основном на восток, от среднего течения параллельно Лене, в среднем и нижнем течении сильно извилиста. Ширина Нюи около устья достигает 200 м, а глубина – 3 м. Бассейн реки малонаселённый. Флора и фауна бассейна Нюи богата и разнообразна. Эта часть Приленского плато, с перепадами высот до 250 м, покрыта сплошным ковром могучей тайги. Основную площадь занимают лиственничные и сосновые леса [Глушков, 1996].

Первые сведения об археологических памятниках на Нюе появились уже более ста лет назад. Так, в 1912 г. неизвестный автор написал в «Сибирский вестник» заметку о наскальных рисунках на р. Нюя. В 1913 г. в периодической печати появилось ещё две статьи об этих писаницах. Информатор сообщал, что «на запрос Иркутской архивной комиссии Олёкминско-Сунтарская инородная управа ответила, что в некоторых местах на береговых скалах по р. Нюе... имеются доисторические надписи» [Кочмар, 1994, с. 12].

В 1966 г. Приленской археологической экспедицией ЯФ СО АН СССР на территории Ленского района была открыта археологическая стоянка Усть-Нюя [Мочанов и др., 1983]. В 1975 г. Нюйским отрядом ПАЭ под руководством научного сотрудника Лаборатории археологии ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР С.П. Кистенёва был пройден разведывательный маршрут по реке Нюе и далее вниз по Лене до стоянки Малая Мунку. В ходе разведочных мероприятий было открыто 3 археологических объекта. На левом берегу Нюи 2,5 км ниже местности Кюберген и в 4 км выше устья р. Хотохо была открыта стоянка Саркы, а в 30 км выше устья Нюи – стоянка Утакан. На стоянке Саркы обнаружено скребловидное орудие из серого кремнистого гальке, а в пункте Утакан – грубое скребловидное орудие на массивной кремнёвой гальке. Кроме того, было произведено дообследование стоянки Усть-Нюя в ходе которой был выявлен ранее не зафиксированный культурный слой (ымяхтахская позднеолитическая традиция). Археологический материал стоянки был представлен сборами с раздернованной поверхности 25-метровой террасы и образцами, извлечёнными из ранее вскрытых слоев геологической траншеи. Общее число находок составило 258 экземпляров: 180 отщепов, 22 пластины, 1 нуклеус, 14 каменных орудий (2 угловых резца, 3 скребка, 7 вкладышей, 1 наконечник стрелы, 1 скребло), 30 фрагментов керамики (сетчатой, шнуровой, вафельной ымяхтахской и рубчатой железного века), а также 11 фрагментов костей животных [Кистенев, Отчёт..., 1975; 1976].

В 2007 г. Нюйский отряд ПАЭ под руководством Т.Б. Симокайтиса провел работы по обследованию сохранности археологического объекта Усть-Нюя. Были проведены подъёмные сборы и 2 зачистки стенок имеющейся бульдозерной траншеи. Общее число артефактов, обнаруженных на стоянке, составило 39 шт. Коллекцию находок составляют: 1 фрагмент керамики, 3 каменных орудия (2 наконечника стрел, 1 угловой резец на пластине), 11 обломков ножевидных пластин (5 экземпляров с ретушью, 1 обломок микропластины), 1 пластинчатый скол, 14 отщепов, 9 чешуек ретуши.

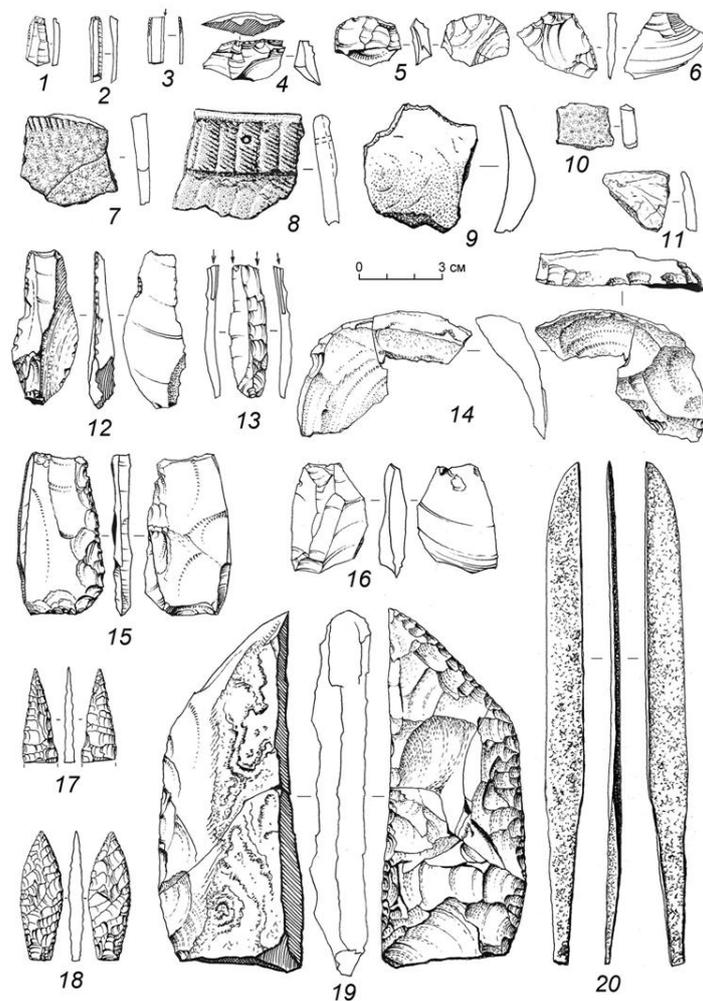

Рис. Археологические материалы стоянок реки Нюя.

1, 6, 8, 13, 17, 18 – Усть-Нюя; 2-5, 7, 10-12, 14, 15-19 – Усть-Хамакы; 9, 16, 20 – Сюльдюяр Нюйский.
 1 – пластина с ретушью; 2 – микропластина; 3, 13 – угловые резцы на пластинах; 4 – скол с нуклеуса;
 5, 6 – отщепы с ретушью; 7-11 – фрагменты керамики; 12 – ножевидная пластина с ретушью; 14 – обломок скребловидного орудия; 15 – торцовый нуклеус; 16 – отщеп; 17, 18 – наконечники стрел; 19, 20 – ножи.
 1-6, 12-19 – камень; 7-11 – керамика; 20 – железо.

Обнаружен фрагмент венчика шнурового сосуда белькачинской культуры с широким наlepным карнизом в венечной части, орнаментированным достаточно чётко выраженными вертикальными бороздками, поверх которых нанесены менее глубокие косые непересекающиеся линии-штрихи типа рубчатых отпечатков (рис., 8). По наlepному карнизу сосуд был дополнительно украшен сквозными округлыми отверстиями. На внешней поверхности тулова сосуда прослеживаются полузатёртые отпечатки витого шнура. В составе теста имеется примесь большого количества крупнозернистого песка. Толщина стенки сосуда составляет 0,5 см, бортика вместе с наlepным карнизом – 0,7 см.

В сборах найден плоский кремнёвый двусторонне ретушированный наконечник стрелы листовидной формы с прямым основанием и выпуклыми боковыми сторонами (рис., 18). Изделие тщательно обработано диагонально-струйчатой ретушью, края

дополнительно оформлены мелкой ретушью. Длина орудия 4,7 см, ширина в средней части 1,5 см, у основания 0,8 см, толщина – до 0,5 см.

Другой наконечник стрелы представлен фрагментом с обломанным основанием (рис., 17). Орудие выполнено из кремня, имеет удлинённо-подтреугольную форму, полностью обработано струйчатой ретушью, а края его дополнительно оформлены мелкой ретушью. Длина изделия 3,3 см, ширина 1,2 см.

Двойной угловой резец выполнен на фрагменте кремнёвой ребристой пластины с двугранной спинкой, одна грань которой покрыта негативами поперечных снятий (рис., 13). Резцовые сколы нанесены в углах с изломом пластины и имеют длину 0,9 и 1,7 см. Длина орудия 4,8 см, ширина 1,8 см, толщина – до 0,35 см.

Все ножевидные пластины выполнены из кремня. Длина фрагментов 1,7-5 см, ширина 0,4-1,2 см. Одна пластина имеет микроразмеры – ширину 0,4 см. У 5 пластин на боковых краях имеется ретушь утилизации в виде выщербленности, а также краевая мелкая ретушь (рис., 1).

Отщепы также выполнены из кремня, 4 из них имеют следы сработанности на боковых краях в виде мелкой ретуши и выщербленности (рис., 6). Кроме того, найдено 9 чешуек ретуши – мельчайших кремнёвых сколов, получившихся в результате ретушной обработки орудий [Симокайтис, 2012].

В 2011 и 2012 гг. в рамках хоздоговоров по археологическому обследованию территорий, входящих в зону строительства магистрального газопровода «Сила Сибири», а также Чайндинского НГКМ, на р. Нюя в устье р. Хамакы, а также 5 км ниже его, в 20 км ниже устья р. Чайнда на правом берегу Нюи, в урочище Тас-Мар в 11 км выше по течению от пос. Комсомол Южно-Якутским отрядом археологической экспедиции ИГИиПМНС СО РАН под руководством В.М. Дьяконова были осуществлены разведочные шурфовки, не давшие археологического материала.

В 2013 г. Ленским отрядом АЭ ИГИиПМНС СО РАН под руководством В.М. Дьяконова была осуществлена 400-километровая сплавная разведка по р. Нюя от устья руч. Арга-Алды до с. Орто-Нахара, в ходе которой было открыто и предварительно обследовано 2 новых объекта археологического наследия: Усть-Хамакы и Сюльдюкяр Нюйский.

Стоянка Усть-Хамакы обнаружена шурфовкой в районе высокого 15-метрового правого приустьевого мыса р. Хамакы, приблизительно в 1,1 км выше устья р. Хамакы. Стоянка приурочена к левому берегу р. Нюя, которая течёт здесь с северо-запада на юго-восток. Местоположение памятника, по-видимому, неслучайно. Объект расположен на узком мысу, образованном слиянием р. Хамакы с р. Нюей, которая в этом месте вытекает из многокилометрового участка с резкими меандрами на относительно прямой отрезок своего течения. На участке приблизительно в 1 км берег реки занят неприступными отвесными скальными образованиями, являющимися естественным фортификационным сооружением, и лишь в конце участка имеется удобный подъём на террасу, где был найден археологический материал. Предполагается, что спускающиеся на лодках с верховьев Нюи пришельцы в случае военного столкновения с обитателями стоянки, по-видимому, оказывались в крайне невыгодной для себя уязвимой позиции, когда они оказывались на убойной для обстрела лучников дистанции, которая длилась на почти километровом участке. Неслучайно и то, что стоянка, судя по инвентарю, была заселена на протяжении многих тысячелетий представителями различных археологических культур.

На памятнике были проведены подъёмные сборы и заложено 3 шурфа общей площадью 6 м². В разных частях территории стоянки в выворотах корневых систем упавших деревьев подъёмными сборами было обнаружено 2 обломка дистальных частей кремнёвых ножевидных пластин. Ширина их 0,4 и 1,2 см.

Все остальные находки были сделаны в шурфе площадью 2×2 м, разбитом в юго-восточной оконечности стоянки. В шурфе в подерновом слое красновато-

коричневого суглинка было обнаружено: 18 фрагментов керамики (1 сетчатой, 4 затёртой ымыяхтахской, 4 гладкостенной усть-мильской, 4 гладкостенной эпохи палеометалла, 5 неопределимой эпохи неолита или палеометалла), 30 отщепов, 11 осколков кремня, 2 осколка кварцита, 1 обколота плитка кремня, 10 обломков ножевидных пластин, 2 пластинчатых скола, 2 фрагмента нуклеусов, 1 пластина с ретушью, 1 отщеп с ретушью, 3 фрагмента ножа, 2 обломка скребловидного орудия, 1 угловой резец на пластине.

Найден фрагмент привенчиковой части сетчатого сосуда, орнаментированный как минимум одним горизонтальным рядом наклонных (влево) вдавлений стека (рис., 7). В составе глиняного теста визуально определяются примеси песка, дресвы и шамота (?). Толщина стенки 0,4-0,7 см.

Обнаружено 4 фрагмента керамики с затертой поверхностью и примесью шерсти в тесте предположительно ымыяхтахской поздненеолитической культуры (рис., 11). В качестве примесей использованы мелкозернистый песок, шерсть и отдельные зёрна дресвы. Толщина стенок равна 0,4-0,45 см.

Найдено 4 фрагмента гладкостенной тонкостенной керамики усть-мильской культуры. Состав теста характеризуется незначительной примесью мелкозернистого песка и отдельных зёрен дресвы. Толщина стенок 0,2 см. Зафиксировано также 4 фрагмента гладкостенной керамики эпохи палеометалла. Глиняное тесто черепков довольно плотное, петрографический состав характеризуется примесью хорошо сортированного песка, отдельных зёрен дресвы и шамота. Толщина 0,4-0,55 см. Остальные 5 фрагментов имеют неопределимую поверхность (рис., 10). Глиняное тесто сосуда довольно плотное, петрографический состав характеризуется примесью песка и отдельных зёрен дресвы. Толщина фрагмента 0,4-0,6 см.

В шурфе найдено 30 кремнёвых отщепов и 11 осколков кремня. Два осколка имеют оббитые торцы. Найдено также 2 осколка кварцита, обколота плитка кремня и 2 крупных пластинчатых скола. Ножевидных пластин и их фрагментов найдено 10 (рис., 2). Ширина их 0,4-1,3 см. Длина целых экземпляров 2,9 и 3,2 см.

Один нуклеус был торцовым, сделанным из суховатого серовато-бежевого кремня (рис., 15). У изделия в результате десквамации (?) отломана одна боковая латераль и часть фронта. Отжимная площадка, оформленная мелкой чешуйчатой ретушью, имела, по-видимому, подтреугольно-каплевидную форму. Длина сохранившейся части площадки 2 см. Ширина рабочего фронта, на котором сохранились негативы снятия как минимум 2 длинных ножевидных пластин, равна 0,6 см. Контрфронт и киль оформлены двусторонней широкой уплощающей и чешуйчатой ретушью. Высота нуклеуса и длина фронта равна 5,8 см, ширина 3 см.

Другой фрагмент нуклеуса представляет собой угловой скол с отжимной площадкой (рис.1, 4). Рудимент площадки имеет длину 1,7 см, ширину до 0,3 см. Фронтальная часть заломана, сохранились негативы широких сколов. Высота обломка 1,5 см, ширина 3 см, толщина 0,7 см.

Зафиксирована также крупная трёхгранная ножевидная пластина с ретушью из серовато-белого кремня (рис., 12). Все острые края изделия имеют следы утилизации в виде выщербленности и мелкой ретуши, направленной с брюшка на спинку. Длина изделия 5,8 см, ширина 2,4 см, толщина до 0,9 см.

Обнаружен кремнёвый отщеп с мелкой ретушью, направленной с брюшка на спинку, нанесенной на отрезке около 2 см (рис., 5).

В шурфе найдено 3 апплицирующихся обломка массивного двусторонне ретушированного ножа с прямым основанием, прямым обушком и слабовыпуклым лезвием (рис., 19). Изделие выполнено на известняково-кремнистой плитке. Один фас изделия полностью ретуширован широкой уплощающей ретушью (имеется недостающий отколотый фрагмент), вдоль лезвия и обушка подправлен мелкой и чешуйчатой ретушью. Другой фас обработан уплощающей ретушью только вдоль лезвия. Обушок

и сужающееся острие не обработаны и использованы только в качестве площадки для отжима в сторону фасов. Длина изделия 13,2 см, ширина 5,2 см, максимальная толщина 1,8 см.

Было обнаружено 2 апплицирующихся обломка лезвия скребловидного орудия из суховатого кремня (рис., 14). Сохранилась большая часть полукруглого рабочего края длиной 5,8 см, высотой до 1,3 см, оформленного на естественном закруглении заготовки невыразительными сколами, направленными в основном с брюшка. Основание (корпус) орудия обломано. Максимальная длина апплицирующихся обломков 7,1 см, ширина 4,5 см.

Зафиксирован угловой резец на обломке медиальной части трёхгранной ножевидной пластины из кремня (рис., 3). Длина 1,8 см, ширина 0,6 см, длина резцового скола 0,9 см.

Судя по керамике и каменному инвентарю, стоянка Усть-Хамакы содержит смешанные остатки сумнагинской мезолитической культуры (торцовый нуклеус, фрагменты микропластин), сыалахской раннеолитической культуры (фрагмент сетчатой керамики), ымыяхтахской позднеолитической культуры (фрагменты керамики с примесью шерсти в тесте), усть-мильской культуры бронзового века (тонкостенная гладкостенная керамика). На памятнике, возможно, присутствуют контексты белькачинской среднеолитической культуры, а также раннего железного века, хотя это пока не доказано. Стоянка предварительно датируется в хронологических рамках IX тыс. до н.э. – V в. н.э.

Стоянка Сюльдюкяр Нюйский выявлена шурфовкой в районе левого приустьевом мыса р. Сюльдюкяр на левом берегу р. Нюя. Памятник приурочен к относительно ровной 10–18-метровой мысовидной возвышенности, расположенной у подножия высокой террасы. Границы объекта, исключая северо-восточную, проходящую поперёк гребня, чётко отбиваются контурами возвышенности.

На памятнике было заложено 3 шурфа общей площадью 3 м². Во втором шурфе, разбитом в южной части памятника, был выявлен культурный слой. В верхней части красновато-коричневого (рыжего) подернового суглинка непосредственно на контакте с дёрном был найден фрагмент придонной части гладкостенного (?) керамического сосуда (рис., 9). В глиняном тесте визуальны прослеживаются примеси песка и единичные включения мелкообломочного материала. Толщина стенок колеблется от 0,3 до 0,8 см. Там же обнаружен железный однолезвийный нож якутского типа с прямой спинкой и плавно сужающимся черешком (рис., 20). Общая его длина 18,5 см, ширина лезвия 1,4 см, ширина спинки 0,4 см. Длина клинка 12,5 см, черешка 6 см.

Кроме того, на территории стоянки в вывороте корневой системы упавшего дерева подъёмным сбором был зафиксирован 1 крупный кремнёвый отщеп (рис., 16). Длина его 4 см, ширина 2,8 см.

Археологический объект Сюльдюкяр Нюйский, судя по полученному материалу, предварительно датируется в широких пределах от неолита до позднего средневековья – нового времени (V тыс. до н.э. – XX в. н.э.). Кремнёвые отщепы, подобные найденному на стоянке, встречаются, в основном, на археологических памятниках, датированных неолитом – эпохой палеометалла (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Фрагмент керамики, судя по его характеристикам (гладкие стенки и небольшая толщина, состав теста), скорее всего, относится к эпохе палеометалла – эпохе средневековья (середина II тыс. до н.э. – XVI в. н.э.). Железный нож относится к позднему средневековью, а возможно и к новому времени (XIV – начало XX вв. н.э.). Несмотря на внешнее сходство его с ножами якутской работы, он может относиться и к более раннему периоду средневековья (VI–XIII вв. н.э.).

Таким образом, за все годы исследований на р. Нюя было выявлено 5 археологических памятников, что показывает перспективность поиска и других археологических объектов в её бассейне.

Список литературы

- 1) Глушков А.В. 100 рек Якутии (путеводитель-справочник). Якутск: МГП «Полиграфист», 1996. 368 с.
- 2) Кистенёв С.П. Отчёт о работе разведочной группы Ленско-Витимского отряда Приленской археологической экспедиции в 1975 г. Якутск, 1975 // Архив ОПИ ИА РАН. Р-1. №5887. 23 л.
- 3) Кистенёв С.П. Работы Нюйского отряда Приленской экспедиции // Археологические открытия 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 245.
- 4) Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. 262 с.
- 5) Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олёкмы. Новосибирск: Наука, 1983. 392 с.
- 6) Симокайтис Т.Б. Отчёт о работах Нюйского отряда археологической экспедиции Института гуманитарных исследований АН РС (Я) на территории стоянки Усть-Нюя в Ленском районе Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2007 года. Якутск, 2012 // Архив ОПИ ИА РАН. 61 с.

*Якутск, Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН*

Д.Н. Еньшин, С.Н. Скочина

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО В НЕОЛИТЕ НИЖНЕГО ПРИИШИМЬЯ (по материалам Мергенского АМР)

Мергенский археологический микрорайон охватывает территорию, прилегающую к озерам Мергень, Кислое, Новотравное, ограниченную с востока р. Ишим, с севера и юга – протоками, соединяющими ее с системой озер в Нижнем Приишимье [Зах, 2012, с. 159]. Наиболее исследованные неолитические поселения, с хорошо выраженными сооружениями – Мергень 3, 6, 7, 8 – сгруппированы на северо-восточном побережье одноименного озера. Поселки находятся на разных высотных отметках (от озерной поймы высотой 1 м от современного уреза воды до 4-5 метровой II озерной террасы), что, скорее всего, было обусловлено разными уровнями обводненности прибрежной зоны на разных этапах ее заселения, что подтверждается и результатами споровопольцевых исследований [Ландшафты..., 2008, с. 10, 12, 52, 53; Рябогина, Иванов, Якимов, 2011, с. 404].

Ландшафтное окружение поселений, по всей видимости, наиболее полно отвечало требованиям к выбору места на протяжении всего неолита, с чем, вероятно, и связана их концентрация на ограниченной территории. В качестве наиболее доступных строительных материалов выступали тростник, ива, береза и сосна. Их вариативность находилась в прямой зависимости от изменения климата в те или иные периоды. Высокая емкость среды со стороны древних строителей подкреплялась уровнем строительных знаний и навыков, а также готовностью их применения. Одним из параметров определения данного уровня по археологическим данным является соответствующий орудийный набор. Выделенные на поселениях изделия, соотносимы с большим количеством этапов строительства. При заготовке и обработке дерева использовали крупные рубящие орудия (топоры, тесла) из камня и рога. Освобождение стволов от коры происходило с помощью костяных стругов и долотовидных орудий. Для продления пазов, желобов применяли костяные долота и стамески. Для более мелких работ, а также при оформлении каких-либо деталей в ход шли скобели из камня и

клыков медведя. Не исключено, что крупные рубящие орудия могли использоваться для рыхления почвы, при сооружении котлованов.

Другим параметром определения знаний и навыков древних строителей являются разнообразие и конструктивные особенности самих жилищ, и их внутреннего устройства. На сегодняшний день на озере Мергенъ раскопками исследовано 16 неолитических сооружений. Все они относятся к классу каркасных. Внутри класса выделяется две группы жилищ (по степени углубленности, размерам, конструкции и форме наземной части) – легкие наземные или слабоуглубленные двускатные сооружения с основой из жердей (I группа) и углубленные капитальные пирамидообразные или конусовидные сооружения с основой из столбов, балок и жердей (II группа). В I группе выделяются две подгруппы жилищ (по форме основания): Ia – подквадратные (*Мергенъ 6*) и Ib – подпрямоугольные (*Мергенъ 6*). Во II группе выделены жилища четырех подгрупп (по степени углубленности, форме котлованов, размерам, конструкции): II.a – жилища с котлованами округлой формы, углубленные на 0,6-1,2 м, площадью в 50-70 кв.м, с двумя каркасами (*Мергенъ 3*); II.б – жилища с котлованами подквадратной формы, углубленные на 0,25-0,5 м, площадью 35-50 кв.м, с двумя каркасами либо с каркасом и центральной опорой (*Мергенъ 6*); II.в – жилища с котлованами подквадратной формы, углубленные на 0,5-0,8 м, площадью около 100 кв.м, с двумя каркасами и центральной опорой (*Мергенъ 6*); II.г – жилища со смешанными признаками (*Мергенъ 7*). По степени углубленности котлованы исследуемых полуземлянок относятся к I (подгруппа II.б) и II (подгруппы II.a, II.в, II.г) вариантам классификации древних полуземлянок Зауралья [Борзунов и др., 1993, с. 9].

Внутри жилищ зафиксированы следы деревянных конструкций и особенностей интерьера. Входы представлены проемами в стенах (*Мергенъ 6 – 5, 8, 15, 16, 22*); небольшими (1x0,8 м, 1x0,2 м) подпрямоугольными выступами (*Мергенъ 6 – 1, 7*); тамбурообразной камерой площадью 11 кв.м. (*Мергенъ 6 – 14, 21*); противоположными выступами – нишами размерами 1,5x1 – 2,1x1,3 м (*Мергенъ 3 – 1, 2; Мергенъ 7 – 1 – камера 1*); коридорообразным выходом (2,7x1,6 м) со ступенчатым характером пола (*Мергенъ 7 – 1, камера 2*) [Еньшин, 2014]. Вдоль стен котлованов некоторых жилищ фиксировались следы деревянной обшивки в виде канавок и столбовых ям. Исходя из их расположения можно предположить, что древними строителями практиковалась горизонтальная укладка жердей диаметром до 0,2 м в технике заплота с фиксацией двумя способами – между вкопанными столбами-кольями и в паз. Проблема обогрева жилищ на озере Мергенъ могла решаться использованием определенного типа отопительных костров (круглый, экранный и горизонтальная нодря), а также своеобразных полифункциональных V-образных ям. Непосредственную связь с поддержанием благоприятного микроклимата (дренаж, вентиляция, отопление) в жилищах, вероятно, имела еще одна категория объектов – каналы/рвы, заполненные пепельным или углистым слоем, зафиксированные в жилищах 14 и 21 (*Мергенъ 6*) [Еньшин, Скочина, 2014]. В некоторых сооружениях (5, 14, 21 – *Мергенъ 6*; 1 – *Мергенъ 7*) по результатам планиграфического и микробиоморфного анализов предполагается наличие настилов [Там же].

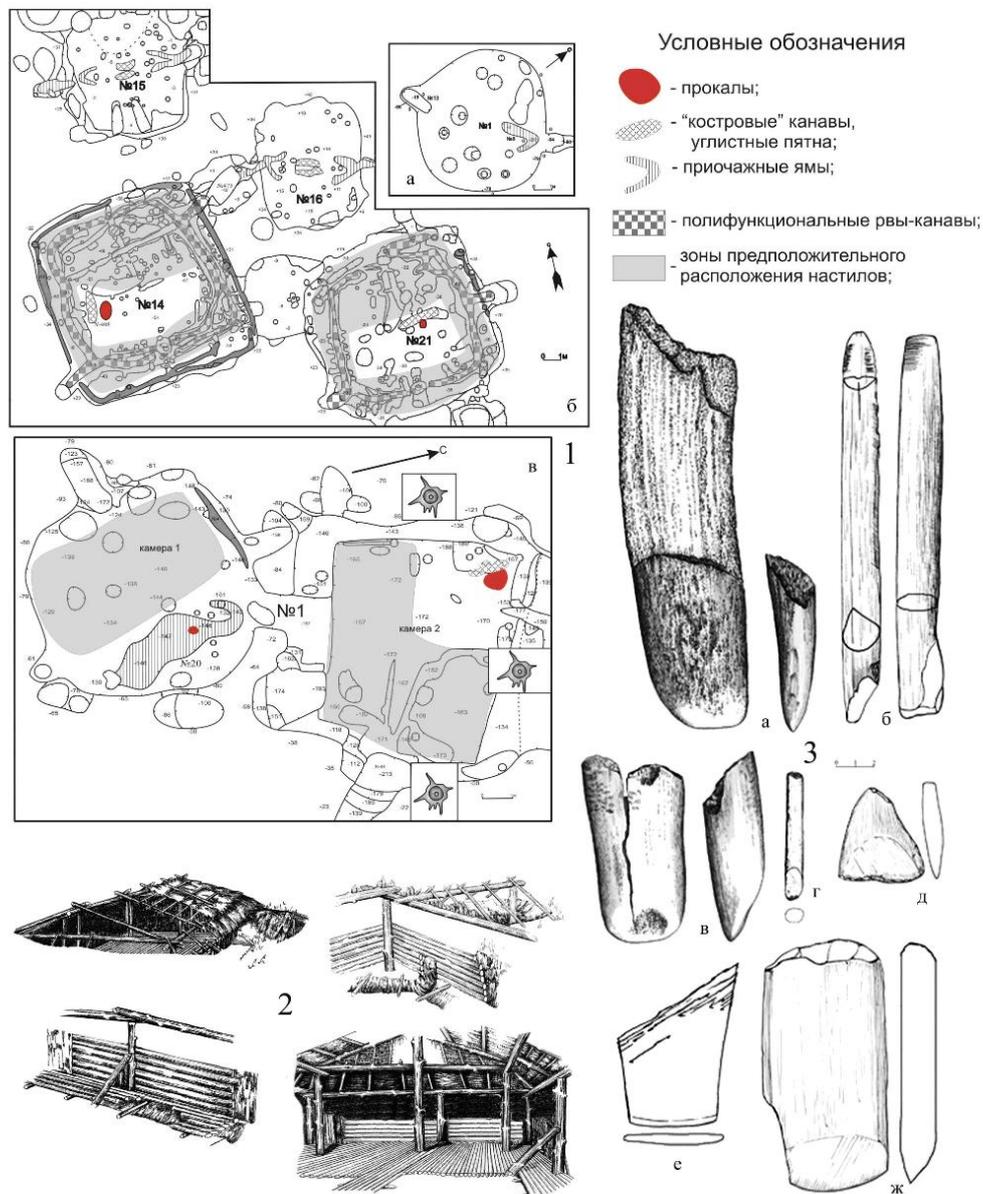

Рис. 1 – жилища неолитических поселений на оз. Мергень (а – Мергень 3; б – Мергень 6; в – Мергень 7); 2 – реконструкция устройства и конструктивных особенностей жилищ; 3 – орудия деревообработки (а, ж – топоры, б – долотовидные орудия, в – тесло, г, д – стамески, е – тесловидная пластина).

Неолитические жилища северо-восточного побережья оз. Мергень находят аналогии в материалах мезолитических и неолитических памятников Зауралья и Западной Сибири, а также в домостроительстве коренных сибирских народов. Прослежена вариативность типов неолитических жилищ по основным диагностирующим категориям с одной стороны и определенная унификация основных строительных приемов с другой. Классификация сооружений, выявленных в разных культурах, существо-

вавших в рамках длительных отрезков времени, продемонстрировала тенденцию сохранения и смещения определенных домостроительных традиций от раннего неолита к развитому. Выявленные в свою очередь свидетельства высокого уровня неолитического домостроительства являются еще одним подтверждением общей тенденции прогрессивного развития данной отрасли хозяйства на эпохальном уровне, отмечаемой исследователями [Семенов, Коробкова, 1983, с. 80].

Список литературы

- 1) Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо – Ишимском междуречье / В.А. Зах, О.Ю. Зими́на, Н.Е. Рябогина, С.Н. Скочина, И.В. Усачева. – Новосибирск: Наука, 2008. – 212 с.
- 2) Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Якимов А.С. Реконструкция палеоэкологических условий и среды обитания на многослойном поселении Мергень 6 в Тюменском Приишимье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. – СПб-М-Великий Новгород, 2011. – 424 с.: илл.
- 3) Зах В.А. Природные ресурсы лесного Тоболо-Ишимья в голоцене (на примере Андреевского и Мергенского микрорайонов) // Вестник археологии антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 3 (18). С.159-167.
- 4) Еньшин Д.Н. Неолитические жилища поселений озера Мергень // Вестник археологии антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. Вып. 1 (24). С. 14-23.
- 5) Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Мезолит-энеолит. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1983. – 249с.
- 6) Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. Адаптационные ресурсы озера Мергень (домостроительный аспект) // Вестник археологии антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. Вып. 2 (25). С. 4 – 14.
- 7) Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матюшенко В.И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 4–45.

Тюмень, ИПОС СО РАН

А.В. Епимахов

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ УРАЛА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (методический комментарий)

Значение хронологических систем в упорядочивании археологического материала трудно переоценить. Число процедур, ориентированных на достижение этой конечной цели, велико [Клейн, 2014. С. 181–250], однако, практика обычно сильно ограничивает наши возможности в этой части. Особенно выпукло это обстоятельство проявляется при обращении к абсолютной хронологии древнейших периодов. Ярким примером такого рода могут служить энеолитические памятники Урала. За отсутствием альтернативы ученые все чаще обращаются к методам радиоуглеродного датирования, призванного не только установить границы периода, но и его одно- или разнородность, уточнить соотношение с предшествующими и последующими традициями. Среди трудностей на этом пути обычно упоминаются недостаточность серий анализов, многочисленность культурных типов с неясным хронологическим соотношением, изъяны метода и пр. К сожалению, приходится признать, что возможности проверки тех или иных заключений перекрестными исследованиями и методиками не так уж обширны. В зарубежных исследованиях часто фигурируют методы байесовской статистики, которая позволяет определить вероятность события с учетом внешней информации. В случае в археологии используются данные стратиграфии, денд-

рохоронологии и др. [Michczyński, Pazdur, 2003; Overholtzer, 2014, Manning et al, 2014, etc]. Правда, речь идет *только* о конкретных памятниках и образцах.

Увы, построение систем относительной хронологии и периодизации в нашем случае не может опереться на стратиграфические наблюдения. К тому же единичные факты, даже самые безупречные, не способны быть аргументом окончательной силы при формулировании общих выводов, в том числе и потому, что не фиксируют *длительность* хронологического разрыва между двумя и более эпизодами (фазами, отложениями). В результате археологически одновременные социумы вполне могут оставить хорошо стратифицированные объекты. Привлечение массового материала для построения генетических линий и реконструкции направления его эволюции также не дает ответа на вопрос о возрасте конкретных объектов и культурных типов секвенции. Таким образом, можно опереться, разве что, на верификацию имеющейся совокупности данных радиоуглеродных анализов, исходя из проверки аутентичности образцов, особенностей использованных материалов и применения различных методов группировки.

В данной работе использованы лишь некоторые возможности моделирования в рамках байесовской статистики, поскольку качество исходных данных большего не позволяет. Среди примененных процедур (программа OxCal 3.10, калибровочная кривая 2013 года) – суммирование вероятностей, создание комбинированных дат, определение границ интервалов для последовательных этапов. Все значения калиброваны, что является общепризнанной процедурой приведения конвенционных значений к календарному возрасту. Более того, большинством специалистов достигнуто единство в вопросе о форме представления результатов (Millard, 2014, С. 556-557). Публикация результатов радиоуглеродных измерений должна включать следующие позиции.

- Конвенционная радиоуглеродная дата от наших дней (BP), представленная лабораторией.
- Лабораторный код, согласно международному каталогу.
- Использованный для датирования материал, включая род и вид для биологических образцов, если это возможно. Для контроля качества используются данные по ^{13}C , соотношение C/N (белковые) и процент C (уголь). Также обозначается технология анализа, т.к. существуют ограничения на использование ускорительных технологий при изучении диеты и резервуарного эффекта.
- Версия калибровочной кривой.
- Программное обеспечение и примененные математические модели.
- Результаты калибровки должны быть точно представлены на временной шкале, желательно для моделей не производить округлений. Точечные оценки (средина интервала) не могут заменять публикации вероятностного интервала (68% или 95%). Термины «одна сигма» и «две сигмы» не используются. Календарный возраст должен быть четко обозначен аббревиатурой AD/BC, CE/BCE, cal BP.

Очевидно, что абсолютное большинство отечественных авторов не соответствует этому стандарту, меж тем, величина ^{13}C , например, позволяет определить наличие резервуарного эффекта и соответственно скорректировать выводы [см. Сава, Кайзер, 2011. С. 377-397]. В целом, использование отдельных дат не имеет перспективы, в этой связи в получении адекватных выводов на первый план выходит группировка результатов датирования. Естественно, вариантов может быть множество, но в нашем случае с учетом сравнительно небольшого числа анализов очень дробные варианты оказываются мало информативны. За основу формирования групп были взяты материал датирования и облик керамики. Остальные признаки (например, технология изготовления посуды) характеризуют только небольшую часть выборки. Если следовать авторским определениям керамического материала, можно выделить около де-

сятка сочетаний только орнаментальных традиций (что типично для энеолитических коллекций), менее трети датировок четко соотносятся в конкретными типами керамики, однако, в большинстве случаев речь идет о прямом датировании сосудов.

Поскольку исходные данные по имеющейся совокупности дат уже опубликованы (Мосин и др., 2014), ограничимся предельно краткой их характеристикой и попробуем оценить степень надежности заключений. Из 41 образца лишь три были датированы с помощью ускорительных технологий. Используются материалы 21 памятника, максимальное число (4 образца) связано с тремя из них. С учетом того, что как правил речь идет об открытых комплексах, отклонения в цифрах неизбежны. Для двух памятников можно сопоставить результаты датирования различных материалов (уголь – керамика, кости животных – керамика). В первом случае (Кочегарово I) два из трех анализов оказались близки, во втором (Савин I) одна из двух дат по керамике достоверно старше. Проверка предсказуемо показала низкий уровень согласованности значений калибровки. Очевидно, что имеющиеся серии недостаточны для надежных заключений по памятникам. Однако в данном случае оснований для отказа от дат по керамике нет, т.к. для святилища длительная история функционирования вполне вероятна. Этот вывод дублируется рассмотрением серии в целом. Суммирование вероятностей калиброванных значений формирует следующие интервалы (через слеш приведены варианты с 68,2% или 95,4% вероятностью):

Керамика (11 дат) – 4400-3100 / 4500-2400 гг. до н.э.

Уголь (13 дат) – 4300-3100 / 4400-2400 гг. до н.э.

Дерево (10 дат) – 4000-3050 / 4100-2200 гг. до н.э.

Кость (4 даты) – 3400-2000 / 3400-2000 гг. до н.э.

Обобщенный (41 дата) – 4300-3000 / 4500-2200 гг. до н.э.

Визуально фиксируемое тяготение результатов датирования керамики к ранним отметкам не слишком выделяется на фоне остальных групп. Наименее достоверным в силу малочисленности интервалом является самый поздний – по костям животных. Остальные сопоставимы между собой. Отметим, что при датировании угля и дерева также могут возникнуть удревленные значения, т.к. в большинстве случаев невозможно проконтролировать какая часть ствола изучается. Наиболее надежными являются образцы с максимально коротким периодом жизни, под эту категорию попадают кости животных и людей при условии контроля резервуарного эффекта [Shishlina et al., 2009 и др.]. Влияние последнего вовсе не исключает использования соответствующих образцов, однако требует параллельного датирования разных материалов и вычисления поправки. В целом удревление всей свиты культур в рамках введения калиброванной хронологии стало общим местом во всех без исключения изучаемых территориях, что никак не может служить оправданием для отказа от нее.

Следующим этапом исследования должно стать сопоставление энеолитического интервала с предшествующим и последующими периодами. Если первый обеспечен сравнительно большой, хотя и не лишенной изъянов серией дат [Выборнов и др., 2014], то ранний бронзовый век Зауралья выглядит куда проблематичней. Не в последнюю очередь это связано с терминологическим разнобоем в периодизации бронзового века Восточной Европы и Западной Сибири. Однако наряду с этим есть и проблемы эпохально принадлежности некоторых культур. Например, ташковские древности частью авторов относятся к ранней бронзе, другие по разным основаниям предполагают их синхронность с сейминско-турбинскими, синташтинскими и петровскими памятниками [Дегтярева и др., 2014. С. 23]. Радиоуглеродная аргументация сводится менее чем к десятку дат с огромным разбросом значений. Их суммирование лишь констатирует наличие двух интервалов, не имеющих точек соприкосновения: при вероятности 68,2% – 4000-3600 (13,8%) и 2300-1700 (54,4%) гг. до н.э.; при вероятности 95,4% – 4400-3300 (23,8%) и 3100-1600 (71,6%) гг. до н.э. Шлейф ранних значений создают две даты из семи с очень большим среднеквадратическим отклоне-

нием (430 и 150 лет), калиброванный интервал которых приходится на V-IV тыс. до н.э., т.е. совпадает с самыми ранними энеолитическими значениями. Вряд ли эти цифры могут быть приняты, остается обратиться к остальным, суммирование которых дает: 2290-1880 / 2900-1600 гг. до н.э., что, конечно, слишком широко для строгих суждений, но хорошо соответствует общей системе хронологии Урала и Западной Сибири [Молодин и др., 2014. Рис. 2]. На роль раннебронзового интервала с большим основанием могут претендовать результаты датирования торфяниковых памятников [Chairkina et al., 2013] – 2470–2200/2600–2000 гг. до н.э. Хотя и в этом случае серия явно недостаточна для окончательных заключений.

Завершая краткий экскурс в проблемы радиоуглеродной хронологии уральского энеолита, отметим следующее. Возможности метода на данный момент только осознаются исследователями и далеки от исчерпания. Условием получения адекватных результатов является не только накопление качественных анализов, но и освоение статистических процедур. Несмотря на многочисленные оговорки, предложенные рамки периода можно считать реалистичными. Нижняя граница (близ рубежа V-IV тыс. до н.э.) будет уточнена за счет сопоставления с неолитическими интервалами басыновско-боборыкинской и полуденско-гребенчатой керамических традиций. Верхняя, видимо, будет отличаться для разных частей региона, для лесной зоны середина III тыс. до н.э. на данный момент кажется наиболее предпочтительной, в степи процесс утверждения новых традиции явно был инициирован извне раньше.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (госзадание № 33.2644.2014К). Автор признателен И.В. Чечушкову (Университет г. Питтсбург) за содержательную дискуссию о методических аспектах радиоуглеродного датирования.

Список литературы

- 1) Дегтярева А.Д., Ковалева В.Т., Кузьминых С.В. Особенности цветной металлообработки племен ташковской культуры Нижнего Притобоя // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 14–24.
- 2) Клейн Л.С. Время в археологии. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 384 с.
- 3) Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- 4) Мосин В.С., Епимахов А.В., Выборнов А.А., Королев А.И. Хронология энеолита и ранней бронзы в Уральском регионе // Археология, антропология и этнография Евразии. 2014. № 4 (60). С. 30–42.
- 5) Сава Е., Кайзер Э. Поселение с «зольниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования). Кишинев: Bons Offices SRL, 2011. 532 с.
- 6) Chairkina N.M., Kuzmin Y.V., Burr G.S. Chronology of the perishables: first AMS 14C dates of wooden artifacts from Aeneolithic–Bronze Age waterlogged sites in the Trans-Urals, Russia // *Antiquity*. 2013. Vol. 87. Nr 336. Pp. 418–429.
- 7) Manning K., Timpson A., Colledge S., Crema E., Edinborough K., Kerig T., Shennan S. The chronology of culture: a comparative assessment of European Neolithic dating approaches // *Antiquity*. 2014. Vol. 88. Pp. 1065–1080.
- 8) Michczyński, A., Pazdur, A. The method of combining radiocarbon dates and other information in application to study the chronologies of archaeological sites // *Geochronometria*. 2003. Vol. 22. Pp. 41–46.
- 9) Millard A.R. Conventions for reporting radiocarbon determinations // *Radiocarbon*. Vol. 56. Nr 2. 2014. P. 555–559.
- 10) Overholtzer L. Agency, practice, and chronological context: A Bayesian approach to household chronologies // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2014. Vol. 37. Pp. 37–47.
- 11) Shishlina N.I., Zazovskaya E.P., Plicht J. van der, Hedges R.E.M., Sevastyanov V.S., Chichagova O.A. Paleoecology, Subsistence, and ¹⁴C Chronology of the Eurasian Caspian Steppe Bronze Age // *Radiocarbon*. Vol. 51. Num. 2. 2009. P. 481–499.

Челябинск, ИИА УрО РАН, Южно-Уральский филиал

В.А. Зах, Д.Н. Еньшин, Т.Н. Рафикова,
В.М. Костомаров, В.В. Илюшина

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДИЩА БОРКИ 1 В НИЖНЕМ ПРИИШИМЬЕ

Лесостепные и южно-таежные территории Тоболо-Ишимского междуречья во все периоды древней истории испытывали влияние представителей степных и таежных, равнинных и горных обществ. Этому способствовали положение, ландшафты, разветвленная речная сеть и колебания климата. Судя по всему, одним из таких периодов представляет и эпоха раннего средневековья, когда в материальной культуре лесостепного и южно-таежного населения, и в частности, Нижнего Приишмья фиксируются элементы как таежных, так и степных культур.

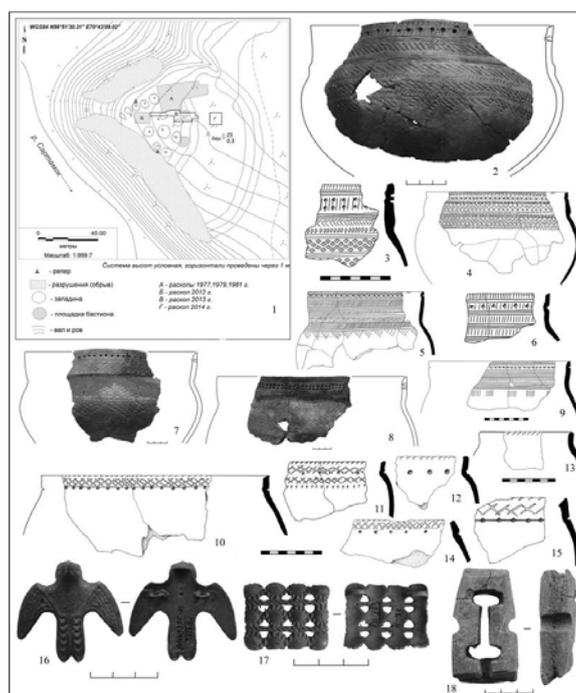

Рис. 1. 1 – топографический план городища Борки 1; 2-9 – карымский керамический комплекс; 10-15 – бакальский керамический комплекс; 16-17 – бронзовые бляшки; 18 – костяная пряжка.

Наряду с комплексами городищ Ласточкино Гнездо 1, Логиновское и Лихачевского могильника к этому времени относятся и материалы многослойного городища Борки 1. Памятник расположен в 0,91 км к югу от южной окраины д. Сартам и в 1,06 км к северо-северо-западу от д. Борки Викуловского района. Средневековое городище представлено первой площадкой, площадь которой без фортификаций около 1200 кв. м. Вал, ограничивающий внутреннюю площадку, имеет ширину 6 м, высоту 1,1 м, в его восточной части фиксируются два дополнительных защитных сооружения типа бастионов размерами 5x7 м и высотой 0,4 м от гребня вала, глубина рва в зависимости от рельефа колеблется в пределах 0,4–1,0 м. На внутренней жилой площадке городища прослеживалось 13 западин, между системами обороны сооружения топографически не выражены. Скорее всего, большинство жилищных западин первой

площадки относятся к эпохе средневековья, поскольку исследования 2014 г. за пределами внутренней системы обороны показали практически полное отсутствие средневековых материалов. В раскопе, расположенном на второй площадке в 10–15 м от рва и вала обнаружено лишь около 10 фрагментов средневековой посуды.

К средневековому периоду отнесены комплексы бакальской, карымской и куш-наренковской (единичные фрагменты) культур (рис. 1). Бакальская керамика Борковского городища насчитывает 185¹ сосудов, 139 из которых горшки, 46 – чаши. Преобладают скошенные внутрь (43,2% и 50% соответственно) и округлые (30,2% и 41,3%) венчики. В 9,7% случаях на сосудах зафиксирован карнизик, в 4,3% – воротничек. Шейка у горшков, преимущественно, едва намеченная, то есть высотой до 2 см. В профиле горловина, в основном, наклонена внутрь (40,3%), по конфигурации преобладают прямые шейки (69,8%) (табл. 1).

Таблица 1

Параметры сосудов бакальской и карымской культур городища Борки 1.

	Карымская культура				Бакальская культура			
	Горшки		Чаши		Горшки		Чаши	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Венчик								
-скошен внутрь	78	72,2	12	54,5	60	43,2	23	50
-скошен наружу	3	2,8	2	9,1	4	2,9	-	-
-округлый	5	4,6	4	18,2	42	30,2	19	41,3
-плоский	19	17,6	2	9,1	26	18,7	4	8,7
-заостренный	3	2,8	2	9,1	7	5	-	-
Наличие дополнительных деталей								
-карнизик	13	12	1	4,5	15	10,8	3	6,5
-воротничок	-	-	1	4,5	3	2,2	5	10,9
-валик	3	2,8	-	-	-	-	-	-
Высота шейки								
-едва намечена (до 2 см)	18	16,7	-	-	85	61,2	-	-
-хорошо выражена (2-4 см)	63	58,3	-	-	52	37,4	-	-
-высокая (от 4 см)	27	25	-	-	2	1,4	-	-
Профиль горловины								
-наклонена внутрь	57	52,8	-	-	56	40,3	-	-
-отогнута	35	32,4	-	-	48	34,5	-	-
-вертикальная	16	14,8	-	-	35	25,2	-	-
Конфигурация шейки								
-прогнутая	9	8,3	-	-	28	20,1	-	-
-прямая	81	75	-	-	97	69,8	-	-
-выгнутая	18	16,7	-	-	14	10,1	-	-
Всего	108	100	22	100	139	100	46	100

При сопоставлении выборки керамики бакальской культуры Борковского городища с однокультурными комплексами городищ лесостепного Притоболья (Коловское, Красногорское, Усть-Терсюкское, Усть-Утяжское) и Прииртышья (Красноярское) обращает на себя внимание единообразие первой. Для нее характерно наименьшее количество орнаментальных признаков (до 13), среди которых наибольшее распространение получило только четыре, образующие устойчивую композиционную схему: ямки в зоне перехода от шейки к плечу (94,1%), наклонные резные линии, нанесенные по бортику (82,7%), резная решетка (73,5%) и горизонтальная прочерченная линия (46,5%). Прочие элементы орнамента – горизонтальная гребенчатая или резная «елочка», круглые или треугольные вдавления – не превышают 5% случаев (табл. 2).

¹ В статистическом анализе учитывалась керамика из раскопов 1977, 1979, 1981 гг. И.А. Сыркиной и 2013 г. Д.Н. Еньшина.

Таблица 2

**Характеристика основных элементов орнамента бакальской керамики
городища Борки 1**

Элементы орнамента	кол-во	%	Элементы орнамента	кол-во	%
Ямки	174	94,1	Жемчужины	7	3,8
Наклонные резные линии, нанесенные по бортику	153	82,7	Наклонные гребенч. линии, нанесенные по бортику	2	1,1
Гребенчатая решетка	6	3,2	Горизонтальная прочерчен- ная линия	86	46,5
Вертикальные резные линии	2	1,1	Резная решетка	136	73,5
Наклонные резные линии	7	3,8	Горизонтальная резная «елочка»	9	4,9
Горизонтальная гребенчатая «елочка»	2	1,1	Треугольные вдавления	2	1,1
Круглые вдавления	1	0,5	Без орнамента	1	0,5
Всего	185	100	Всего	185	100

В достаточно большом количестве на Борковском городище представлена керамика карымской культуры. Статистическому анализу было подвергнуто 130 сосудов¹, из которых 108 – горшки, 22 – чаши.

Среди бортиков горшков и чаш преобладают скошенные внутрь венчики (72,2% и 54,5%). В 10,8% на сосудах встречены карнизки, в 2,3 % валики, в единственном варианте отмечен «воротничок». Горловина, в большинстве случаев, прямая и наклонена внутрь (табл. 1).

На основании анализа орнамента керамики карымской культуры, выделено четыре группы посуды – гребенчатая, фигурно-штампованная, желобчато-валиковая, обедненная ямочно-насечковая или ямочно-жемчужная [Борзунов, Чемякин, 2012. С. 189–190]. На Борковском городище зафиксировано три группы из указанных, желобчато-валиковая не встречена. Особое внимание привлекает группа четвертого типа, составляющая около 20% от комплекса. Это горшки с высокой, чаще всего прямой, наклоненной внутрь или отогнутой шейкой, плоским венчиком, орнаментированные ямками, жемчужинами, в единичных случаях вертикальными гребенчатыми линиями, наклонными резными или гребенчатыми линиями по срезу венчика.

В целом, анализируя декор карымской керамики Борковского городища, отмечаем большую долю ямок (до 84,6%), нанесенных, преимущественно по верхней или средней части шейки, а не в зоне перехода от шейки к плечу, как это характерно, например, для бакальской керамики. Жемчужины отмечены в 13,1%. Примерно четверть комплекса украшена горизонтальными гребенчатыми линиями, помимо этого отмечены прочерченные горизонтальные линии (10,8%) или нанесенные ребром ромбического глазчатого штампа (5,4%). Более половины сосудов (52,3%) украшены наклонными гребенчатыми линиями. Значительную долю в орнаментации комплекса занимают ромбические штампы (22,3%), в ряде случаев оттиски поставлены ребром (25,4%). При декорировании среза венчика приоритет отдавали наклонным гребенчатым линиям (43,1%), в редких случаях отмечены наклонные и вертикальные резные линии, оттиски ребром ромбического штампа, змейка, гребенчатая решетка и даже ямочные вдавления (табл. 3).

При анализе карымского комплекса Борковского городища можно отметить ряд особенностей – наличие высоких шеек горшков, уменьшение плотности орнамента сосудов, что, как правило, характерно для керамики последующей потчевашской культуры. Эти же особенности подчеркнуты Е.М. Данченко при анализе карымского материала Красноярского городища и поставлен вопрос, что скрывается за появлени-

¹ Учитывалась только керамика из раскопа 2013 г. Д.Н. Еньшина.

ем данных признаков – эволюция керамики в рамках карымской культуры или процесс сложения потчевашской культуры [Данченко, 2008. С. 51–55]. В настоящее время карымские памятники Приишимья изучены достаточно слабо, что оставляет поставленный вопрос открытым.

Таблица 3

Характеристика основных элементов орнамента карымской керамики Борковского городища.

Элементы орнамента	Карымская керамика					
	Горшки		Чаши		Всего	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Ямки	100	92,6	10	45,5	110	84,6
Жемчужины	7	6,5	10	45,5	17	13,1
Горизонтальные линии						
-прочерченные	14	13	-	-	14	10,8
-ребенчатые	31	28,7	2	9,1	33	25,4
-ребром ромбического штампа	5	4,6	2	9,1	7	5,4
-отступающе-накольчатые	1	0,9	-	-	1	0,8
Наклонные столбики:						
-оттисками гребенки	5	4,6	-	-	5	3,8
-ребром ромбического штампа	4	3,7	1	4,5	5	3,8
Вертикальные резные линии	2	1,9	-	-	2	1,5
Вертикальные ребенчатые линии	17	16	1	4,5	18	13,8
Ребенчатая решетка	7	6,5	1	4,5	8	6,2
Ромбический штамп ребром (рядами)	30	28,3	3	13,6	33	25,4
Ромбический штамп (рядами)	28	26,4	1	4,5	29	22,3
Уголок (рядами)	1	0,9	1	4,5	2	1,5
Уголок ребенчатого штампа	2	1,9	-	-	2	1,5
Оттиски лопаточки	2	1,9	-	-	2	1,5
Наклонные резные линии	9	8,3	-	-	9	6,9
Наклонные ребенчатые линии	60	55,6	8	36,4	68	52,3
Горизонтальная резная «елочка»	2	1,9	-	-	2	1,5
Горизонтальная ребенчатая «елочка»	8	7,4	-	-	8	6,2
Змейка						
-вертикальные оттиски	1	0,9	-	-	1	0,8
-наклонные	3	2,8	-	-	3	2,3
-горизонтальные	1	0,9	-	-	1	0,8
Волна						
-вертикальные оттиски	1	0,9	-	-	1	0,8
-наклонные	1	0,9	-	-	1	0,8
-горизонтальные	3	2,8	-	-	3	2,3
Прочие фигурные штампы	4	3,7	2	9,1	6	4,6
Фестоны						
-крестовым штампом	1	0,9	-	-	1	0,8
-ребенчатыми оттисками	1	0,9	-	-	1	0,8
-ребром ромбического штампа	2	1,9	-	-	2	1,5
-ромбическими оттисками	1	0,9	-	-	1	0,8
-уголком	1	0,9	-	-	1	0,8
По срезу						
-наклонные ребенчатые	47	43,5	9	40,9	56	43,1
-наклонные резные	4	3,7	1	4,5	5	3,8
-вертикальные ребенчатые	2	1,9	1	4,5	3	2,3
-ребром ромбического штампа	2	1,9	1	4,5	3	2,3
-змейка	1	0,9	-	-	1	0,8
-ребенчатая решетка	1	0,9	-	-	1	0,8
-вертикальные резные	-	-	1	4,5	1	0,8
-ямки	-	-	1	4,5	1	0,8
Всего	108	100	22	100	130	100

Статиграфически расчленив бакальскую и карымскую керамику Борковского городища очень сложно, материал смешан. Можно лишь отметить, что керамика бакальской культуры преобладала во втором горизонте, в первом, третьем и четвертом ее количество уменьшается, фрагменты карымской керамики, напротив, доминируют в третьем горизонте, во втором и четвертом их доля уменьшается (рис. 2).

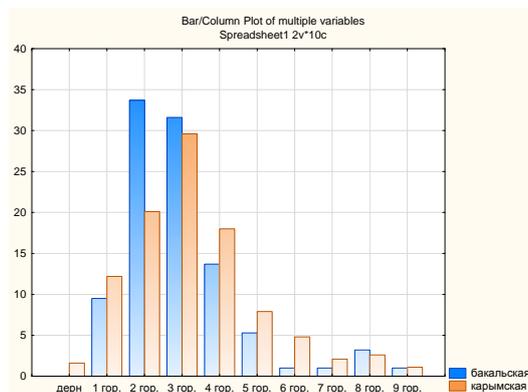

Рис. 2. Распределение керамики бакальской и карымской культур по горизонтам.

Данные радиоуглеродного анализа указывают на несколько периодов в строительстве городища (табл. 4).

Таблица 4

Калибровка дат, полученных по углю и древесине из средневековых слоев Борковского городища. OxCal, версия 3.10

№	код	Объект	Значение	Вероятность 68,2 % AD	Вероятность 95,4 % AD
1	СОАН-9237	Заполнение жилища 1, кв. Н/29, гл. отбора -35 см от поверхности.	1320±60	650-770	610-870
2	СОАН-9238	Заполнение жилища 1, кв. Н/29, гл. отбора -36 см от поверхности.	1360±45	620 (62,9%) 690 750 (5,3%) 770	600-780
3	СОАН-9239	Вал, кв. Ш/29, гл. отбора - 57 см от поверхности.	1570±35	430-540	410-570
4	СОАН-9240	Вал, кв. Э/29, гл. отбора -37 см от поверхности.	1385±45	610-670	560 (92,4%) 710 740 (3%) 770
5	СОАН-9241	Вал, кв. Ш/31, гл. отбора - 52 см от поверхности.	1375±45	615-680	580 (89,7%) 720 740(5,7%) 770
6	СОАН-9242	Межжилищное пространство, кв. Ц/31, гл. отбора - 1,2 см от поверхности	910±80	1030 (67,4%) 1190 1200 (0,8%) 1210	990-1270
7	СОАН-9243	Вал, кв. Ш/30, гл. отбора - 81 см от поверхности.	1585±40	420-540	390-570

Первый период (СОАН-9239, СОАН-9243) связан с концом IV – V – VI вв. н.э., второй (СОАН 9237-9238, СОАН-9240-9241) приходится на конец VI – VII – VIII вв. н.э. В настоящий момент невозможно определенно связать каждый из этапов с одной из археологических культур. С одной стороны версии о последовательном существовании на поселении сначала населения карымской, а потом бакальской культур не противоречат данные по распределению находок, анализ форм и орнамента керамики. В то же время материалы других бакальских памятников региона, например, городища Ласточкино Гнездо 1, указывают на сложение и функционирование бакальской культуры в Нижнем Притоболье начиная с III – IV вв. н.э. В связи с

этим, необходимо дальнейшее планомерное изучение средневекового периода региона, исследование новых объектов вместе с осмыслением накопленного материала для построения историко-культурной схемы региона, определения хронологических позиций карымских, потчевашских и бакальских комплексов.

Список литературы

1) Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники таежного Приобья: основные характеристики//Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2012. Вып. 10. С. 155–216.

2) Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртыше на рубеже раннего железного века и средневековья// Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. С. 45–72.

Тюмень, ИПСО СО РАН

**В.А. Зах, Е.М. Данченко, Д.Н. Еньшин, Е.В. Тигеева,
В.М. Костомаров, В.В. Илюшина**

КОМПЛЕКСЫ ПЕРЕХОДНОГО ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ И РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ГОРОДИЩА БОРКИ 1 В ПРИИШИМЬЕ

Западная Сибирь, включающая лесостепные и южно-таежные территории Тоболо-Ишимского междуречья во все периоды древней истории представляла пространство, на котором взаимодействовали и смешивались представители степных и таежных, равнинных и горных обществ. В Тоболо-Ишимье этому способствовали положение, чередование природных зон, разветвленная речная сеть и изменение климата. В суббореальный период голоцена отмечается два периода с крупными климатическими и ландшафтными перестройками, обусловившими в эпоху аридизации миграционные потоки населения в северном и восточном направлениях, в гумидную с севера на юг и запад.

Достаточно информативным в плане взаимодействия автохтонных групп населения и пришельцев в переходный период от эпохи бронзы к раннему железу в начале I тыс. до н.э. в Нижнем Приишимье наряду с рядом поселений является многослойное городище Борки 1. Оно расположено в Викуловском районе Тюменской области (N56°51'34.75" E70°42'58.33"), в 0,91 км к югу от южной окраины д. Сартам и в 1,06 км к северо-северо-западу от д. Борки. На мысу левого берега р. Ишим, в месте, где в древности, вероятно, сливались реки Сартамок, Барсук (Баурсын) и Ишим, в 23–25 м от уреза воды прослеживаются две системы обороны, представляющих собой ров – вал. Расстояние между линиями обороны составляет от 37 до 41 м. Площадь первой площадки без фортификаций около 1200 кв. м, второй – 3200 кв. м. Терраса покрыта листовым, в основном березовым лесом, кустарником, густыми зарослями папоротника и разнотравьем, с северо-востока и севера площадки городища ограничены оврагом глубиной 12–20 м, с юго-запада и юга – обрывом (рис., 1).

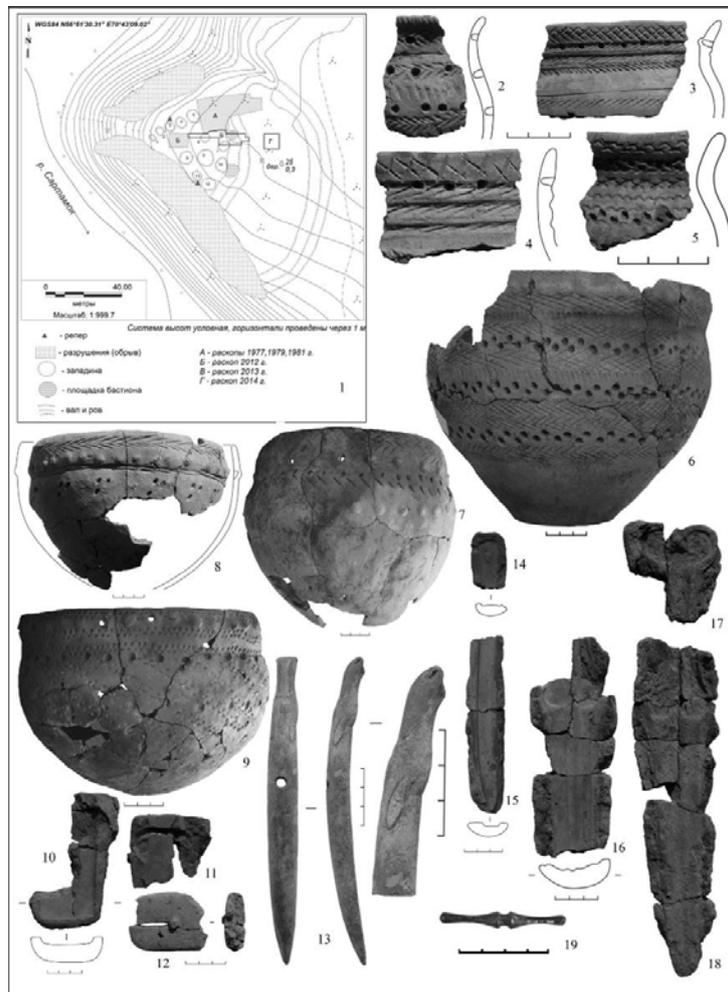

Рис. 1 – топографический план городища Борки 1; 2–6 – красноозерский керамический комплекс; 7–9 – журавлевский керамический комплекс; 10–12 – формы для отливки кельтов; 13 – костяное изделие с головой лося; 14–15 – формы для отливки ножей; 16–18 – формы для отливки кинжалов; 19 – бронзовая застёжка.

Вал, ограничивающий внутреннюю площадку, имеет ширину 6 м, высоту 1,1 м в его восточной части фиксируются два дополнительных защитных сооружения типа бастионов размерами 5х7 м и высотой 0,4 м от гребня вала, глубина рва в зависимости от рельефа колеблется в пределах 0,4–1,0 м. Ширина внешнего вала составляет 5–7 м, высота – около 0,4 м, ров шириной 5–7 м, имеет глубину 0,3–0,7 м. В южной части памятника оборонительные линии уходят в обрыв террасы и легко читаются в рельефе со стороны старицы. На внутренней жилой площадке городища прослеживалось 13 западин, между системами обороны сооружения топографически не выражены.

Открытое экспедицией Тобольского музея-заповедника в 1976 году Борковское городище раскапывалось А.И. Сыркиной в 1977, 1979 и 1981 гг. В 2012–2014 гг. исследования были продолжены Тоболо-Ишимской экспедицией Института проблем освоения Севера.

В результате за все годы работ на памятнике вскрыто около 798 кв. м площади памятника, из которых 734 кв. м в пределах внутренней площадки и 64 кв. м между

оборонительными системами. Полученные материалы позволяют проследить этапы заселения мыса и охарактеризовать культуры населения переходного, раннескифского времени и эпохи раннего средневековья¹.

Судя по остаткам жилища подпрямоугольной формы углубленного в материк на 0,2–0,36 м в раскопе 2012 г, содержавшего посуду красноозерской культуры (с сузгунскими элементами и крестовой орнаментацией) поселение на мысу, образованного оврагом и обрывом террасы появилось в конце эпохи бронзы с началом проникновения на эту территории таежных мигрантов. Скорее всего, первоначальный поселок был небольшим, без оборонительной системы и занимал небольшую часть мыса, прилегающую к месту сочленения террасы р.Ишим и склона оврага.

Жилище и посуда (рис., 2–6) находят аналогии прежде всего в переходных материалах Нижнего Приишимья и Среднего Прииртышья на городищах и поселениях Ефимово 1, Боровлянка 2, Мергень 2, Марай 1, Хутор Бор, Инберень 5 и др. [Матвеев, Горелов, 1993; Панфилов и др., 199.; Абрамова, Стефанов, 1985. С. 103–130; Труфанов, 1990. 202 с.].

Красноозерская посуда представлена горшками плоскодонной формы с округлым срезом венчиков, как отогнутыми наружу, так и дуговидными. Орнамент покрывает практически всю поверхность сосудов. Встречается орнамент сдвоенными рядами оттисков крестового и горизонтальными оттисками струйчатого штампа. В большинстве случаев узор нанесен гладким штампом, которым выполнены ряды сетки, горизонтальной елочкой, наклонные оттиски. Для красноозерской керамики характерны ямочные вдавления, расположенные рядами и в шахматном порядке, выступающие в роли разделителя орнаментальных зон. Из изделий к красноозерскому комплексу относится клин из рога, костяной нож, наконечники стрел и рукоять орудия из металла. К бронзовым изделиям относится свернутая в трубочку полоска листовой бронзы. Изделия из глины включают 6 пряслиц диаметром 3,5–4,5 см, одно из которых орнаментировано гребенчатым штампом, а также предметы неопределенного назначения, два из которых могли иметь отношение к бронзолитейному производству. Каменная плитка могла служить абразивом.

Красноозерский комплекс не укрепленного поселения многослойного Борковского городища, скорее всего, существовал в IX–VIII вв. до н.э.

Раннескифский период представлен журавлевским комплексом, сформировавшимся на основе предшествующего красноозерского. В это время поселок разрастается, появляется городище, с напольной стороны защищенное внешней системой обороны (рис., 1). Судя по исследованию пространства между внутренней и внешней оборонительными системами, в журавлевский период на укрепленной площадке поселка сооружались наземные жилища, следы от которых практически не фиксируются на современной поверхности. Жилая площадка ограничена ямами, в центральной части отсутствует погребенная почва, мощность которой во время сооружения на террасе журавлевского городища, составляла около 0,1–0,15 м. Остатки, вероятно, аналогичных жилищ отмечались в раскопе А.И. Сыркиной и Д.Н. Еньшина, в последнем не полностью исследованном котловане журавлевского жилища глубиной 0,15–0,2 м находилось несколько хозяйственных ям, из которых наиболее глубокой и информативной оказалась яма № 23. В процессе ее выборки обнаружено 2468 находок – фрагменты журавлевских сосудов раннего железного века, кости животных, фрагменты пряслиц, обломок бронзового ножа, шлак, обломки литейных форм: кинжала, кельта, ножей с каплевидным отверстием в рукояти и обмазка, скрепляющая литейные формы при отливке изделий.

¹ Этот период охарактеризован в статье «Раннесредневековые комплексы городища Борки 1 в Нижнем Приишимье» в данном сборнике.

Журавлевская посуда представлена в основном горшечными и баночными формами, с округлым или уплощенным дном и прямой, отогнутой наружу, наклоненной внутрь или с дуговидной шейкой. Орнамент выполнен чаще всего гладким, реже гребенчатым штампом. Основными элементами узора на журавлевской посуде выступают наклонные и вертикальные оттиски штампа, горизонтальные линии, чаще всего выполненные отдельными оттисками инструмента, горизонтальные и вертикальные елочки, сетка, зигзаги, реже встречаются фестоны, обрамленные лунками или оттисками штампа. Для сосудов характерно наличие ямок, жемчужин, либо чередование ямок или лунок и жемчужин на крае венчика или в переходной от шейки к плечу зоне. Нередко ямочные вдавления или «жемчужник» играли роль разделительных полос между орнаментальными зонами. Тулово некоторых сосудов орнаментировалось ямочными вдавлениями или лунками (рис. 1, 7–9). В целом журавлевский керамический комплекс городища Борки 1 аналогичен материалам поселений Боровлянка 2, Ямсыса 7, Кип 3, Новоникольское 3 и других памятников, расположенных в южно-таежном Приишимье и Прииртышье [Панфилов и др., 1991; Данченко, 1996. С. 23–32].

Орудийный набор журавлевского комплекса представлен изделиями из бронзы, кости и глины. Первые представлены единичными обломками ножей, бронзовой застежкой (рис., 19) и наконечниками стрел с выступающей втулкой, вторые, в основном, наконечниками стрел. Самыми многочисленными являются предметы из глины, среди них пряслица, скребки и глиняные литейные формы. Формы представлены в основном обломками и составляют основную часть индивидуальных находок благодаря закрытому комплексу – яме 23 из сооружения 2, в которой находилось около 300 обломков форм пластинчатых ножей с каплевидным отверстием в рукояти, кельта и трех створок для отливки кинжалов с бабочковидным перекрестием (рис., 10–12; 14–18).

Интересен факт отливки изделий, в частности ножей, как в двусторчатых, так и в двусторонних матрицах, причем в последних одновременно могло отливаться как минимум два изделия. Перед заливкой расплава створки соединялись и, как правило, обмазывались глиной, о чем свидетельствуют отслоившиеся фрагменты обмазки и отдельные нераспавшиеся половинки форм.

В общем, журавлевский орудийный комплекс находит некоторые аналогии в материалах кургана Аржан и могильника Большие Елбаны 12 [Грязнов, 1956; 1980], это прежде всего, застежки, правда изготовленные из разных материалов, но существовавшие, скорее всего, в пределах VIII–VI вв. до н.э. О раннескифском времени существования журавлевского комплекса свидетельствуют и наконечники стрел с выступающей втулкой и кинжалы с бабочковидным перекрестием.

Список литературы

- 1) Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, 48. М.-Л., 1956. 170 с.
- 2) Грязнов М.П. Аржан царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 63 с.
- 3) Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка 2 – памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 25–50.
- 4) Данченко Е. М. Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н. э. Омск: Изд.-во ОмГПУ, 1996. 212 с;
- 5) Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С.103–130;
- 6) Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово 1. Препринт. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 75 с.
- 7) Труфанов А. Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ...канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 202 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН

НОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ИТКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗАУРАЛЬЕ

Иткульская культура на Урале охарактеризована в 60–80-х гг. прошлого столетия, когда разрозненные материалы, в том числе известные и с XIX в., были систематизированы К.В. Сальниковым, Е.М. Берс, В.Е. Стояновым, Г.В. Бельтиковой. Материалы иткульской культуры, выделенной К.В. Сальниковым по южно-уральским поселениям, и исетской, охарактеризованной Е.М. Берс в Среднем Зауралье, в последующем были представлены в рамках единой иткульской культуры [Сальников, 1962; Берс, 1963; Стоянов, 1970; Бельтикова, 1977]. Таким образом, ареал культуры охватывает распространенные от Среднего до Южного Зауралья укрепленные и неукрепленные поселения; керамический комплекс представлен двумя типами посуды; производственно-хозяйственный комплекс включает полный цикл металлургического производства и свидетельствует о функционировавшем на базе этой культуры металлургическом очаге – источнике цветного металла для населения Зауралья в VII – III вв. до н.э. [Бельтикова, 1977, 1997, 2005 и др.].

С открытием В.А. Захом городищ с кольцевой планировкой у слияния рек Тобол и Тап и систематизацией материалов Притоболья, ареал иткульской культуры был значительно расширен на восток (рис., 1) [Зах, 1995; Зах, Зими́на, 2004]. Особенности поселений Притоболья позволили выделить их в восточный вариант иткульской культуры. Главный признак культурной принадлежности – присутствие на поселениях иткульской керамики второго типа. Для поселений характерна круговая планировка, ограничены они невысоким валом и неглубоким рвом, по периметру укреплений располагаются жилища наземного типа в виде приподнятых площадок. Главный отличительный признак восточного варианта иткульской культуры заключается в динамике взаимодействия с местным населением, нашедшей отражение в материалах памятников карагай-аульского и вак-куровского этапов развития, характерных лишь для подтаежного Притоболья. Укрепленные поселения восточного варианта иткульской культуры встречаются от р. Нерды (правый приток р.Тобол) в подтаежной зоне на севере до оз. Окуневское в лесостепи на юге (30 км к востоку от р.Миасс в нижнем его течении). Среди особенностей расположения поселений следует отметить приуроченность к участкам боровых лесов на всем протяжении ареала. [Зими́на, Зах, 2009].

В недавних работах исследователи вновь стали обращаться к дефинициям 60-х годов. Так, Н.М. Чаиркина, характеризуя погребально-культовые объекты на Скворцовской горе V с керамикой второго иткульского типа (по Г.В.Бельтиковой [1977]), больше склоняется к определению этой посуды как «исетский тип» [Чаиркина, 2011]. В.А. Борзунов предлагает вернуться к «историографическим истокам» и определяет, иткульскую культуру как культуру металлургов горно-лесного Зауралья с керамикой первого иткульского типа, а «гетерогенную культуру пришельцев и аборигенов лесного Зауралья... с керамикой «второго иткульского типа...» предлагает назвать исетской. При этом исследователь считает необходимым переименовать иткульский этап восточного варианта иткульской культуры в «исетский» и выделить весь массив памятников восточного варианта иткульской культуры в отдельную «юртоборскую» культуру Нижнего Притоболья [Борзунов, 2014, с.224-233]. Не исключено, что разделение иткульских и исетских древностей имеет ряд веских оснований, однако выделение новой культуры в Притоболье с керамикой аналогичного облика (иткульская керамика второго типа уральских и притобольских поселений различается лишь количеством примеси талька в тесте, в остальном – аналогична) представляется искусственным и на данном этапе исследования преждевременным.

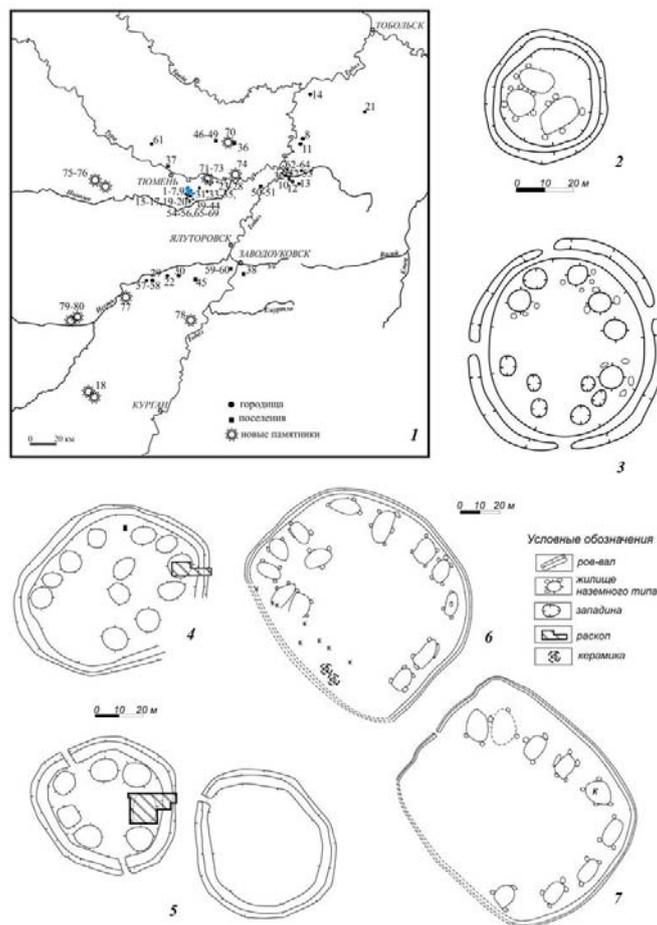

Рис. 1 – карта-схема расположения памятников восточного варианта иткульской культуры.

Городища: 1–2 – Андреевские 5 и 7; 3 – Андреевское 6; 4 – Андреевское 9; 5 – Андреевское 11; 6 – Антонова старица 1; 7 – Болотное 4; 8 – Бор 1; 9 – Белый Яр 4; 10 – Вак-Кур 2; 11 – Варвара 1; 12 – Карагай Аул 1; 13 – Карагай Аул 4; 14 – Караульный Яр 4; 15 – Кыртым 1; 16 – Кыртым 2; 17 – Кыртым 3; 18 – Санаторий «Лесные горки» 1–3; 19 – Митюшино 5–7; 20 – Мичуринец 3; 21 – Нерда 20; 22 – Онурьевский борок 4; 23–28 – Пламя Сибири 1–5, 8, 9; 29 – Рафайловский «городок»; 30 – Сазык 8; 31 – Энергетик 1; 32 – Юртобор 6; 70 – Байрык XI; 71–73 – Антонова старица 2, 4, Пламя Сибири 9; 74 – Якушкино 1; 75–76 – Мальцево 1–2; 77 – Усть-Терсюк 8; 78 – Старо-Шадрино 1; 79–80 – Ильтяково 2–3.

Поселения: 33 – Андреевская стоянка; 34 – Андреевское озеро (СБАО 1, жилище 5); 35 – Антонова старица 3; 36 – Байрык 1; 37 – Верхний Бор 1; 38 – Дачное 1; 39–44 – Дуванское 1г, 4, 6, 17, 18, Задуванское 2; 45 – Ингалинка 1; 46–49 – Ипкуль 1, 2, 8, 9; 50–51 – Калачик 3, 4; 52 – Карагай Аул 3; 53 – Карбанский мост 5; 54 – Мостовое 2; 55–56 – Песьянка 5, 7; 57–58 – Рафайловское 1, 2; 59 – Старолыбаево 17; 60 – Старолыбаевский 4; 61 – Тарманское селище; 62–64 – Тарханы 3, 4, 6; 65–69 – ЮАО 5, 11, 15, 18, 23.

2–7 – планы городищ (2 – Якушкино 1; 3 – Байрык XI; 4 – Усть-Терсюк 8; 5 – «Санаторий «Лесные горки» 1–2»; 6 – Мальцево 1; 7 – Мальцево 2).

На территории Притоболья поиск и открытие новых памятников иткульской культуры продолжается. В течение нескольких лет были открыты или уточнена культурная принадлежность 11 памятников (рис.). Локализуются вновь открытые и обследованные поселения от подтаежной зоны до южных районов лесостепи в долине р.Тобол. Все поселения расположены в глубине террас, поросших борами, на удалении от берегов современных водоемов.

Принадлежность всех выявленных поселений к восточному варианту иткульской культуры обосновывается сходными внешними характеристиками. Все памятники являются поселениями с круговой планировкой, оконтуренными слабовыраженными в рельефе рвом и валом. Как правило, поселения однослойны, за редким исключением, например, Байрык XI, где на иткульском укрепленном поселении с наземными постройками впоследствии расположилось неукрепленное поселение из углубленных жилищ, западины от которого фиксируются не только на площадке, но и за пределами укреплений (рис., 3) [Чикунова, 2011]. Аналогичная ситуация отмечена на городище Антонова старица 2. Целостность некоторых поселений нарушена антропогенным воздействием (Антонова старица 2, 4, Мальцево 1, Старо-Шадрино 1), однако характеристики оставшейся части позволяют полагать былую кольцевую планировку. Таким образом, в большинстве случаев иткульские городища в Притоболье могут быть идентифицированы уже по внешним признакам. Характеристики оборонительных линий сходны между собой и с остальным массивом городищ восточного варианта иткульской культуры. Как правило, это вал шириной 2–4 м, высотой не более 0,2–0,4 м и ров шириной 2–3 м, не глубже 0,15–0,3 м. Оборонительные сооружения оконтуривают площадку овальной или круглой формы размерами от 45–50 м в диаметре до 215×180 м, площадью соответственно от 1600 до 30000 кв.м. (табл.).

Основные характеристики новых городищ Притоболья

№	Памятник	Размеры (диаметр), м	Площадь, кв.м	Кол-во жилищ на площадке	Кол-во жилищ на селище	Характеристики оборонительных сооружений
1	Байрык XI	100x80	8000	4	-	Вал – 4/0,4 м**; Ров – 4/0,15–0,2 м**
2	Антонова старица 2*	142 x 100	11000	15	-	Вал – 2,8–5,5/0,12–0,14 м; Ров – 2,5–4/0,07–0,14 м
3	Антонова старица 4*	215 x 180(280)	30000	15	-	Вал – 3–4/0,3–0,4 м; Ров – 2/0,1–0,3 м
4	Пламя Сибири 9	142 x 50	7100	5	4	Вал – 2,3–4,5/0,1–0,28 м; Ров – 2–5/0,11–0,26 м
5	Якушкино 1	45	1600	3	-	Вал – 3–4/0,2–0,3 м Ров – 2–3/до 0,2 м
5	Мальцево 1*	112x100(112)	11200	13	-	Вал – 0,5–2,3/0,15–0,4 м; Ров – 0,3–0,5/0,1–0,22 м
6	Мальцево 2	112x100	11200	9	-	Вал – 2 м/0,15–0,35 м; Ров – 1,5/0,1–0,2 м
7	Усть-Терсюк 8	70x85		12	-	Вал – 4/0,3–0,4 м; Ров – 2–3/до 0,2 м
8	Старо-Шадрино 1*	215x85(145)	18000	7	-	Вал – 3,5 – 4/0,2 м; Ров – 2 – 3/0,15 – 0,25 м
9	«Лесные горки» 1 «Лесные горки» 2	50 x 60 50 x 55	2300 2200	5 -	- -	Вал – 4/0,3–0,4 м; Ров – 2–3/до 0,2 м
10	Ильтяково 2	70x75	4100	11	-	***
11	Ильтяково 3*	ок. 200(?)	31000	22 (?)	-	***

* – памятники, на которых фиксируются разрушения (в скобках указан реконструируемый размер, а в графе «Кол-во жилищ» – число сохранившихся построек)

** – для вала – ширина/высота; для рва – ширина/глубина

*** – нет данных

За редким исключением, постройки наземного типа в виде приподнятых площадок, а их в зависимости от размеров площадки может быть от 3 до 22, размещаются по периметру у вала; на городище Усть-Терсюк 8 два сооружения расположены в центре, на городище Антонова старица 2 часть построек располагаются бессистемно.

Принадлежность новых памятников к иткульской культуре подтверждена подъемным материалом. На двух городищах «Санаторий «Лесные горки»1» и Усть-

Терсюк 8 были проведены рекогносцировочные раскопки¹. Раскопы были заложены на остатки жилищ и неширокие участки оборонительных сооружений. Полученные в результате раскопок данные соответствуют основным характеристикам сооружений иткульской культуры в Притоболье. Это наземные сооружения без котлованов, с ямами-карьерами по периметру, со слабо насыщенным находками культурным слоем, среди которых в основном немногочисленные фрагменты иткульской керамики второго типа, на городище Усть-Терсюк 8 в культурном слое было несколько капель бронзы. Исследованные траншеями оборонительные сооружения представляли собой сложенный супесью с небольшими углистыми линзами вал; ров имел ширину 1–1,25 и глубину от материка около 0,5–0,7 м.

Таким образом, в течение последних лет источниковая база иткульских древностей в Притоболье пополнилась еще десятком поселений, которые располагаются не только в подтаежной зоне долины р. Тобол, но и в лесостепной, последняя представляется перспективной для дальнейшего исследования и поиска новых памятников.

Список литературы

- 1) Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестности. Свердловск: Кн. изд-во, 1963. 116 с.
- 2) Бельтикова Г.В. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 23 с.
- 3) Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. С. 119–133.
- 4) Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. С. 162–186.
- 5) Борзунов В.А. Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований. Екатеринбург: Изд-во Горбуновой, 2014. С. 212–245.
- 6) Зах В.А. Кольцевые укрепления рубежа бронзового и железного веков в Нижнем Притоболье // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Докл. Всероссийской науч. конф. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 113–117.
- 7) Зах В.А., Зимина О.Ю. Об ареале иткульской культуры // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. Вып. 4. С. 103–106.
- 8) Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- 9) Сальников К.В. Иткульская культура: (К вопросу о «Зауральском ананьине») // КЗ ЧОКМ. Челябинск, 1962. Вып. 1. С. 21–46.
- 10) Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культурной площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224 с.
- 11) Чикунова И.Ю. Разведочные работы в Нижнетавдинском районе Тюменской области в 2010 и 2011 гг. Архив ИПОС СО РАН.

Тюмень, ИПОС СО РАН

¹ Материалы раскопок находятся в процессе обработки.

ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Исследование проблем этнокультурного взаимодействия в исторической динамике предполагает познание социокультурной динамики понимаемой нами как разнонаправленные изменения культурных объектов во времени и пространстве под воздействием внешних и внутренних факторов. Для периода бесписьменной истории единственным источником познания являются археологические материалы, которые в трансформированном виде отражают мир культурных объектов своей эпохи в виде культурных черт, артефактов как вариация культурных форм в их вещественном и символическом выражении, культурных композиций, конфигураций и систем. Количественные показатели типологической систематизации культурных объектов в пределах конкретных территориальных и хронологических рамок позволяют при помощи компьютерной программы MS Excel выстраивать графики и моделировать процессы социокультурной динамики. В настоящее время эта методика была использована нами при исследовании вопросов культурной динамики погребально-поминальных памятников, мест проживания, вооружения, археолого-этнографических комплексов и по совокупности археологических памятников эпохи средневековья Кузнецкой котловины [Илюшин, 2011, С. 96-101; 2011а, С. 6-11; 2012, С. 133-135; 2013, С. 37-40; 2013а, С. 86-90]. Эти исследования позволили выявить циклический характер культурных процессов, динамику которых определяла комбинация, состоящая из трех видов источников изменений. Первый источник это появление новых культурных объектов, что можно интерпретировать как инновация в культурном пространстве Кузнецкой котловины. Второй источник это длительное (свыше 100 и более лет) функционирование исследуемых объектов в культурном пространстве Кузнецкой котловины, что связано с культурными традициями. Третий источник – окончание периода функционирования культурного объекта или его исчезновение. Функциональное участие этих источников в культурной динамике на территории Кузнецкой котловины на всем протяжении эпохи средневековья различно. Инновации, как правило, стимулируют подъем, традиции непрерывную линию развития, а исчезающие культурные объекты провоцируют спад. Доля участия этих источников в культурной динамике исследуемого региона была различной каждые сто лет. При этом у каждого источника имелась своя динамика изменений, обусловленная внутренней логикой развития сопряженной с объективными и субъективными факторами исторического процесса, где связующим звеном выступают процессы этнокультурного взаимодействия. Цель настоящей работы исследовать динамику социокультурных процессов и ее источников на территории Кузнецкой котловины в эпоху средневековья (V-XVIII вв.) по всей совокупности данных о культурных объектах, имеющихся в банке данных по средневековой археологии Кузнецкой котловины.

В качестве источников для этого исследования используются материалы археологических раскопок, введенные авторами в широкий научный оборот, которые прошли процедуру типологической классификации и были включены нами в базу данных по средневековой археологии Кузнецкой котловины по таким информационным сегментам (или классы при классификации) как памятники (погребальные, места проживания, клады и культовые места), типы-признаки (элементы) археологических памятников и артефакты (оружие, конское снаряжение, одежда и украшения, предметы культа, монеты, предметы быта и орудия труда, керамика). На момент проведения настоящего исследования в базе данных было зафиксировано порядка 1 тыс. классифи-

цированных и систематизированных типов и типов-признаков различных культурных объектов. Необходимо отметить, что работа по пополнению базы данных ведется систематически путем публикации новых материалов и проведения процедуры типологической классификации для ранее опубликованных материалов. Это приводит к изменению количественных показателей влияющих на качественную характеристику изучаемых процессов социокультурной динамики в различных ее сегментах и в целом. Однако с увеличением базы данных это уже не влияет кардинальным образом на характеристику общих показателей, что позволяет моделировать и описывать эти процессы.

Для более полной характеристики форм, темпов и ритмики социокультурной динамики и ее источников, исследуемых на уровне всей совокупности средневековых культурных объектов по имеющимся в базе данных археологическим материалам Кузнецкой котловины, построим диаграмму-линии (рис.).

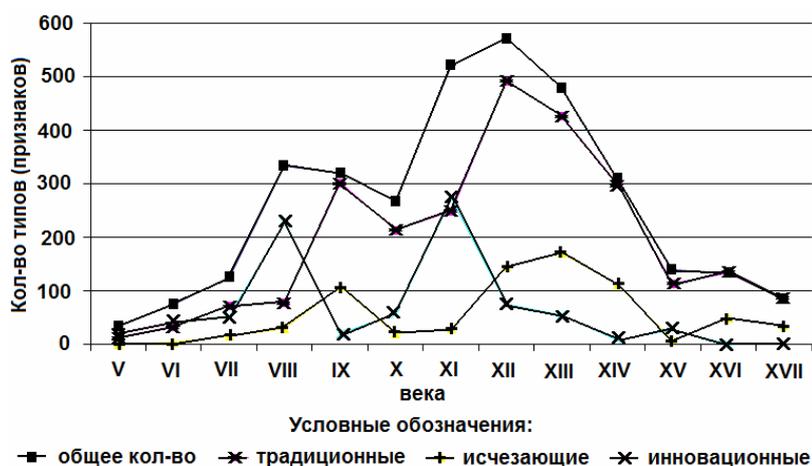

Рис. Социокультурная динамика в Кузнецкой котловине в эпоху средневековья по совокупности данных археологии

Из рис. видно, что самым влиятельным источником, во многом определявшим социокультурную динамику в Кузнецкой котловине в эпоху средневековья являются традиции. Именно у этого источника был зафиксирован самый высокий показатель в XII в., когда продолжали функционировать порядка 500 культурных объектов появившихся ранее. График динамики этого источника отражает наличие трех циклов (рис.). Первый начинается в V в. с плавного подъема до VIII в., в IX в. наблюдается резкий скачок вверх и достижение своего пика, после чего в X в. фиксируется спад и завершение цикла. Второй цикл начинается в XI в. с плавного увеличения этого источника и резкого скачкообразного подъема в XII в. с достижением очередного пика своих показателей, а затем на протяжении трех веков (XIII-XV вв.) начинается резкий спад и завершение цикла в XV в. Третий цикл самый короткий он начинается в XVI в. небольшим подъемом и достижением своего пика, а завершается в XVII в. плавным спадом.

Процесс появления новых культурных объектов (инновации) фиксируется с V по XV вв., а график динамики этого источника отражает наличие трех циклов (рис.). Первый начинается в V-VII вв. с плавного, а в VIII в. резкого подъема и достижения циклического пика, после чего в IX в. наблюдается резкий спад и окончание цикла. Второй цикл начинается с X в. в виде плавного, а в XI в. резкого подъема и достижения циклического пика, после чего в XII в. наблюдается резкий спад, который в XIII-XIV вв. становится плавным и завершает цикл. Третий цикл начинается с XV в. не-

большим подъемом и достижением циклического пика, а затем в результате спада в XVI-XVII вв. фиксируется исчезновение инноваций.

Процесс появления новых культурных объектов (инновации) фиксируется с V по XV вв., а график динамики этого источника отражает наличие трех циклов (рис.). Первый начинается в V-VII вв. с плавного, а в VIII в. резкого подъема и достижения циклического пика, после чего в IX в. наблюдается резкий спад и окончание цикла. Второй цикл начинается с X в. в виде плавного, а в XI в. резкого подъема и достижения циклического пика, после чего в XII в. наблюдается резкий спад, который в XIII-XIV вв. становится плавным и завершает цикл. Третий цикл начинается с XV в. небольшим подъемом и достижением циклического пика, а затем в результате спада в XVI-XVII вв. фиксируется исчезновение инноваций.

Источник социокультурной динамики связанный с прекращением функционирования культурных объектов фиксируется с VII по XVII вв., а график его динамики отражает наличие трех циклов (рис.). Первый начинается в VII-VIII в. с незначительного и плавного подъема, который в IX в. делает резкий скачок и достигает своего пика, после чего в X в. наблюдается резкое падение и завершение цикла. Второй цикл начинается в XI в. с небольшого подъема, а затем в XII в. фиксируется резкий скачкообразный подъем, который продолжается в XIII в. и достигает циклического пика, после чего в XIV и XV вв. наблюдается резкий спад и завершение цикла. Третий цикл начинается в XVI в. с плавного подъема и достижения своего пика, после чего в XVII в. наблюдается плавный спад.

Комбинация циклов из трех выше описанных источников на всем протяжении эпохи средневековья определяла социокультурную динамику в Кузнецкой котловине, которая на графике отражает наличие двух циклов (рис.). Первый начинается в V в. с плавного подъема до VII в., затем скачкообразный подъем в VIII в. и достижение пика, а затем в IX-X вв. наблюдается плавный спад и завершение цикла. Второй цикл начинается с XI в. подъемом в виде резкого скачка вверх, который в XII в. становится плавным и достигает своего пика, после чего в XIII в. фиксируется плавный спад, который в XIV-XV вв. резко ускоряется, а в XVI-XVII вв. вновь замедляется и плавно завершает цикл.

В целом по результатам анализа социокультурной динамики по совокупности данных материалов средневековой археологии Кузнецкой котловины были достигнуты следующие результаты.

Во-первых, выявлены три источника социокультурной динамики – инновации, традиции и прекращение функционирования культурных объектов, каждый из которых имел циклическую форму изменений во времени с разными интервалами подъемов, достижения пика и спадов.

Во-вторых, ведущим источником социокультурной динамики на территории Кузнецкой котловины в эпоху средневековья являются традиции. За исключением V, VI, VIII и XI веков, когда инновации имели чуть больший вес в динамике культуры, но затем вновь уступали лидирующее место традициям. Источник культурных изменений связанный с прекращением функционирования культурных объектов лишь незначительно уступает по своей значимости инновациям, а в отдельные временные интервалы (IX, XII-XIV и XVI-XVII вв.) даже превосходит их (рис.).

В-третьих, по всей совокупности культурных объектов с V по XVII вв. на территории Кузнецкой котловины фиксируется два цикла социокультурной динамики, состоящих из двух фаз – зарождения, подъема и достижения пика с последующим спадом. Первый цикл имел место в V-X вв. а второй в XI-XVII вв.

В-четвертых, по совокупности всех показателей можно констатировать, что максимальных результатов социокультурная динамика в эпоху средневековья на территории Кузнецкой котловины достигла в XII в. Именно этот век можно считать «золотым» веком культуры для социума этого региона.

В-пятых, непрерывность процессов социокультурной динамики, фиксируемая по культурным объектам эпохи средневековья в Кузнецкой котловине, была обеспечена за счет господства традиций среди источников этого процесса, что позволяет характеризовать средневековую культуру населения этого региона как традиционную, что характерно для архаичного и средневекового периодов истории.

В-шестых, цикличные пики инноваций в VIII, XI и XV вв. отражают факт интенсификации процессов этнокультурного взаимодействия, вероятно, связанных с миграцией новых этносов на территорию Кузнецкой котловины.

Список литературы

1) Илюшин А.М. Динамика средневековой культуры в Кузнецкой котловине (по результатам комплексного исследования погребальных памятников) // Вестник Кузбасского государственного технического университета, 2011. №4. С. 96-101.

2) Илюшин А.М. Опыт исследования культурной динамики поселений в Кузнецкой котловине в эпоху средневековья // Вестник Челябинского государственного университета. 2011а. №34. История. Вып. 48. С. 6-11.

3) Илюшин А.М. Культурная динамика вооружения средневекового населения Кузнецкой котловины // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул: Изд-во АГУ, 2012. С. 133-135.

4) Илюшин А.М. Социокультурная динамика на территории Кузнецкой котловины в эпоху средневековья по памятникам археологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №2. С. 37-40.

5) Илюшин А.М. Методика исследования социокультурной динамики в Кузнецкой котловине в эпоху средневековья по археолого-этнографическим комплексам // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013а. №7 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 86-90.

*Кемерово, Кузбасский государственный
технический университет им Т.Ф. Горбачева*

В.В. Илюшина

ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ¹

К настоящему времени проведен технико-технологический анализ 39 сосудов с поселений Ботники 1в, Щетково 2 и Хрипуновское 1 (27, 3 и 9 сосудов соответственно) [Матвеев, Чикунова, 1999, с. 44–55; Матвеев и др., 2001, с. 213–216; Костомарова и др., 2011, с. 4–32]. Аналитические исследования осуществлены в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским и выделенной им структуры гончарного производства [Бобринский, 1978; Бобринский, 1999, с. 9–11].

Полученные аналитические данные позволяют говорить, что гончарами пахомовской культуры отбиралось два вида исходного пластичного сырья (далее ИПС) — природные ожелезненные глины и илистые глины.

Глины (82 %) характеризуются наличием кварцевого в основном окатанного прозрачного и полупрозрачного песка, окислов железа в виде включений округлой или аморфной формы, бурого железняка оолитовой формы, единичных обломков гематита и пылевидных листочков слюды.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 12-06-31044/13 «Динамика гончарного производства у населения эпохи бронзы в лесостепной зоне Западной Сибири».

Илистые глины (18 %) кроме того содержат полуразрушенные обломки раковин речных моллюсков от единичных до 15–20 включений на 1 см² размером 0,3–2,0 мм, а также отпечатки от недеформированных обрывков растительности. В изломах 4 сосудов обнаружены обломки чешуи рыб.

Различная степень запесоченности ИПС позволяет выделить слабозапесоченные, среднезапесоченные и сильнозапесоченные группы глин и илистых глин. Следует отметить, что гончары пахомовской культуры отдавали предпочтение слабозапесоченному и среднезапесоченному сырью. В рамках отдельных поселений количественное соотношение сосудов, изготовленных из выделенных видов ИПС, варьирует (табл. 1).

Таблица 1

Особенности видов ИПС и степени их запесоченности по сосудам пахомовской культуры

Виды и группы ИПС:		Ботники 1в	Хрипуновское 1	Щетково 2	Всего сосудов:
Природные глины	Слабозапесоченные	10/ 37*	8/ 88,9	1/ 33,3	19/ 48,7
	Среднезапесоченные	9/ 33,4	-	1/ 33,3	10/ 25,6
	Сильнозапесоченные	2/ 7,4	1/ 11,1	-	3/ 7,7
Всего сосудов:		21/ 77,8	9/ 100	2/ 66,6	32/ 82
Илистые глины	Слабозапесоченные	2/ 7,4	-	1/ 33,3	3/ 7,7
	Среднезапесоченные	3/ 11,1	-	-	3/ 7,7
	Сильнозапесоченные	1/ 3,7	-	-	1/ 2,6
Всего сосудов:		6/ 22,2	0/ 0	1/ 33,3	7/ 18

*Здесь и далее в числителе – количество сосудов, в знаменателе – % от общего количества сосудов

При составлении формовочных масс в качестве минеральных примесей гончарами использовались шамот в основном в концентрации 1:3 (38,4 %) и 1:4 (46,2 %), редко – тальк, представленный единичными включениями и в концентрации 1:7/8, единично – песок в концентрации 1:7. Органические примеси в основном представлены органическими растворами, выжимкой из навоза жвачных животных и, реже, навозом.

На основании сочетания выявленных искусственных примесей с различными видами ИПС удалось выделить 10 рецептов составления формовочных масс (табл. 2).

Все разнообразие составов формовочных масс представлено на поселении Ботники 1в. По материалам только этого поселения зафиксировано применение талька. В целом, представляется возможным заключить, что в среде гончаров пахомовской культуры массово были распространены два основных рецепта «глина + шамот + выжимка из навоза» и «глина + шамот + органический раствор».

Технико-технологическому анализу подвергался также и шамот, в составе которого в основном отмечается только шамот (84,6 %), редко – шамот и тальк (12,8 %), единично – только тальк (2,6 %). В шамоте 3 сосудов с поселений Щетково 2 и Ботники 1в зафиксированы единичные пустоты от выщелоченной раковины речных моллюсков, на основании чего возможно предположить, что раздробленные сосуды могли быть изготовлены из илистых глин.

Таким образом, технологический анализ шамота показывает, что в гончарстве населения пахомовской культуры навыки отбора в качестве ИПС глины и илестых глины были достаточно устойчивыми. При составлении формовочных масс доминирующей традицией выступало использование шамота, а присутствие в составе шамота талька вероятнее всего указывает на взаимодействие пахомовского населения с группами, владеющими данными навыками.

Таблица 2

Соотношение рецептов формовочных масс сосудов пахомовской культуры поселений Ботники 1в, Хрипуновское 1 и Щетково 2

Рецепты формовочных масс:	Поселения			Всего сосудов:
	Ботники 1в	Хрипуновское 1	Щетково 2	
ИГ + Ш + ОР*	4/ 14,8	-	1/ 33,3	5/ 12,8
ИГ + Ш	1/ 3,7	-	-	1/ 2,6
ИГ + Ш + Т + ОР	1/ 3,7	-	-	1/ 2,6
ОГ + Ш + В	4/ 14,8	5/ 55,6	1/ 33,3	10/ 25,6
ОГ + Ш + ОР	10/ 37,1	3/ 33,3	1/ 33,3	14/ 35,8
ОГ + Ш + Н	3/ 11,1	1/ 11,1	-	4/ 10,2
ОГ + Ш + Т + В	1/ 3,7	-	-	1/ 2,6
ОГ + Ш + Т + ОР	1/ 3,7	-	-	1/ 2,6
ОГ + Ш + Т + Н	1/ 3,7	-	-	1/ 2,6
ОГ + Ш + П (?) + В	1/ 3,7	-	-	1/ 2,6
Всего сосудов в группе:	27/ 100	9/ 100	3/ 100	39/100

*ОГ – ожезненная глина; ИГ – илестая глина; Ш – шамот; ОР – органический раствор; В – выжимка из навоза жвачных животных; Н – навоз жвачных животных; Т – тальк; П – песок (?).

Данные о навыках конструирования начинов прослежены по изломам 4 сосудов с поселения Ботники 1в (рис., 1, 2, 8, 12). Конструирование начинов производилось в соответствии с донно-емкостной программой. В качестве «строительных элементов» использовались лоскуты или короткие жгутики, которые накладывались по спиралевидной траектории. Этим же способом осуществлялось конструирование полого тела данных сосудов, а также еще 5 верхних частей изделий (рис., 1, 8, 12). Изготовление сосудов, скорее всего, производилось на плоскости скульптурной лепкой без применения форм-моделей. Таким образом, формообразование сосудов осуществлялось в процессе лепки с помощью выдавливания пальцами. Следов выбивания не зафиксировано.

Поверхности исследованных сосудов обрабатывались способом простого заглаживания пальцами или кусочком ткани, реже — деревянными или костяными шпателями, галькой. Следы лощения по подсушенной основе галькой или костяным орудием зафиксированы на внутренних (30,7 %) и внешних (79,5 %) поверхностях изделий.

Орнаментация сосудов осуществлялась в технике штампования гребенчатым (61,5 %) и гладким (35,9 %) штампами, орнаментиром с округлым или приостренным рабочим краем техникой прочерчивания (33,3 %) и вдавления (53,8 %). Узор наносился на шейку и верхнюю часть тулова сосудов. Среди элементов узора преобладают ряды оттисков штампов, горизонтальная елочка и ямочные вдавления, ряды уголков, горизонтальные линии и зигзаги, ленты и треугольники. В изученной коллекции не орнаментировано лишь одно изделие.

Обжиг готовых изделий производился в кострище или очаге, чаще всего с кратковременным действием температур каления, т.е. не ниже 650° С.

В целом, анализ керамики выявил традиционность навыков гончарного производства у населения пахомовской культуры. Полученные на настоящий момент данные позволяют затронуть некоторые вопросы истории пахомовского населения. Большинство исследователей, обратившихся к изучению пахомовских древностей, склоняются к выводу, что происхождение пахомовской культуры связано с процессом взаимодействия мигрировавших в лесостепную зону Зауралья групп населения федоровской культуры и автохтонных племен. Сравнение полученных данных по технологии изготовления сосудов населением федоровской культуры [Илюшина, 2014, с. 567–571] позволяет говорить о преемственности его традиций в гончарстве пахомовского населения.

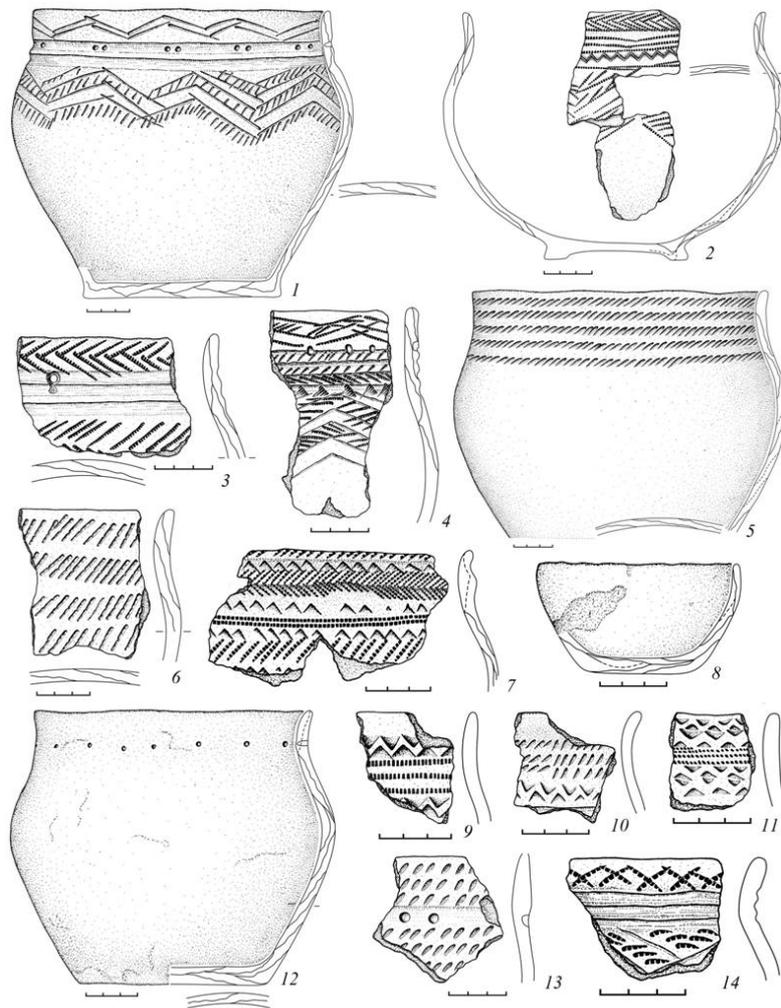

Рис. Керамика пахомовской культуры поселения Ботники 1в

Что касается наличия в формовочных массах и в составе шамота тальковой дресвы, то, на наш взгляд, это может указывать на процессы взаимодействия пахомовского и черкаскульского населения в лесостепной зоне Тоболо-Ишимского междуречья, что достоверно подтверждается исследованием ряда памятников и, в частности, поселения Хрипуновское 1 [Корочкова, 2010, с. 81; Матвеев, Костомаров, 2011, с. 53].

Следует также отметить, что сравнение гончарных систем пахомовской и более поздней, бархатовской культур показывает их высокую степень сходства [Зими́на, Илю́шина, 2013, с. 48–52], и может указывать на их преемственность, что подтверждает высказанную ранее А.В. Матвеевым и О.М. Аношко точку зрения о генетической связи пахомовской и бархатовской культур [Матвеев, Аношко, 2009, с. 305–311].

Список литературы

- 1) Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
- 2) Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- 3) Зими́на О.Ю., Илю́шина В.В. Керамика бархатовской культуры подтаежного Притобoлья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2013. № 3 (22). С. 40–53.
- 4) Илю́шина В.В. Гончарное производство населения федоровской культуры Нижнего Притобoлья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 567–571.
- 5) Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.
- 6) Костомарова Ю.В., Костомаров В.М., Зевайкина И.С. Результаты исследования селища Хрипуновское 1 – нового памятника эпохи поздней бронзы и раннего железного века на территории лесостепного Притобoлья // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2011. Вып. 3. С. 4–32.
- 7) Матвеев А.В., Чикунова И.Ю. Поселение Ботники 1в на Нижней Исети // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 44–50.
- 8) Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Предварительные итоги работ 1999 и 2000 гг. на поселении Щетково-2 в Ингальской долине // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. № 3. С. 213–216.
- 9) Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2009. 416 с.
- 10) Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 46–55.

Тюмень, ИПОС СО РАН

Т.М. Калинина

ИЗВЕСТИЯ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГЕОГРАФОВ ОБ ОБЛАСТЯХ СЕВЕРА ЗЕМЛИ

Культура Арабского халифата вобрала в себя многие достижения завоеванных и окрестных народов. Арабские ученые, как и античные, разделяли Землю на 4 четверти, одна из которых была обитаема и членилась на параллельные экватору зоны. Одним из способов освоения пространства являлось разделение Земли на климаты. Греческое слово *τὸ κλίμα* переводится как 1) «склон, скат, спуск», 2) «страна света, климатический пояс». Оно означало широтную зону – «климат», по-арабски, *иклим*. Климат определялся в зависимости от долготы дня или склонения Солнца к экватору [Honigmann, 1929. S. 110–117 et passim; Крачковский, 1957. С. 156 и далее]. Разработку системы климатов связывают с Эратосфеном, Кл. Птолемеем и др. Наибольшим влиянием у арабов пользовались труды Кл. Птолемея. Мусульманские географы насчитывали семь климатов; несовпадение астрономических данных, в сравнении с птоле-

меевыми, заставили исламских знатоков ввести еще одну область – «за седьмым климатом». Ориентация схем и карт у арабов в большинстве случаев была южная.

В многотомном «Словаре стран» арабского ученого Йакута (XIII в.) имелся алфавитный перечень хоронимов, ойконимов, гидронимов, оронимов и проч. Большую часть материалов автор почерпнул из сочинений живших до него ученых, хотя он вносил и собственную информацию, собранную во время путешествий, и полученную от тех современников, кому он доверял. Йакут воспроизвел схему деления земли на климаты [Jacut, I. Taf. 4, S. 28/29].

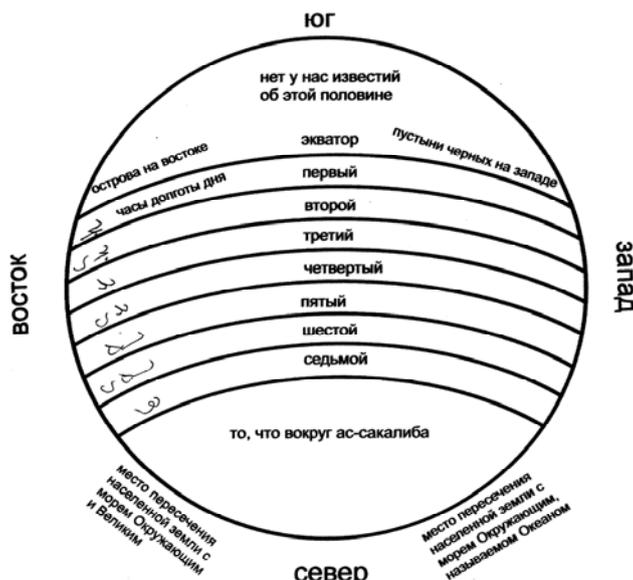

Рис. 1. Схема Йакута.

На Севере, т.е. внизу схемы, показан седьмой климат и ниже его – еще одна область, занятая, по представлениям Йакута, территориями вокруг *ас-сакалиба*. В большинстве случаев так назывались славяне, хотя иногда этот этноним приобретал расширительный смысл для народов севера.

Причиной того, почему арабы предпочитали именно 7 климатов, может быть уже не греческая, а иранская традиция деления мира на 7 областей, называемых по-персидски *кешвар*, как писал ученый-энциклопедист X в. ал-Мас‘уди (X в.). Климаты выглядели как круги, расположенные вокруг центрального круга и соприкасающиеся одной стороной в одной точке.

В одной из книг знаменитого ученого ал-Бируни (973–1048) сохранилась схема такого разделения *кешваров* [Абу-р-Райхан ал-Беруни, 1975. С. 115].

Пятый и шестой климаты-кешвары здесь занимают византийцы и славяне, хазары и тюрки, т.е., по представлениям арабов, северные народы; седьмой климат в данном случае отведен Китаю и Тибету, но у других авторов седьмой климат отведен восточноевропейским народам.

Ученый-энциклопедист X в. ал-Мас‘уди отмечал особенности населения каждой части Земли. Рассказывая о севере, он писал, что север удален от зенита, подвержен холоду и влажности, преобладанию снега и мороза; живут в ней славяне, франки и другие. Им свойственны грубость, неуравновешенность, глуповатость; цвет кожи у них бледный, волосы рыжие, глаза голубые. А те народы, что проживают еще дальше

от Солнца на север, в том числе тюрки, грубы и жестоки, цвет их кожи – красный. Еще далее на север обитают народы йаджудж и маджудж, подобные животным [Kitab at-tanbih, 1894. P. 25–26]. Йаджудж и маджудж – это легендарные народы, связанные с библейскими именами Гог и Магог, упоминались в Коране и арабской литературе как злонравные племена, отгороженные некогда Александром Македонским (арабским Зу-л-Карнайном) валом; они наводнят землю после конца света, но Всевышний не позволит им завладеть миром [Калинина, 2011. С. 30–31].

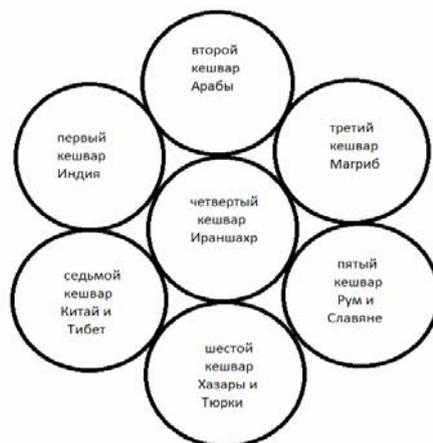

Рис. 2. Схема ал-Бируни.

Эти постулаты имели основой античные представления о зависимости внешнего облика и нравов того или иного народа от влияния Солнца, Луны и звезд.

Астроном ал-Фергани (IX в.) описывал климаты с востока. Однако следует помнить, что шестой и седьмой климаты располагались на севере Земли, как это показано на схеме из книги Йакута (см. выше). Началом шестого и седьмого климатов ал-Фергани считал страну йаджудж. В шестом климате, после йаджудж, названы хазары и Каспий, далее Византия, Грузия, города Малой Азии, Константинополь, часть страны придунайских болгар. В седьмом климате, после йаджудж, указаны территории тюрок, северное побережье Каспия, направление в сторону моря Черного, часть страны придунайских болгар и славян. Среди местностей за пределами седьмого климата упомянуты йаджудж, токузогузы и тюрки, аланы, придунайские болгары и славяне, части областей которых «не поместились» в систему семи климатов [Muhammedis Fihri Ketiri Ferganensis, 1669. P. 38; Калинина, 1988. С. 130 (пер.)]. Многие писатели впоследствии брали за образец этот перечень, добавляя и изменяя его по мере приобретения новых знаний.

Ал-Бируни представил гораздо более обширный перечень народов шестого и седьмого климатов. В шестом климате он тоже указал тюрок и другие среднеазиатские народы, хазар, северную часть Каспия, алан, область между Каспием и Черным морем. В седьмом климате, который, по словам ал-Бируни, отмечен малым количеством возделанных земель, а восточная его часть – обилием лесов и гор, упомянуты башкиры, печенег, города Сувар и Булгар, земли русов, славян, болгар и мадьяр. За пределами седьмого климата названы северные народы весь (*вису*), югра (*йура*) и варанки – византийское слово *βαράγγιοι* и русское *варяг* [Абу-р-Райхан ал-Беруни, 1975. С. 116–117]. Описывая моря Земли, которые, как и у античных географов, считались заливами единого Окружающего Землю океана (кроме Каспия), ал-Бируни указал залив вблизи

страны болгар-мусульман, который вытекает из Окружающего океана и называется морем *варанков* – по имени народа, живущего на его берегу [Там же. С. 100].

Народ *весь* (*вису*), упомянутый ал-Бируни, впервые встречается в «Записке» Ибн Фадлана, побывавшего в Волжской Булгарии в 922 г. Он привел слова царя болгар, что *вису* живут позади его страны на расстоянии трех месяцев пути, а также о чрезвычайной краткости ночи там [Ковалевский, 1956. С. 135; 138–139].

Информация о *вису* и *йура*, немой меновой торговле *йура*, о передвижении на санях, тащимых собаками, о лыжах, о краткости ночей имеется в книге ал-Марвази (к. XI–нач. XII в.). Сведения о диких «береговых людях», живущих за страной *вису* и плавающих по темному морю, о питающей приморские народы огромной рыбе, о Черной земле и море Мраков хорошо известны, они встречаются у Абу Хамида ал-Гарнати (1080–1169) и более поздних авторов [Заходер, 1967. С. 61–69]. Эти рассказы являются собой информацию как реальную, так и легендарную.

В X в. в арабской географии появился «Атлас ислама», основателем которого был саманидский везирь и ученый ал-Балхи, а представителями – ал-Истахри, Ибн Хаукал и Шамс ад-Дин ал-Мукаддаси (80-е гг. X в.) [Крачковский, 1957. С. 194–218; Tibbets, 1992. С. 108–112]. В сохранившихся рукописях ал-Истахри и Ибн Хаукала, которые, как и прочие, имеют южную ориентацию, внизу круглых карт мира показаны земли севера. Там находится Каспий; в него впадает Итиль, а по его берегам располагаются разные народы.

Рукописи ал-Истахри дают различные изображения Итиля. Одна из круглых карт мира внизу показывает впадающий в Каспий Итиль с одним рукавом, другие – с двумя. Такая часть круглой карты мира с двумя рукавами Итиля показана ниже (рукопись переписана в XV в.).

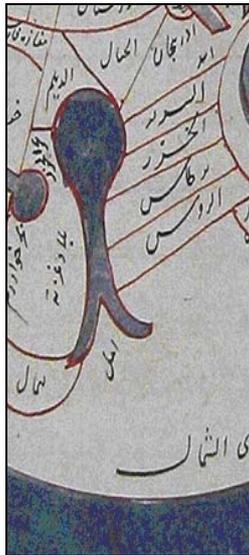

Рис. 3. Каспий и Итиль на круглой карте мира ал-Истахри.

Ниже (рис. 4.) – моя русскоязычная схема вышеуказанного фрагмента карты.

Слева на фрагменте этой арабской карты и схеме видна часть Аральского моря. Правобережье Итиля занимают русы, бургасы, хазары и т.д. Эти народы граничат справа с территориями болгар, сакалиба и Рума, т.е. Византии, вдоль линии Константинопольского пролива. На левом берегу Итиля – страна огузов, а внизу карты располагаются «пустыни севера», т.е. необитаемые земли.

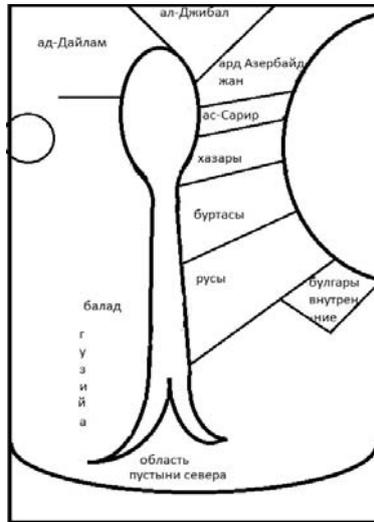

Рис. 4. Русскоязычная схема той же карты.

В рукописи 1048 г. Ибн Хаукаля, положившего в основу своей книги сочинения ал-Балхи и ал-Истахри, сохранилась круглая карта мира. Ее северная часть показана ниже.

Рис. 5. Каспий и Итиль на круглой карте мира Ибн Хаукаля.

Ниже (рис. 6) показана моя русскоязычная схема того же фрагмента карты.

Авторы школы ал-Балхи не имели представления о Черном и Азовском морях, полагая, что от Средиземного моря к северу идет так называемый Константинопольский пролив, который впадает в Окружающий океан. В этой части карты Ибн Хаукаля справа показан этот Константинопольский пролив, на севере соединенный с рекой Итиль, в отличие от карты ал-Истахри. По берегам Итиля, который имеет два рукава, названы известные восточноевропейские народы.

Рис. 6. Русскоязычная схема той же карты.

В тексте своих книг ал-Истахри и Ибн Хаукал упоминали о торговле русов с народами йаджудж и маджудж и о трудности пути через некие горы к этим народам. Следовательно, эти авторы считали йаджудж и маджудж уже не легендарными, а реальными, живущими на севере людьми [Viae regnorum, 1870. P. 7, 9; Opus geographicum, 1938–1939. P. 12–13, 14, 202, 281, 392].

Таким образом, представления о севере у арабских ученых составляли традиционную теоретическую часть, в ряде случаев зависимую от античной, а также накопленную постепенно собственную довольно реальную информацию.

Список литературы

- 1) Абу-р-Райхан ал-Бируни. Книга вразумления начаткам науки о звездах // Избр. произведений. Ташкент, 1975. Т. VI.
- 2) Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Ч. II.
- 3) Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, пер., комментарий. М., 1988.
- 4) Калинина Т.М. Легендарные народы на краю Ойкумены (по данным арабских средневековых ученых) // История наук о Земле. Сб. ст. М., 2011. Вып. 4.
- 5) Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- 6) Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. IV.
- 7) Honigmann E. Die sieben Klimata und die πόλεις πίσημοι. Heidelberg, 1929.
- 8) Jacut's geographisches Wörterbuch... / F. Wüstenfeld. Leipzig, 1866. Bd. I.
- 9) Kitab at-tanbih wa'l-ishraf auctore al-Masûdi... / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894.
- 10) Muhammedis Filii Ketiri Ferganensis qui vulgo Al-Fraganus dicitur. Elementa astronomica, arabice et latine. Amstelodami, 1669.
- 11) Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abū'l-Kāsim ibn Haukal al-Nasībī)... «Liber imaginis terrae» / J.H.Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939.
- 12) Tibbets G.R. The Balkhi School of Geographers // History of Cartography. London, 1992. Vol. II. Book I.
- 13) Viae regnorum... Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870.

Москва, ИВИ РАН

МАТЕРИАЛЫ ПО ДОСЕЙМИНСКОЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКЕ С СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1. Изучение памятников эпохи бронзы на севере Западной Сибири ведется не одно десятилетие, но до недавнего времени представления об этом периоде древней истории исчерпывались сюжетами, связанными с позднебронзовыми атлымской и барсовской культурами Нижнего и Сургутского Приобья. Контакты носители обоих образований привели к сложению белоярской культуры раннего железного века [Чемьякин, 2008. С. 61]. Картографирование атлымской керамики II типа, отличавшейся морфологическим своеобразием и декором, послужило основанием для выстраивания миграций оставившего ее населения [Васильев, 1982. С. 13–14 и др.]. Материалы, отражающие особенности металлопроизводства обеих археологических культур, происходят с территории Сургутского Приобья и представлены сплесками металла, тиглями и фрагментами матриц, затрудняющих восстановление облика отливок [Чемьякин, 2008. С. 51, 57, рис. 36, 3; 38, 5, 11; 43, 7–7А, 15; 44, 13–14, 31].

Ощутимый дефицит источников, связанных с литейным делом таежных рыболовов и охотников, послужил основанием для отнесения рассматриваемого региона к числу периферийных, где сложение металлопроизводства могло произойти лишь в конце эпохи бронзы (ПБВ-3) в результате внешних миграций. Подобный подход отражен в культурологической модели сейминско-турбинского (СТ) феномена, допускающей возникновение на севере региона металлообрабатывающих очагов, которые ориентировались на исходные образцы СТ орудий и оружия, перейдя к выпуску бронзовых изделий самусьско-кижировского (СК) облика [Черных, Кузьминых, 1989. С. 144, 146, 183; Черных, Агапов, Кузьминых, 1990. С. 34–37 и др.].

Материалы атлымской и барсовской культур диссоциируют по выразительности и представительности с находками, полученными в последние годы с археологических объектов досейминского и сейминского времени. Досейминские древности севера Западной Сибири, отражающие особенности литейного дела, связаны преимущественно с полымьятскими и кульёганскими поселениями и определены в качестве предмета предлагаемого исследования.

2. Ареал, занимаемый полымьятскими памятниками, включает Кондинскую низменность и, возможно, часть левобережья Нижней Оби. Сплески металла, изделия из него и разнообразная технологическая керамика (тигли, литейные формы, сердечники, сопла) отражают качественные изменения, происходившие в литейном деле. Это касается используемых технологий и химического состава сырья (металла). При сравнении материалов ранних и поздних полымьятских памятников наблюдается отчетливый переход от производства заготовок-полуфабрикатов в открытых матрицах к изделиям в закрытых литейных формах, оснащенных сердечниками, которые оформляли втулки кельтов и небольших копий.

2.1. Параллели архаичным формам и используемым технологиям можно обнаружить далеко за пределами низменности, на памятниках, входивших в зону влияния металлургических и металлообрабатывающих очагов Циркумпонтийской металлургической провинции на позднем этапе ее существования [Кокшаров, 2011. С. 129], а также на юге Западной Сибири в поселенческих слоях одиновской культуры [Молодин, 2011. С. 10].

2.2. Если обратиться к морфологическим показателям кельтов, отливавшихся на поздних полымьятских поселениях, то обнаружится, что они не относятся ни к сейминским, ни СК сериям орудий [Кокшаров, Стефанова, 1993. с. 65–66]. Они сближаются, отчасти, с некоторыми кельтами Турбинского могильника, лишенными декора

и ребер жесткости на округлой втулке [Бадер, 1964. Рис. 42 и 117], а также с отливками, полученными по матрице с поселения Тух-Сигат IV (Васюганье). Судя по ней, втулка кельтов была усилена по краю валиком, а само изделие снабжалось сечкообразным лезвием [Кирюшин, 2004. С. 80, рис. 125, 7].

2.3. Немногочисленные находки металла демонстрируют переход от использования меди и Cu+Ag соединений¹¹ на ранних полымьятских объектах к Cu+Sn+As сплавам на поздних [Кокшаров, 2012. С. 38–39, табл. 1, рис. 1]. Химический состав может указывать на уральское происхождение меди.

3. Кульгганские поселения концентрируются преимущественно в Сургутском Приобье, а единичные объекты отмечены в Надым-Пуровском междуречье. На наличие металлопроизводства указывают технологическая керамика (тигли, обломки матриц, сопла) и единичные металлические предметы аморфного облика.

3.1 На сегодняшний день в кульгганских коллекциях отсутствуют односторонние открытые формы, известные в ранних полымьятских слоях. Матрицы, найденные на поселениях Барсова гора II/8в [Чемякин, 2008. Рис. 29, 2–3], Савкинская Речка 1 [Мызников, Косинская, Стефанов, 2012. С. 62–63, рис. 4, 1–2], Коим 1², Балинское I [Баранов, Кокшаров, 2015. В печати], двустворчатые, оснащенные, иногда, литниковыми воронками (Барсова гора II/8, Коим 1, Савкинская Речка 1). Негатив отливок размещался на одной из половинок, тогда как другая служила плоской крышкой. Таким образом, несмотря на двустворчатость, в кульгганских формах отливались плоские предметы (ножи, тесла, стержни) и не могут ставиться в один ряд с поздними полымьятскими. Матрицы с кульгганских поселений оснащались продольным гребнем, сформованным на внешней стороне створок. Данная морфологическая особенность пока не отмечена на технологической керамике поздних полымьятских поселений и в древностях варпаульского типа последующего сейминского времени.

3.2. Предметы из металла, найденные на кульгганских поселениях, единичны (2 экз.). Они не поддаются определению из-за неудовлетворительной сохранности. В одном случае установлено, что для поделки использована чистая медь³.

4. Особенности технологической керамики и отливок, связанных с полымьятскими и кульгганскими поселениями, могут отражать влияние на глубинные таежные районы Западной Сибири не одного, а нескольких производственных металлургических и металлообрабатывающих центров. От последних зависел также состав сырья (металла), поступавшего в распоряжение северных мастеров-литейщиков. Вместе с тем, следует учитывать, что местное население отдавало предпочтение тем технологиям, которые были ими востребованы. Ориентируясь на образцы продукции, получившей распространение в отдельные периоды бронзового века, они оставляли за собой право варьировать в рамках заданных стереотипов. Архаичный облик обсуждаемых материалов подтверждает досейминский возраст полымьятских и кульгганских памятников и, как следствие, требует внесения корректив в существующую концепцию СТ феномена.

Список литературы

- 1) Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с.
- 2) Баранов М.Ю., Кокшаров С.Ф. Технологическая керамика поселения Балинское I // Тезисы IV Северного археологического конгресса. 2015. В печати.

¹ Оговорка не случайна. Подвеска-лунница из очага раннего полымьятского жилища на поселении Геологическое III (раскоп IV) определена как бронзовая, изготовленная из биллона. Однако нет полной уверенности в искусственном происхождении сплава, поскольку серебро могло содержаться в медной руде изначально [Кокшаров, 2012. С. 34].

² Речь идет об неопубликованных материалах из раскопок А.С. Сергеева, включающих фрагменты двусторонних форм для отливки пластинчатых предметов.

³ Выражаю искреннюю благодарность к.и.н. А.Д. Дегтяревой за предоставленное сообщение.

- 3) Васильев Е.А. Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. С. 3–14.
- 4) Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. 295 с.
- 5) Кокшаров С.Ф. Первый металл Конды // ВИАЭ. 2012. № 4 (19). С. 27–42.
- 6) Кокшаров С.Ф. Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени со Средней Конды // Уральский исторический вестник. 2011 № 1 (30). С. 122–130.
- 7) Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. С. 54–67.
- 8) Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Мат-лы Всероссийской научной конференции, посв. 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 9–13.
- 9) Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская Речка 1: новые материалы по бронзовому веку среднетаежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 60–72.
- 10) Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с.
- 11) Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: тез. докл. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. С. 34–37.
- 12) Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН

Н.П. Матвеева

СУБСТРАТНЫЕ И СУПЕРСТРАТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В КУЛЬТУРЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В бакальской культуре лесостепного Тоболо-Ишимья имеются следы преемственности с несколькими культурами раннего железного века: саргатской, кулайской (саровского этапа), кашинской, а также отчетливое влияние карымской и кушнаренковской традиций. Это указывает на протекание раннесредневекового культурогенеза в условиях дробления старых общностей и краткосрочного воздействия новых культурных образований. Определение хронологических рамок и содержания данных процессов имеют большое значение для решения проблемы прародины мадьяр, путей миграции протоболгар, участия угорских и самодийских компонентов в этнокультурных процессах на территории Башкирии, Поволжья, Южного Зауралья и Западной Сибири.

При применении традиционных археологических методов, а также данных радиоуглеродного датирования, палинологии, бинокулярной микроскопии, палеоантропологических данных удалось создать новую, репрезентативную базу из 135 погребений 4 могильников (Козлов Мыс-2, Ревда-5, Устюг-1, Ипкульский) IV-V вв. [Матвеева, 2012а; 2012в; 2014; Чукунова, 2011]. Анализ наблюдений, сооружений и инвентаря этих памятников позволил заполнить ранее существовавшую лакуну в изучении эпохи Великого переселения народов.

Базовым памятником для изучения раннего Средневековья остается Козлов мыс-2, насчитывающий 83 погребения [Матвеева, 2012в]. Другой репрезентативный могильник – Устюг-1, в котором исследованы 19 курганов и 30 погребений. Все некрополи гетерогенны по обряду захоронений и керамическому материалу (бакальский,

кушнаренковский, карымский, саргатский, кашинский типы), сочетают грунтовые и курганные могилы, ингумации и кремации, кенотафы и захоронения с конем. В них погребено европеоидное население, преемственное по антропологическому облику с саргатским раннего железного века, характеризующееся искусственной деформацией черепов, относительно удовлетворительным состоянием здоровья, умеренными трудовыми нагрузками, значительным количеством бытовых и военных травм [Пошехонова, Слепченко, 2014].

Субстратным компонентом культуругенеза следует признать саргатский, как с точки зрения главенства курганного обряда с северной ориентировкой умерших, присутствия ровиков, остатков поминальных действий у могил, так и базовых форм посуды, состава ее формовочных масс. Какую-то роль сыграл и южно-таежный кашинский, судя по крупногребенчатым и нарезным декорам керамики могильников Ипкульский и Козлов Мыс-2. К сожалению, погребальный обряд кашинской культуры продолжает оставаться неизученным, поэтому вычленить его наследие в бакальской традиции не удастся. Вероятно, с ним связано размещение ценных вещей и предметов ритуального характера в отдельных коробочках и снятие поясов с умерших [Матвеева, 1994, с. 141]. С суперстратным карымским компонентом следует связывать грунтовые погребения в широтных рядах, приземистые мисковидные сосуды с фигурно-штамповой орнаментацией. Суперстратные элементы среднеазиатского происхождения (гуннские?) отразились в традиции помещения голов и конечностей лошади на перекрытии могильных ям [Боталов, Гуцалов, 2000: 152, 154], в кремациях, высокогорлых кувшинных, кружковидных формах посуды с лощением и жженой костью в формовочных массах [Матвеева, Кобелева, 2013]. Эти же варианты состава теста оказались присущими «импортной» посуде из гунно-сарматских могильников Южного Урала Магнитный, Солёный Дол, Большекараганский, Солнце [Матвеева, Кобелева, 2014]. На ту же среду указывает кольцевая деформация черепов. Захоронения коней в ямах, расположенных перпендикулярно основному погребению, расположение могил рядами, пеленание покойников расцениваются нами как праболгарский компонент на основании аналогий с новинкинским типом памятников в Среднем Поволжье [Багаутдинов и др., 1998, с. 50; 53; 61]. Раннекушнаренковский суперстрат проявился в тонкостенных высокогорлых лощеных кувшинах с фигурно-штамповой орнаментацией и желобками, нанесенными шнуровыми и металлическими орнаментами [Степи Евразии..., с. 288, рис. 14].

В итоге нами предложена концепция культуругенеза в лесостепном Зауралье как формирование бакальской культуры на основе саргатско-кашинского субстрата, а также карымского таежного и нескольких среднеазиатских суперстратов с периодическим оттоком из ее ареала мигрантов на запад. В регионе в результате теплого климата и достаточного увлажнения сложились благоприятные природные условия, способствовавшие притоку кочевников [Рябогина, Иванов, 2013, С. 138; Matveeva, Ryabogina, 2014, p.314]. В социальном отношении притоку мигрантов, вероятно, способствовал распад централизованной раннегосударственной общности саргатского населения под влиянием гуннских вторжений в лесостепь [Могальников, 1994, с. 63; Боталов, Гуцалов, 2000, С. 180].

В.А. Могильников, в силу единичности известных на тот момент памятников (Сопка, №688; Муслюмово, Черноозерье), предполагал, что происходила культурная и этническая ассимиляция малочисленных и дисперсно расселенных гуннских мигрантов местным населением бакальской и протокушнаренковской культур [1996, С. 9] и формирование общности южных угров. По новым данным вышеперечисленных некрополей появление групп нового карымского населения происходило с конца III в. по начало V в. н.э., пришельцы сосредоточились в северной лесостепи [Матвеева, Зеленков, Чикунова, 2014]. В южной лесостепи памятников эпохи Великого переселения народов известны единицы (Усть-Утяк-1, Усть-Суерка-4), поэтому влияние

таежных переселенцев выглядит ослабленным, возможно, из-за особенностей источниковой базы. В IV в. н.э. имело место проникновение нескольких волн из районов Сырдарьи, Семиречья, в том числе на Южный Урал, и в Зауралье, из гунно-болгарского или аварского круга.

Формирование бакальского населения в лесостепи проходило в обстановке конфликтов и доминирования мигрантов. Поэтому оно сопровождалось передвижками кочевников на запад, что повело к сложению караякуповской культуры и появлению отдельных суперстратных элементов сибирского происхождения в культурах Прикамья. Как считал В.А. Могильников, смешение саргатского населения с лесными мигрантами в южно-таежной зоне способствовало сложению потчевашской культуры, а в лесостепной – прокушнаренковцев [1994, с. 63]. Сейчас мы видим, что картина, даже в первом приближении, несколько сложнее. Сформировавшееся на севере лесостепи Зауралья на местной основе под влиянием, с одной стороны, северных, а с другой стороны, среднеазиатских мигрантов кушнаренковское население передвинулось в Приуралье, видимо, в VI в. В VII в. оно еще сохраняло связи с родиной, так как есть материалы и позднее, например, Перейминский могильник. До переселения в Приуралье оно проживало чересполосно с бакальским и активно с ним взаимодействовало.

Список литературы

- 1) Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара: «Полдень. 22 век», 1998. - 286 с.
- 2) Боталов С. Г. Гунны и тюрки. Историко-археологическая реконструкция. Челябинск: ООО «Рифей», 2009. – 672 с.
- 3) Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000.
- 4) Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. – 172 с.
- 5) Матвеева Н.П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009-2010 гг. //Ab origine: Археолого-этнограф. сборник Тюменского гос. университета. Тюмень: ТюмГУ. 2012а. Вып. 4. - С. 38-76.
- 6) Матвеева Н.П. Могильник Козлов Мыс-2 и проблема хронологии переходного периода от раннего к позднему железному веку в Зауралье// Археология, этнография и антропология Евразии. №4 2012б. С. 70-85.
- 7) Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень: изд-во ТюмГУ, 2012в. - 178 с.
- 8) Матвеева Н.П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 211-2012 гг. //Ab origine: Археолого-этнограф. сборник Тюменского гос. университета. Тюмень: ТюмГУ. 2014. Вып. 6. - С. 26-59.
- 9) Матвеева Н.П., Зеленков А.С., Чукунова И.Ю. Хронологическая интерпретация могильников переходного времени от Раннего Железного Века к Раннему Средневековью в Зауралье //Ab origine: Археолого-этнограф. сборник Тюменского гос. университета. Тюмень: ТюмГУ. 2014. Вып. 6. - С. 5-26.
- 10) Матвеева Н.П., Кобелева Л.С. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья (по данным изучения гончарства)// Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: изд-во ИПОС СО РАН, № 3. 2013. - С. 68-78.
- 11) Матвеева Н.П., Кобелева Л.С. Свидетельства миграций в зауральском регионе эпохи Великого переселения народов (по керамическим материалам)// Вестник Новосибирского университета. № 2. 2014. – С.
- 12) Могильников В.А. К проблеме генезиса угорской этнокультурной общности // Финноугроведение. №1. 1994. С.61-68.
- 13) Могильников В.А. Миграции кочевников Центральной Азии и формирование этнического состава населения лесостепи Западной Сибири // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч. 2. Уфа: ИАЛИ РАН, 1996. С. 8—9.
- 14) Пошехонова О.Е., Слепченко С. М. Патологические проявления на палеоантропологическом материале раннесредневекового могильника Устюг-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: изд-во ИПОС СО РАН, № 4 (27). 2014. - С. 87-95.
- 15) Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Реконструкция облика ландшафтов Притоболья в раннем Средневековье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (20). Тюмень: изд-во ИПОС СО РАН, 2013.- С. 133-138.

16) Степи Евразии в эпоху Средневековья. В серии «Археология СССР». М.: Наука, 1981. – 304 с.

17) Чикунова И.Ю. Ипкульский могильник как источник по изучению этнокультурной ситуации в раннем средневековье в Притоболье // Труды III Всероссийского археологического съезда. Т. 2. Великий Новгород – Старая Русса, 2011. С. 112-113.

18) Matveeva N., Ryabogina N. The Impact of Climatic Fluctuation on Culture in the Finish of Early Iron Age and the Beginning of the Middle Ages in Trans-Urals // 20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists 10-14 September 2014 Istanbul - Turkey, Abstracts of the oral and poster presentation, İstanbul: Archaeology & Art Publications, 2014, p. 313-314

Тюмень, ТюмГУ

Д.И. Ражев, С.М. Слепченко, С.Н. Скочина

ТРАВМЫ И ПАТОЛОГИИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДКА МУНКЫСЬ УРИЙ

Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «Изменчивость адаптивных возможностей и санологического состояния аборигенов Сибири в конце I — середине II тыс. н.э.»), грантов РФФИ 13-06-00158, РГНФ 13-01-00097

Предлагаемая работа представляет собой часть антропологического исследования останков из захоронений городища Частухинский Урий. Археологический памятник Частухинский Урий расположен на левом берегу р. Большой Юган, рядом с одноименной старицей, хантыйское название которой Мункысь Урий. Остатки укрепленной части памятника соотносятся исследователями с городком Мункысь Урий бывшим ставкой хантыйского князя Кинемы (Тоньи) Бардакова [Семенова, 2005; Зыков, 2012. С.118-121]. Согласно археологическим данным, экономической основой существования обитателей крепости была "война" [Семенова, 2005, С.76], в том числе обское пиратство [Зыков, 2012. С.121]. Городок прекратил свое существование в ходе ожесточенного штурма русским отрядом в 1619 году. После чего крепость была сожжена, а защитники и укрывавшиеся в нем члены семьи князя были взяты в плен или убиты [Семенова, 2005, С.60-80; Зыков, 2012. С.118-121].

Исследуемые антропологические останки происходят из трех погребений: коллективные № 1 и 3 и парное №2. Все три погребения были совершены в течение небольшого периода после разгрома крепости. И, по мнению исследователей, в двух погребениях (1 и 3) были захоронены люди высокого социального статуса [Семенова, 2005. С.91], возможно, члены семьи князя и его соратники [Зыков, 2012. С.120-121]. В 2014 году костные останки из раскопок 2011-13 годов, проведенных ООО «НПО «Северная археология-1» и сохранившийся антропологический материал, первично определенный В.А. Дремовым, был исследован повторно сотрудниками антропологического коллектива Института проблем освоения Севера.

Доступные для исследования останки представлены разрозненными костями. Это создало непреодолимые для морфологического исследования трудности для однозначного определения половозрастного состава. Учитывая совокупность антропологических и археологических данных, исследуемый антропологический материал может содержать останки минимум 10 индивидуумов: 6 мужчин, 3 женщин и 1 ребенка. Согласно исследованиям В.И. Семеновой в 3 раскопанных погребениях было захоронено 15-16 человек: 7-8 мужчин, 6 женщин и 2 ребенка. Сопоставление этих списков показывает, что к настоящему времени сохранилось весьма ограниченное количество антропологического материала. К сожалению, и соотнесение сохранившихся костных останков с установленными погребениями и скелетами в большинст-

ве случаев оказывается невозможным. Поэтому мы вынуждены рассматривать совокупность останков как единый комплекс, отражающий группу людей, так или иначе связанных с завершающей частью существования городка МункысьУрий.

Продольный размер длинных костей конечностей был установлен только в 3 случаях. И только в 1 из них удалось определить пол останков - мужской. Поэтому реконструируемый рост оказывается очень условным. Рост мужчин, вероятно, составлял 156(?), 160(?), 169(м) см, женщин – 150(?), 155(?) см. Данные по современному хантыйскому населению показывают, что средний рост мужчин составляет 159 см, женщин 150 см [Козлов, Вершубская, 1999]. Таким образом, размеры двух индивидуумов с неустановленным полом вполне соответствуют обычным размерам представителей автохтонного населения. Рост же мужчины, вероятно из 3 погребения, оказывается большим по масштабам Западной Сибири.

В рассматриваемой группе в малой степени проявляются заболевания определяемые недостатком питания. Проявления малокровия в умеренной степени выявлены только у 1 из 9 индивидуумов. Значительная линейная гипоплазия эмали зубов, возникающая в период истощения, не была обнаружена ни разу. Неплохо обстоит дело и с зубным здоровьем. Кариес и апикальный абсцесс не были выявлены ни у одного человека. Прижизненная утрата зубов наблюдалась у 3 из 9 исследованных индивидуумов. Зубной камень обнаружен у 5 из 8 человек, но и он имеет незначительную выраженность. На костях посткраниального скелета обнаружены единичные патологии. На позвонках, вероятно принадлежащих одному человеку, были обнаружены признаки остеохондроза (узлы Шморля), вызванные надпороговой компрессией позвоночника.

Реконструкция кинетических схем регулярной двигательной активности для рассматриваемой группы крайне затруднена отсутствием, как полных скелетов, так и целых костей. Исследованные фрагменты позволяют сделать только общие заключения. На большинстве длинных костей рук и ног сохранились места прикрепления мышц со значительным развитием. Причем наиболее выражены энтезопатии, соответствующие скоростным движениям. Преобладание в физической активности резких движений со значительной энергией указывает, что в жизнедеятельности исследуемых людей важное место занимал экстремальный род деятельности, предполагавший внезапные большие физические усилия. Этому соответствует и надпороговые патологии позвоночника. Таким видам деятельности соответствуют спортивные состязания, охота на крупного зверя и военная деятельность.

На трех черепах из девяти зафиксированы травмы, соответствующие межличностным агрессиям. На черепе мужчины, умершего в возрасте 35-50 лет, из погребения №1 обнаружен заживший перелом костей носа, возникший в результате ранения, бытовой ссоры или несчастного случая.

На черепе мужчины, умершего в возрасте 30-40 лет, тоже из погребения №1 выявлены пять преднамеренных орудийных повреждений. Следы заживления нигде не обнаружены. Цвет и степень патинизации костного вещества на сохранившихся краях дефектов и на прилегающих участках поверхности черепа одинаковые, что однозначно указывает на перимортальный (прижизненно либо сразу после смерти) характер травм. Края всех повреждений были исследованы трасологически. На них зафиксированы пятна заполировки и участки с линейными следами. Морфология поверхности срубов и характер рассмотренного блока следов указывают на то, что они оставлены металлическим предметом с острым лезвием.

Повреждение 1 приходится на левый угол нижней челюсти и представляет собой неглубокий щелевидный дефект, затрагивающий только поверхностные слои кости. Повреждение 2 - диагональный щелевидный дефект левой части черепной коробки, проникающий в полость черепа. Проникающий дефект 3 располагается трансверзально в передней части черепа. Повреждения интерпретируются как последствия рубящих ударов

справа. Ввиду того, что в первом ранении поврежден лишь кортикальный слой кости, удар оказался несильным и, вероятно, был нанесен остриём оружия.

Повреждение 4 - крупное отверстие неправильной формы, обнаруживается в области головы за левым ушным отверстием. Повреждение является следствием рубящего удара, в результате которого была отсечена часть костей. Повреждение 5 локализовано у нижнего края предыдущей травмы, сохранился лишь небольшой его участок. Данное повреждение также является следствием рубящего удара, направленного практически параллельно секущей плоскости повреждения 4. Вероятно, обе раны были нанесены, когда пострадавший находился в положении лежа, лицом вниз.

Характеристики повреждений свода черепа позволяют однозначно идентифицировать их как рубящие, нанесенные плоским относительно длинным предметом с прямым острым лезвием (сабля? кинжал? рубильный нож?). Лицевое ранение 1 и проникающие ранения 2 и 3 были нанесены по голове, зафиксированной не плотно, то есть по стоящему человеку и, следовательно, в процессе сражения. Возможно, что первым было ранение в челюсть - болезненное, но не смертельное. Затем, после одного из проникающих ударов, мужчина уже не мог защищаться. Повреждения (4 и 5) в области за левым ухом были нанесены последними, когда жертва уже находилась в положении лежа, лицом вниз без движения. Данный тип повреждения - отсечение фрагмента кости в области задней части мозговой коробки, является достаточно распространенным среди коренного населения таежной зоны Западной Сибири. Он интерпретируется как последствие скальпирования путем отсекаания «косы» для получения сакрального трофея [Ражев, Пошехонова, 2009; Ражев, 2013]. Мужчина не пережил схватки, в ходе которой были получены эти раны.

На черепе женщины, умершей в возрасте 45-55 лет, из погребения №2 также обнаружена травма мозгового отдела черепа. Следы заживления отсутствуют. Ранение перимортальное. Повреждение представляет собой плоский сруб, полностью отделившийся левый сосцевидный отросток. Удар был нанесен, когда пострадавшая находилась лежа лицом вниз, либо когда её голова находилась на уровне или несколько ниже пояса нападавшего. Как и в предыдущем случае, повреждение может быть связано с получением ритуального трофея - «косы» с частью скальпа. Смерть женщины наступила незадолго до или вскоре после этого ранения.

Полученные антропологические данные хоть и оказались фрагментарными, но, тем не менее, позволили восстановить некоторые моменты жизни и смерти жителей городка Мункьсь Урий.

Жизнь. Измерение костей конечностей показывают, что, по крайней мере, один из мужчин городка обладал высоким ростом, заметно выделявшим его среди окружающих людей. Показатели анемии и периодов истощения свидетельствуют о том, что все исследованные люди: и мужчины и женщины не испытывали проблем с питанием, в том числе с его мясной составляющей, на протяжении всей своей жизни с рождения и до смерти. Анализ мест прикреплений мышц и патологии позвоночника позволяют реконструировать регулярную физическую активность жителей городка как энергичную, порывистую, со значительными усилиями. Что совсем не соответствует рутинному образу жизни с однообразным трудом.

Установленная антропологическая характеристика людей в значительной степени соответствует представлениям о характере жизни представителей высшего социального слоя таежного населения. И это позволяет обоснованно полагать, что при исследовании коллективных погребений Частухинского Урия, мы имеем дело с членами семьи и дружины аборигенного князя, имевшего в качестве укрепленной ставки городок Мункьсь Урий.

Смерть. Одним из факторов, позволяющих установить причину смерти, исследуемых людей является их захоронение в коллективных погребениях. Преобладание мужчин и семантическая схожесть положения их останков, одновременность захо-

ронения являются характерными признаками немногочисленных коллективных погребений тасжной зоны Западной Сибири. Подобные захоронения интерпретируются как братские могилы убитых в бою воинов. Исходя из этого, можно с большой вероятностью полагать, что все исследуемые мужчины были убиты в ходе одного сражения [Ражев, 2008]. Близкая интерпретация была ранее предложена А.П. Зыковым [2012]. Женщины, по мнению исследователей памятника, так же были убиты в этой же схватке [Семенова, 2005; Зыков, 2012].

Независимым подтверждением гибели исследуемых мужчин и женщин в ходе вооруженного столкновения являются перемортальные ранения, обнаруженные на черепах двух человек. В одном случае мы имеем дело с серией травм от клинкового оружия, поразившего голову мужчины. Практически не остается сомнений, что эти различные по направленности и тяжести ранения были получены в схватке, итогом которой стала смерть защитника городка.

Рис. 1. Череп мужчины, умершего в возрасте 30-40 лет (№ 5223, погр. 16). Вид сверху. Стрелками указаны разрубы 1, 2, скол кортикального слоя и трещины.

Рис. 2. Фрагменты черепа женщины, умершей в возрасте 45-55 лет (№ 5227, погр. 2а). Свод черепа. Вид справа. На височной кости видно повреждение сосцевидного отростка (сруб).

Два иных случая черепных травм у убитого мужчины и женщины интерпретируются как свидетельства отрубания «кос». Ритуальное скальпирование в данном случае привлекает особое внимание. Из исторической интерпретации трагических событий следует, что городок был разгромлен русским отрядом. Не имеется свидетельств того, чтобы, для православных казаков скальп врага представлял сакральную

или корыстную ценность. В то же время, представление о значимости волос с головы (скальпа) было распространено у народов севера Западной Сибири, что нашло отражение в фольклоре [Патканов, 1891. С. 66-67; Patkanov, 1897. P. 21, 27-28]. Таким образом, наличие последствий скальпирования на черепах погребенных указывает на то, что к их смерти (или только погребению?) имели непосредственное отношение представители аборигенного населения.

Список литературы

- 1) Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековые и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.
- 2) Козлов А.И., Вершубская Г.Г. Медицинская антропология коренного населения Севера России. М.: МНЭПУ, 1999. 288 с.
- 3) Патканов С. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. С.66-67.
- 4) Ражев Д.И. Коллективные погребения Западной Сибири эпохи средневековья: возможные интерпретации// Вопросы археологии Урала. Екатеринбург-Сургут: Магеллан. 2008. Вып. 25. С.220-223.
- 5) Ражев Д.И. Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: распространение, структура, интерпретации// Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С.53-63.
- 6) Ражев Д.И., Пошехонова О.Е. Обычай срубания кос у средневековых воинов Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 83-89.
- 7) Семенова В.И. Поселение и могильник Частухинский Урий. Новосибирск: Наука, 2005. 164 с.
- 8) Patkanov S. Die Irtysh-Ostjaken und ihre Volkspoese. St. Petersburg, 1897. P.17-38

Тюмень, ИПОС СО РАН

К.А. Руденко

АТТРИБУЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЕРЕБРЯНЫХ ПЛАСТИНЧАТЫХ БРАСЛЕТОВ С ШАТОНАМИ ИЗ ПРЕДУРАЛЬЯ И ЗАУРАЛЬЯ (к вопросу о болгарском импорте)

Традиционно считается, что серебряные ювелирные украшения, найденные в Предуралье, на Урале и в Приобье украшенные шатоном, зернью и сканью, с позолотой относятся к производству Волжской Булгарии домонгольского или золотоордынского времени. В число таких изделий включены серебряные лопастные пластинчатые браслеты с шатоном (рис.). Они стандартны по размерам (2,6х2,8-4,3 см) и декору. География находок браслетов такова: Большой московский клад 1988 г.; Кишертский могильник (межмогильное пространство) и клады Пермского Прикамья; Ликинский могильник (сборы) на Урале; Приобье - район п. Шурышкары и Тибей Сале [Белавин, 2000. С.99, рис.42-1-3; Викторова, 2008. С.62, рис.46-г; Наследие, 1996. С.118; Голдина, Лещинская, Черных, Бернц, 2007. С.187, рис.121; Сокровища, 2003. С.74, кат.№37; Коллекция, 2011) (рис.-4,6-8). Несмотря на дальность расстояния, разделяющие места находок, все эти изделия имеют очень много общего, даже в деталях, что позволяет рассматривать их как одну серию.

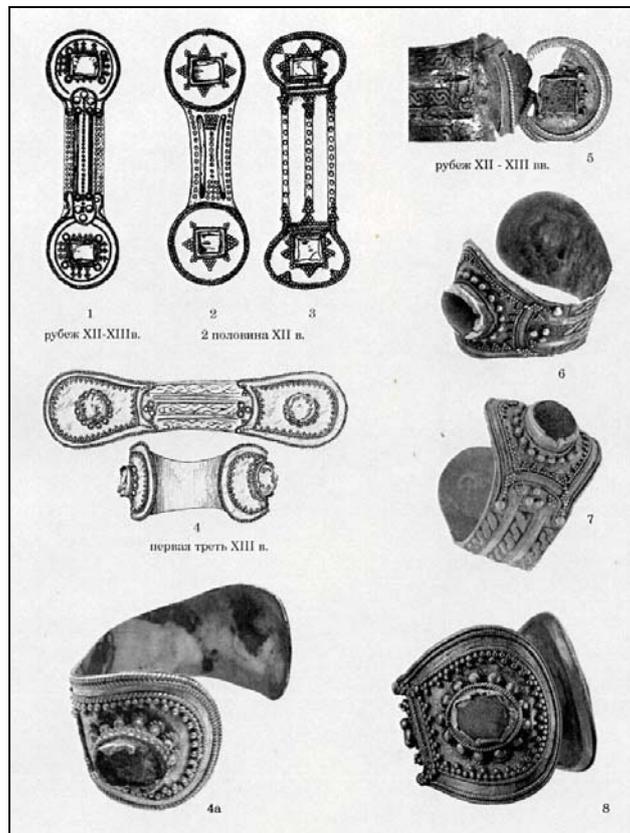

Рис. Серебряные браслеты второй половины XII – первой трети XIII в. 1, 2, 3 – Прикамье (по А.М. Белавину); 4 - Кишертский могильник (Пермский край) (по И.Ю. Пастушенко); 5 – Ликинский могильник (по В.Д. Викторовой); 6, 7 – Приобье (по Н.В. Федоровой); 8 – Большой Московский клад 1988 г. (по Т.Д. Паниной).

Особенности оформления браслетов, позволяют выделить 2 группы изделий. Браслеты первой группы (3 экз.), найдены в составе кладов в Прикамье (рис.-1-3) [Белавин, 2000. С.99, рис.42-1-3]. Форма лопасти у них близкая к кругу, каст всегда квадратный или прямоугольный, обведенный сканью, к которой примыкают треугольники зерни с венчающим ромбиком или без него. Спинка браслета разделена глубокими выемками на три полосы, которые украшены кружковым орнаментом, нанесенным пунсоном. На одной из них имеются шарики зерни закрепленные в сканых колечках (на «подставке»), в сочетании с дополнительным припаянным щитком при переходе от лопасти к спинке и с имитацией трех крупных шариков зерни на нем (рис.-1).

Вторая группа (6 экз.): браслеты из Большого московского клада 1988 г.; Кишертского и Ликинского могильников; из Шурышкар и Тибей Сале (2 экз.) (рис.-4,6-8). Эти браслеты имеют овальную лопасть, круглый каст со вставкой из стекла или из битрапециодной сердоликовой бусины. Каст обведен в основании сканью (настоящая скань только на браслете из Московского клада, а в остальных случаях ее имитация из штампованной проволоки) и окружен цепочкой зерневых шариков на «подставке» из сканых колечек. По краю лопасти уложены парные штампованные проволочки, которые «закольцованы» при переходе к спинке браслета изгибаясь вокруг двух крупных шариков зерни. Основное орнаментальное поле на лопасти выделено

уложенными по контуру отрезками штампованной проволоки, причем пространство между внешним сканым пояском и внутренним укреплено позолоченными серебряными полосками. Со стороны каста к сканому одинарному пояску примыкает выкладка из зерневых треугольников. Спинка браслетов разделена неглубокими продольными выемками на три яруса, украшенными резным рисунком плетенки, выполненным с разной степенью мастерства (рис.-7). Рисунок либо гравировался, либо вырезался. Фон зачернен либо позолочен.

В этой группе браслетов из Зауралья есть несколько интересных деталей: использование сердоликовой бусины вместо вставки и изображения двух бегущих животных, на спинке другого браслета. Промежуточное положение занимает браслет из Ликинского могильника (рис.1-5) и круглолопастной браслет из сборов на Степановском могильнике в Пермском крае [Белавин, 2000. С.183, рис.104-13]. Использование битрапециоидной сердоликовой бусины как вставки имеется на украшениях из вымских могильников: погребения 74 Ыджыдзельского некрополя, датированном XII - XIII в.; погребения 144 Кичилькосьского II могильника, совершенном в XIII в. [Савельева, 1987. С. 115, 158, рис. 33-36; 37-84].

Прототипы кругло и овально-конечных пластинчатых браслетов, украшенных зернью, сканью и шатоном появляются в первой половине XI в. Об этом можно судить по находке фрагмента биллонового овально-конечного браслета, со вставкой из стекла синего цвета в Новгороде, датированная 20-50-ми гг. XI в. [Седова, 1981. С.112, рис.38-6]. Очевидно, что был исходный образец-оригинал с которого была сделана новгородская копия. При этом в Новгороде в этот период изделия в скано-зерневой технике не производились, не известно и других тиражированных изделий таких браслетов, также нет им аналогий в новгородских древностях в целом.

В этой связи, интересна находка пластинчатого круглоконечного браслета с шатоном, декорированного зернью и сканью из Поркуниского I клада в Эстонии, датированного XI - XII вв. [Тыниссон, 1962. С.202, рис.27-2]. Стиль оформления этого браслета, включая каст, штампованную проволоку, орнаментальные зерневые композиции, очень близок рассматриваемой группе браслетов. Судя по всему, это один из первых пластинчатых круглоконечных браслетов, с прямоугольным кастом и зерневым рисунком из треугольников. Но это изделие не местного производства.

Форма браслета в данном случае не может быть опорой в определении даты или культурной принадлежности. В разные периоды форма круглоконечного пластинчатого браслета была распространена и на севере Европы и в циркумпонтийской зоне. Сочетание шатонов, мелкой зерни и скани на серебряных украшениях в XI в. характерно для восточной ювелирной традиции, а на пластинчатых браслетах ближе всего изделиям из Византии. Но близких аналогий для рассматриваемых изделий найти пока не удалось. Так же очевидно, что прикамские браслеты изготовлены позже в иной манере с измененным оформлением и с использованием новых материалов.

Датируются рассмотренные браслеты в рамках второй половины XII - первой трети XIII в. Развитие их выглядит следующим образом. Первая группа браслетов была изготовлена во второй половине XII в. К последней четверти XII в. относится браслет из Степановского (Пожвинского) могильника в Пермском крае. Спинка у него украшена как у браслетов первой группы, но круглый каст и своеобразные зерневые треугольники при переходе от лопасти к спинке (прототипы пирамидок зерни) соотносятся с декором на браслетах второй группы. Следующий шаг в развитии этих изделий произошел на рубеже XII - XIII в. и представлен браслетом из Ликинского могильника, отнесенного ко второй группе. Он украшен гравированным, черным рисунком в виде плетенки, который был размещен в прямоугольных углублениях на спинке, при этом пространство между этими ярусами выглядит как небольшой валик (рис.-5).

Одновременно происходит усложнение декора на браслетах первой группы: появляется обводка зернью края изделия (при переходе от лопасти к спинке) штампо-

ванной проволокой, укрепляющей полоски на лопасти, декоративные арочные щитки с треугольниками из зерни (рис.-1). В композиции зерневых треугольников появляется новая деталь – иногда они из равносторонних делаются равнобедренными, а их вершина украшается зерневым ромбиком, как на болгарских ювелирных изделиях. Вставки как правило стеклянные бесцветные с цветной подкладкой (не исключено, что были и хрустальные, двухслойные – определение их не проводилось).

Вторая группа изделий относится к первой трети XIII в. находка браслета второй группы в Московском кладе 1988 г. (рис.-8), зарытого в момент монгольского штурма города, свидетельствует о том, что он был изготовлен не позднее 1238 г., как и браслет из Шурышкар, почти идентичный ему. Они характеризуются следующими элементами формы и декора: овальная лопасть с круглым кастом, обведенным в основании сканью или ее заменителем - штампованной проволокой; у основания ее (по краю каста) имеется поясик зерни на «подставке» из сканых колечек. Сохраняется разделение орнаментов на лопасти и на спинке браслета, как и использование узких пластинок для распределения орнамента на лопасти, а также обводка сканью двух зерневых шариков при переходе от лопасти к спинке. Вставки из глухого стекла или сердолика. Орнамент на спинке - плетенка, подчеркнутая зернью. Фон изделия позолочен. Последним в этой партии вероятно был браслет из Кишертского могильника (рис.-4, 4а). Данные браслеты скорее всего были изготовлены в 1230-х гг., в княжеских мастерских города Владимира при участии болгарских ювелиров.

Список литературы

- 1) Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. 200 с.
- 2) Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2008. 208 с.
- 3) Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А. Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собрания Удмуртского государственного университета. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2007. 196 с.
- 4) Коллекция средневековых артефактов IX-XIV веков: Информационный бюллетень Тазовского районного краеведческого музея. Тазовский: ТРКМ, 2011. 5 с.
- 5) Наследие варягов: диалог культур. М.: ГИМ, 1996. 120 с.
- 6) Савельева Э.А. Вымские могильники XI-XIV вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 200 с.
- 7) Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- 8) Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард-Санкт-Петербург. 2003. 96 с.
- 9) Тыниссон Э.Ю. Эстонские клады IX - XIII веков // Древние могильник и клады: Археологический сборник. Т.П. Таллин: ИИ АН ЭССР, 1962. С.182 - 274.

Казань, КГАКиИ

Н.Е. Рябогина, С.Н. Иванов, А.С. Афонин

**ДИАГНОСТИКА ГРАНИЦЫ ЛЕСНОГО И СТЕПНОГО БИОМОВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ГОЛОЦЕНА
(по палинологическим данным природных архивов
и культурных слоев археологических памятников)**

Во внутриконтинентальных районах, положение рубежа тайга/степь определяется в первую очередь фактором увлажнения, а не температурными изменениями как на границе тайга/тундра. Колебания увлажненности, с одной стороны, были определяющими для направления миграций и условий жизнедеятельности древнего населения этих районов. С другой стороны, в позднем голоцене численность людей и поголовье скота были достаточно велики, то есть хозяйственная деятельность человека уже могла накладываться на климатическую динамику и стать ключевым фактором изменения ландшафтного облика. Хорошо известны факты антропогенной деградации лесов в Европе [например, Rösch 2012], но до сих пор мы имеем лишь обрывочные данные о влиянии человека на южную границу леса в Западной Сибири.

На границе леса/степи или в полосе северной степи Западной Сибири сравнительно мало датированных непрерывных летописей природных архивов (осадков торфяников или озер), охватывающих несколько тысячелетий. Именно пыльцевые данные из подобных объектов являются традиционным путем решения этой задачи. Кроме того, важно иметь палинологические данные и из культурных слоев рядом расположенных археологических памятников. В качестве модельного района был выбран бассейн р. Ишим, а объектами исследования стали профили двух олиготрофных торфяников. Они расположены сравнительно близко друг от друга, но в разных географических условиях - один на юге подтайги (Гладиловский Рям), другой на севере лесостепи (Станичный Рям). А также спорово-пыльцевые данные из почвенных горизонтов ближайших археологических памятников.

Методической основой анализа ископаемых палинологических данных стали материалы пыльцевого состава поверхностных проб в этом районе [Рябогина, Иванов, 2009]. Ключевыми показателями лесного биома, и соответственно увеличения увлажнения, безусловно, стала пыльца березы и сосны. К сожалению, из-за широкой экологической валентности они не являются надежными индикаторами климатического сигнала, а опираться на изменения показателей широколиственных и темнохвойных пород невозможно, так липа, вяз и ель встречаются здесь крайне редко. За основные показатели степных и лугово-степных растительных сообществ принята пыльца полыней, маревых и злаков (последние, только в слоях торфа без растительных остатков тростника), особое внимание уделено синхронному колебанию их кривых. Группа разнотравья (представителей астровых, бобовых, розоцветных, лютиковых и других семейств) анализировалась как второстепенный показатель. Таким образом, палинологические диаграммы были упрощены, а пыльца водных, болотных растений и споры исключены из рассмотрения.

Оба торфяника образовались после атлантического периода, то есть отражают историю растительности на протяжении 4000 лет. Скорость накопления торфа и стадии развития этих болот значительно отличались, в стратиграфии не выявлено продолжительных перерывов в осадконакоплении.

Важный стратиграфический рубеж – обмеление озер и начало формирования на их месте болот, был отмечен в обоих торфяниках в интервале 4700–4470 calBP. До этого рубежа объемы поступления древесной пыльцы были большими, чем пыльцы

трав, причем в основном за счет сосны обыкновенной и сибирской, а также ели. Таким образом, в начале суббореального времени в ландшафтах было достаточно много лесов с участием таежных компонентов. Выше этого рубежа наметилось понижения уровня грунтовых вод и заторфовывание озер, вероятно в связи с более сухими и теплыми условиями. На данном стратиграфическом уровне не показательно общее увеличение доли пыльцы трав (в основном тростника) и резкое падение кривой пыльцы деревьев. Значительно более важно на наш взгляд, сокращение доли пыльцы хвойных пород, так как пыльца березы становится доминантом в отложениях с середины суббореального периода. Это согласуется и со стабильным подъемом кривой пыльцы полыни и маревых (оценить долю внеболотных злаков не представляется возможным на этом уровне). Таким образом, приблизительно до 3300-3100 calBP произошло заметное сокращение площадей леса на этой территории, смешанные березово-сосновые леса уступили место березовым, так называемым лесостепным «колкам», открытые ландшафты стали более остепненными. Подобные изменения были отмечены и в «подтаежном» профиле Гладиловский Рям. Вероятно, это свидетельствует о том, оба торфяника в это время были приурочены к лесостепным полуоткрытым ландшафтам, а южная граница лесной зоны располагалась севернее современной.

Позже на протяжении всего суббореального периода до 2580 calBP климатическая обстановка существенно не изменилась: по-прежнему преобладали березовые леса лесостепного облика, однако постепенно их доля в ландшафтах возрастала. Тем не менее, о серьезном увеличении увлажнения говорить рано, так как кривая маревых не опускается вниз, эпизодически встречается эфедра и в отложениях Гладиловского Ряма отмечены прослойки мезотрофного торфа высокой степени разложения, что указывает на периодические подсыхания верхнего слоя торфа.

Следующий важный этап в изменении соотношения леса и степи на этой территории датируется интервалом 2580-2100 calBP и совпадает с началом субатлантического времени. Причем наиболее отчетливо он выявляется в профиле северного торфяника Гладиловский Рям. Маркерами являются подъем кривой пыльцы сосны, появление липы, исчезновение стабильной кривой пыльцы маревых и сокращение доли полыней. Однако из всех этих признаков в профиле южного торфяника Станичный Рям проявилось только небольшое увеличение пыльцы сосны. Таким образом, мы предполагаем, что линия раздела лес/степь сместилась к югу и именно с этого времени исследуемые торфяники оказались в разных ландшафтных условиях – в подтайге и в лесостепи.

Следующий интервал 2100-1760 calBP, связанный с более сухими условиями также зафиксирован только в материалах северного торфяника по увеличению доли маревых, полыни и появлению эфедры на фоне понижения кривой сосны. В это же время здесь появляется пыльца карликовой березки, которая расселилась локально при переходе торфяника на олиготрофную стадию.

О дальнейшем тренде в сторону похолодания и увеличении роли таежного биома в этом районе свидетельствуют стабильно поднимающиеся кривые ели и кедра, отмеченные в обоих профилях. Тем не менее, положение южной границы леса в Западной Сибири в последние полторы тысячи лет заметно не изменилось. В верхних частях диаграмм мы отчетливо видим, что северный торфяник расположен в окружении смешанных сосново-березовых лесов с примесью темнохвойных пород, а южный в типично лесостепных условиях с небольшими березовыми лесами.

Обращает на себя внимание непропорциональный подъем кривых пыльцы полыни, маревых, крапивы, подорожника и астровых в самых верхних отложениях, накопившихся в последние 500 лет. В природных архивах торфяников запечатлены последствия антропогенного изменения растительности в позднем средневековье. На диаграммах торфяников не выявлено других уровней такой концентрации сорняков, хотя район осваивался людьми с мезолита.

Безусловно, около поселений люди сильно влияли на растительные сообщества, и это хорошо отражается на пыльцевых диаграммах из археологических памятников [Зах и др., 2008]. Доказательств древнего земледелия в этом районе до настоящего времени не найдено, поэтому вырубки леса под пашню здесь мало вероятны. Производящее хозяйство базировалось на скотоводстве. Сведение леса для строительства, хозяйственных нужд и отопления вряд ли могло быть значительным и видоизменить ландшафты. Однако можно предположить опосредованное влияние человека на активное возобновление лесов, особенно в лесостепи, за счет выпаса в колках и заготовки веточного корма на зиму.

Бронзовый век совпадает с этапом смещения границы леса к северу в середине-конце суббореального времени. По данным археологии, в это время придомное разведение крупного рогатого скота было основной хозяйственной моделью, поэтому количество домашних животных было сравнительно небольшим, они паслись рядом с поселением, как правило, в поймах. В связи с этим, мало вероятно, что на междуречьях антропогенное влияние на соотношения леса и степи было существенным. В начале субатлантического периода и раннем железном веке ситуация изменилась – хозяйство преобразовалось в полукочевое, увеличилось поголовье скота и изменился состав стада. Пастбищные угодия вероятно охватывали уже и междуречья, где были локализованы участки плакорных лесов. Мы предполагали, что интенсивный выпас мог сдерживать рост молодых побегов, и тормозить природный тренд этого времени – расширение лесов. Однако, этого не выявлено. Уже в палинологических данных из культурных слоев переходного времени между бронзовым и ранним железным веком ясно прослеживается увеличение роли лесного биома, в том числе и сосновых лесов. Хотя, действительно изобилие пыльцы пастбищных индикаторов, таких как подорожник, клевер, чертополох, бодяк, представители крестоцветных отмечается в культурных слоях именно с начала раннего железного века. Таким образом, имеющиеся данные показывают, что в Приишимье антропогенный прессинг вплоть до недавнего времени был незначительным, локальным, не мог влиять на естественную климатическую динамику и соотношение лесного и степного биома в южных районах Западной Сибири.

Список литературы

- 1) Rösch M. Forest, Wood, and Ancient Man // *Interdisciplinaria archaeologica Natural Sciences in Archaeology*, 2012, Volume III, Issue 2/2012, p. 247–255.
- 2) Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. – Новосибирск: Наука, 2008. с. 212.
- 3) Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Археопалинологические исследования в Приишимье // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 2009, Вып. 11. С. 174-186.

Тюмень, ИПОС СО РАН

В.О. Сайберт

МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛИЩ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Проблемы экологии человека являются одним из главных направлений археологических исследований. В их числе вопросы домостроительства в различные эпохи истории человечества. Поселения и жилища для древнего человека — это то пространство, в котором он был защищен от негативного воздействия окружающей природной и социальной среды. Облик поселений и построек определялся различными

факторами: трудовой деятельностью и типом хозяйства [Борзунов, Кирюшин, Матюшенко, 1993. С.4]. Традиции и особенности домостроительства древнего населения находятся в центре внимания исследователей с самого начала археологического изучения. В процессе накопления информации возникла необходимость в упорядочении данных о жилищах, создании классификаций, обобщении методик исследования [Еньшин, 2010. С.39].

Особый интерес представляют моделирование и реконструкция древних жилищ. Цель работы состоит в рассмотрении методик реконструкции жилищных комплексов в работах отечественных исследователей. Для выполнения поставленной цели первоочередной задачей стало описание и выделение основных методических особенностей процессов воссоздания.

В своих построениях исследователи используют разные методики. Д.Н. Еньшин и Д.А. Белоногов считают, что самым распространенным является метод условных реконструкций. Суть ее состоит в том, что она базируется на умозрительных выводах автора раскопок и редко выходит за рамки графической реконструкции общего вида сооружения. Упор делается на создания одного условного варианта сооружения с общим описанием конструкции или на воссоздание палеосоциальной структуры поселения в целом. [Еньшин, 2010. С.40–42]. Таким методом воспользовались В.И. Молодин и Н.В. Полосьмак при исследовании поселения кротовской культуры Венгерovo–2. Была сделана реконструкция двух жилых сооружений. Кровля была плоской и опиралась на прямоугольный каркас, который в свою очередь крепился на перпендикулярно стоящих опорных столбах. Пространство между ними перекрывалось берестой, ветками или шкурой. Под углом к каркасу устанавливались опорные столбики меньшего диаметра. По периметру, с внешней стороны сооружения, присыпалась земля, образующая завалинку. Помимо реконструкции, исследователями были проведены аналогии с памятниками кротовской культуры (Преображенка-3), также в этнологических материалах (селькупские постройки типа тьяй-мат) [Молодин, Полосьмак, 1978. С.43].

Как уже отмечалось, метод условных реконструкций является самым распространенным. Им также пользовались в своих работах такие исследователи как: Н.А. Алексашенко, В.Д. Викторова, С.Н. Панина [Алексашенко, Викторова, Панина, 1984. С. 15–32], Л.Я. Косинская [Косинская, 1984. С. 45–55], Д.Н. Еньшин и С.Н. Скочина [Еньшин, Скочина, 2014. С. 4–14], В.А. Борзунов и Ю.П. Чемякин [Борзунов, Чемякин, 2013. С. 45–58], Ю.Ф. Кирюшин и А.М. Малолетко [Кирюшин, Малолетко, 1979. С. 122–125], Л.Л. Косинская [Косинская, 1987. С. 243–250], В.В. Бобров [Бобров, 1993. С. 118–131] и другие.

Использование других методов встречается крайне редко. Чаще встречается описание жилых сооружений, представленное общими сведениями о конструктивных особенностях котлована и планиграфическом описании объектов. Метод условных реконструкций рассматривается как ступень на пути к построению натурной модели древнего жилища.

Второй метод – физическое моделирование. Такой метод наименее распространен в современной экспериментальной археологии. В его рамках может быть воссоздан в реальности как сам объект (жилище), так и отдельные его детали, технологии изготовления, функционирование и т.д. Главной частью метода физического моделирования является технологический эксперимент – воссоздание моделей древних объектов или процессов с возможностью применения современных методов и средств [Еньшин, 2010. С.42–43]. Первый опыт моделирования жилых сооружений Западной Сибири описан в монографии В.И. Молодина и И.Г. Глушкова «Самусьская культура Верхнего Приобья» [Молодин, Глушков, 1989]. В 1987 году участниками экспериментальной экспедиции была воспроизведена модель жилища в натуральную величину в полевых условиях. Известно, что при моделировании, наряду с современными

орудиями труда (современные топоры), использовались модели древних орудий: деревянные мотыги и лопаты. Для возведения конструкции было задействовано пять человек. В итоге возведенное сооружение представляло собой полуподземное жилище с каркасно-столбовой конструкцией [Васильев, 2000. С. 15].

На территории Алтая исследовано существенное количество поселений с описаниями жилищных сооружений. На основе этих данных возможны многочисленные графические реконструкции, а также работы по воссозданию моделей древних объектов, как в реальную величину, так и в масштабе. Примером графической работ может служить реконструкция жилищ городища Сошниково – I [Казаков, 2014. С. 24–26].

Городище Сошниково I (2 пол. IV – 1 пол. V вв. н.э.) пострадало во время пожара, что позволило углям сохраниться до нашего времени. Также сохранились элементы конструкций. А.А. Казаковым была проведена реконструкция пяти построек, каждая из которых исследовалась в двух уровнях: верхний уровень позволил проследить конструкцию перекрытия, нижний – наличие других конструктивных особенностей.

Глубину, форму дна и стенок определили по разрезам. Диаметр бревен, из которых делались стенки, восстанавливается по мощности углистых прослоек. Форма и конструкция перекрытий определены по верхнему слою, на котором четко видны стропилины и как они лежали. Высоту опорных столбов прослежено по разрезам жилища, в котором сохранились остатки столба. Таким образом все пять построек были реконструированы аналогичными способами и благодаря этому удалось полностью восстановить облик древнего городища [Казаков, 2014. С. 91–92].

Безусловно при работе связанной с графической или другого вида реконструкцией возникает ряд проблем и сложностей, так как жилища предстают в разных состояниях сохранности. Значительную роль оказывает субъективное мнение исследователям [Молодин, Глушков, 1989. С. 13]. Выбор того или иного метода зависит от цели поставленной исследователем. Обладая довольно широким набором методов для воссоздания древних сооружений, далеко не все они используются в полной мере. Именно это обуславливает актуальность проблемы реконструкции жилищных комплексов.

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор № 14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Список литературы

- 1) Алексашенко Н.А., Викторова В.Д., Панина С.Н. Жилища Андреевского озера (IX участок) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. 159с.
- 2) Бобров В.В. Жилища луговой культуры в ачинско – марийской лесостепи // культура народов евразийский в древности. Барнаул. 1993. С. 118–131/
- 3) Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 4-45.
- 4) Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Крымские поселения Таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. №2(21), 2013. С. 45–58
- 5) Васильев В.Г. Экспериментальное моделирование археологических жилищ (по материалам памятников неолита-бронзы таежной зоны Среднего Приобья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 23с.
- 6) Еньшин Д.Н. К проблеме методики изучения жилищ эпохи неолита на территории Западной Сибири (не примере реконструкции жилища 5 поселения Мергень 6) / Д.Н. Еньшин, Д.А. Белоногов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. 2010. №1 (12). С. 39-48

7) Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. Адаптационные ресурсы неолитического населения озера Мергенъ (домостроительный аспект) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. №2(25), 2014. С. 4–14

8) Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979. С. 122–125.

9) Косинская Л.Л. Жилища эпохи ранней бронзы в бассейне Вычегды // Советская археология. №1, 1987. С. 243–250.

10) Косинская Л.Я. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. – 159с.

11) Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989. 168с.

12) Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Венгерово-2 – поселение кротовской культуры // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 40–50.

Барнаул, АлтГУ

П.О. Сенотрусова

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ С ЕНИСЕЙСКИМИ КЫРГЫЗАМИ

Изучение на нижней Ангаре средневековых погребений, содержащих кремнированные костные останки, имеет длительную историю. Первые подобные комплексы были открыты А.П. Окладниковым в 1937 г., к настоящему времени известно около 130 захоронений, совершенных по обряду трупосожжения на стороне. Большинство из них относится к периоду развитого средневековья (могильники Проспихинская Шивера-IV, Кода-2, Чадобец, Сергушкин-3, Усть-Тасеева и др.), в меньшей степени представлены более ранние материалы (могильники Усть-Кова, Усть-Ката-2, Усть-Зелинда-2).

В решении вопросов определения культурной и этнической принадлежности подобных памятников до сих пор решающая роль отводилась «тюркоязычным народам» или более конкретно «енисейским кыргызам». К «кыргызским» комплексам исследователями были отнесены погребение на р. Чадобец [Леонтьев, 1985. С. 135], долоновское захоронение [Волокитин, Инешин, 1991, С. 146], об ассимиляции ангарского населения со стороны кыргызов писал В.И. Привалихин, опираясь на анализ погребального обряда и набора инвентаря [Привалихин, 1993. С. 103]. Тезис о прямом проникновении на территорию Северного Приангарья представителей тюркоязычных народов, получил развитие в кандидатской диссертации В.П. Леонтьева [Леонтьев, 1999. С. 21], встречается он и в более поздних публикациях [Леонтьев, Дроздов, Макулов, 2005, С. 130]. Вышеперечисленные исследователи отмечали определяющее значение влияния енисейских кыргызов на формирование культуры средневекового населения региона. Основной упор делался на появлении в низовьях Ангары погребений, выполненных по обряду кремации на стороне. В последние годы появились исследования, в которых высказывается идея о местном сложении традиции кремации умерших у средневекового населения Приангарья [Харинский, 2003. С. 226; Мандрыка, 2006. С. 157].

Материалы, полученные при раскопках наиболее крупного средневекового могильника Проспихинская Шивера-IV и других памятников, позволяют вновь обратиться к проблеме культурных связей ангарского населения и енисейских кыргызов. Среди погребального инвентаря некрополя выделяется несколько категорий изделий, происхождение которых может быть связано с Кыргызским каганатом.

К предметам южного импорта следует отнести слабоизогнутую саблю с железным напускным ладьевидным перекрестием-гардой из погребения № 80 этого некрополя. Клинок сабли трехгранный в сечении, со слегка отогнутым двулезвийным острием. Пластинчатый черенок, цельнокованный с клинком, расположен с ним на од-

ной оси. В средней части черенка находится крупная железная заклепка, служившая для крепления обкладки рукояти. Общая длина сабли 88,5 см, клинка – 81 см, его ширина 2,7 см, толщина лезвия около 0,5 см. В этом же погребении были отмечены сроткинская ажурная подвеска, спиралевидные серьги, детали поясной гарнитуры, четырехлепестковые нашивки, двусоставная застежка, сосуды, пронизки, тесла. Близкие по форме сабли с крестовидным перекрестием, были найдены при раскопках в Туве, на кыргызских могильниках Тора-Тал-Арты IX–X вв. [Нечаева, 1966. Рис. 2], Эйлиг-Хем-III (X–XI вв.) [Грач и др., 1998. Табл. XI]. Аналогичные сабли зафиксированы в погребениях енисейских кыргызов монгольского времени [Худяков, 1997. С. 17].

Наиболее представительны среди предметов кыргызского импорта детали поясной гарнитуры, в погребениях отмечены как целые поясные наборы, так и отдельные разрозненные предметы.

В погребении №4 могильника Проспихинская Шивера-IV найден поясной набор в состав, которого входили железные плоские прямоугольные накладки разного размера, прямоугольная рамчатая пряжка и три ременных наконечника с W-образным основанием и волнистой кромкой. Детали поясного набора с бобовидными железными накладками (18 экз.) и шарнирным ременным наконечником вытянутой прямоугольной формы были зафиксированы в погребении № 48 этого же некрополя. В могиле № 49 было найдено шесть стержневидных поясных накладок, с расплюснутыми концами от одного пояса. Все эти изделия характерны для малиновского этапа (X–XII вв.) аскизской культуры [Кызласов, 1983. С. 36, 38, Табл. XXVI–1; Грач и др., 1984. Табл. XXII]. Еще в четырех захоронениях некрополя отмечены ременные наконечники узкой пятиугольной формы, также характерные для круга аскизских древностей XI–XII вв. [Кызласов, 1983. С. 36]. Один из них бронзовый, с носиком и фигурноскобчатым основанием, остальные – железные. Среди последних выделяется шарнирный наконечник, украшенный чеканным орнаментом из сопряженных прямоугольников и двумя лунками в каждом из них. Данный декор является наиболее ярким маркером вещей кыргызского происхождения. Необходимо подчеркнуть, что во всех этих погребальных комплексах, вместе с типично степными изделиями отмечены вещи (оружие, орудия труда, железные украшения), характеризующие культуру южнотаежного населения.

Некоторое количество вещей кыргызского импорта происходит и из других памятников Приангарья. В материалах долоновского погребения были отмечены трехлопастные наконечники стрел шестиугольной формы с круглыми отверстиями, разнотипные стремени и две поясные железные накладки геральдической формы с чешуйчатым треугольным орнаментом [Волокитин, Инешин, 1991. С. 145]. Если подобные стрелы и стремени были широко распространены и носили межкультурный характер, то накладки явно относятся к изделиям аскизской культуры [Кызласов, 1983. С. 35]. Вероятно, с кругом кыргызских древностей связаны случайные находки восьмеркообразных стремян и трехлопастных наконечников стрел из Приангарья [Привалихин, Фокин, 2009. Рис. 4 – 2; 5 – 20, 21.].

Необходимо подчеркнуть, что ни одного предмета тюхтятского облика на Ангаре до сих пор не найдено. Неизвестно ни одного средневекового погребения, в инвентаре которого были бы зафиксированы исключительно кыргызские вещи. Во всех случаях они встречены вместе с типично таежными предметами или же находками, происхождение которых связано с другими территориями. В погребениях южнотаежной зоны Среднего Енисея, близких по погребальному обряду и инвентарю к ангарским комплексам, вещи аскизского облика отсутствуют вовсе.

Большинство находок кыргызских вещей из могильника Проспихинская Шивера-IV может быть отнесено к малиновскому этапу аскизской культуры (XI–XII вв.), при этом нельзя исключать, что в Приангарье они могли проникнуть и несколько позднее. Такая датировка находок кыргызского облика подтверждает идею Д.Г. Са-

винова о времени сложения в Красноярско-Канской лесостепи локального варианта культуры енисейских кыргызов. По мнению исследователя, это связано с проникновением в этот район кыргызского населения с территории Тувы [Савинов, 1989. С. 146]. Опираясь на свидетельства письменных источников, в частности, на упоминание у Рашид-ад-Дина о расположении самого северного кыргызского города Кикаса Д.Г. Савинов, считает, что граница расселения кыргызов распространялась до ангарской стрелки и проходила по левому берегу Ангары [Там же, С. 147]. Сложение северного локального варианта культуры енисейских кыргызов в Красноярско-Канской лесостепи привело к распространению изделий аскизского облика и в южнотаежных районах Ангаро-енисейского бассейна. Опираясь на имеющиеся источники, нельзя говорить о непосредственном проникновении кыргызов в Нижнее Приангарье или тем более об их долговременном проживании на этой территории. Вероятно, появление изделий аскизского облика на Ангаре отражает еще одно направление культурных связей аборигенного населения. Сложение самобытной и яркой культуры населения развитого средневековья Нижней Ангары и Среднего Енисея происходило преимущественно на местной основе, хоть и с участием инокультурных компонентов.

Список литературы

- 1) Волокитин А.В., Инешин Е.М. Новые данные по железнному веку Среднего Приангарья // Палеозтологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск: ИГУ, 1991. С. 144–147.
- 2) Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: Фундамент-Пресс, 1998. 84 с.
- 3) Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с.
- 4) Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья. Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск. 1999. 25 с.
- 5) Леонтьев В.П. К вопросу о проникновении тюркоязычных компонентов в Северное Приангарье // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск: Тип. «Сов. воин», 1985. С. 135–137.
- 6) Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., Макулов В.И. К истории северного Приангарья в эпоху средневековья // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск: РИО КГПУ, 2005. С. 129–131.
- 7) Мандрыка П.В. Позднесредневековое погребение по обряду трупосожжения на стороне в енисейской тайге // Енисейская провинция. Красноярск: Красноярский пед. университет, 2006. Вып. 2. С. 150–158.
- 8) Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды ТКАЭЭ. Т. II. М.–Л.: Наука, 1966. С. 108–142.
- 9) Привалихин В.И., Фокин С.М. Железные ножи с кольцевидным навершием Северного Приангарья, Среднего Енисея и Эвенкии // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 4. Красноярск: ККМ, 2009. С. 311–326.
- 10) Савинов Д.Г. Красноярско-канский вариант культуры енисейских кыргызов // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск: Изд. Кр-го ун-та, 1989. С. 144–147.
- 11) Харинский А.В. Захоронения по обряду кремации конца I тыс. н.э. из Южного Приангарья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1. Барнаул, 2003. С. 220–226.
- 12) Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1997. 160 с.

Красноярск, Сибирский федеральный университет

Ю.Б. Сериков*, J. Chlachula**

К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЗАСЕЛЕНИИ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ

(по материалам памятников каменного века
нижнего течения р. Сосьвы)

Река Сосьва протекает в северной части Свердловской обл. Ее длина составляет 635 км. В нижнем течении реки в 35 км от ее слияния с Лозьвой (их слияние дает начало р. Тавде) расположен районный центр Гари. С 1973 г. в Гаринский р-н было совершено 45 выездов, обследовано 190 км берегов Сосьвы и Тавды, обнаружено 12 новых стоянок и 26 местонахождений разных эпох от палеолита до средневековья. В 1974 г. участие в исследованиях принимали О.Н. Бадер, а в 2004 г. – И. Хлахула.

Единственная на этой территории палеолитическая стоянка выявлена на правом берегу Сосьвы в черте пос. Гари. Она является самым северным в Зауралье палеолитическим памятником. На стоянке найдено 669 каменных изделий и 153 кости со следами обработки. Материальная культура памятника характеризуется пластинчатой техникой. Процент пластинчатости доходит до 78. Преобладают пластины шириной 0,9–1,7 см – 73 %. Орудий на отщепях в коллекции 15 % от всего орудийного комплекса. На памятнике представлен полный цикл обработки камня. Для расщепления использовались гальки диаметром от 2 до 6 см. Галечное сырье имеет местное происхождение, о чем свидетельствуют 60 % изделий с галечной коркой. Единственный в данном районе галечник с изотропными породами обнаружен в 7 км от Гарей вниз по течению реки в дер. Рычкова. Любопытной деталью комплекса является тот факт, что 54 % всех изделий изготовлено из разного вида яшм (зеленой, темно- и светло-серой, сургучной, красно-зеленой).

Небольшая протяженность памятника, защищенность с напольной стороны глубокими логами, значительная и разнообразная коллекция каменных и костяных изделий, наличие произведений искусства и окрашенных охрой костей – все это позволяет предполагать его поселенческий характер. Авторы классифицируют памятник как жилую стоянку.

Данное предположение подтверждают косвенные данные, позволяющие говорить о существовании на памятнике жилых сооружений из костей мамонта. Это, прежде всего, два скопления костей и каменных изделий диаметром около 20 м, находящиеся друг от друга на расстоянии 150 м. В разные годы в районе южного скопления были найдены остатки 11 черепов мамонта, в том числе два целых, молодого и взрослого. Раскопки мерзлотного клина в этом же месте выявили стоящие рядом на ребре (впритык друг к другу) три левых лопатки и таза мамонта, а также двух бивней, нижней челюсти, крестца, нескольких длинных костей и позвонков мамонта и множества ребер. Можно допустить, что в морозобойную трещину сползла часть обкладки цоколя жилища. В границах северного скопления обнаружены остатки трех черепов мамонтов [Сериков, 2003. С. 56–58].

Нельзя не обратить внимание на три берцовые кости мамонта и носорога, на дистальном конце которых пробиты глухие отверстия диаметром 5,3 и 4 см. Еще на одной берцовой кости мамонта с торца проделано каналовидное отверстие диаметром 4,6 см и глубиной 13 см. На Урале подобные изделия не известны, но они хорошо представлены на верхнепалеолитическом поселении Межиричи на Украине, где входили в состав конструкций жилищ из костей мамонта [Пидопличко, 1976. С. 107–119].

Памятник имеет уже шесть радиоуглеродных дат. Три по кости мамонта – 15150±280 лет (СОАН-4462), 16320±250 лет (СОАН-4461) и 16700±240 лет (СОАН-

4843) и одну по кости носорога – 20480±410 лет (СОАН-5594). Даты по черепу мамонта из мерзлотного клина показали 18490±120 лет (СОАН-7303) и 18100±100 лет (СОАН-7304).

Материалы памятника достаточно хорошо опубликованы и известны как в нашей стране [Сериков, 2007], так и за рубежом [Chlachula, Serikov, 2011, p. 146–160].

В результате 40-летних исследований низовьев Сосьвы и верховьев Тавды было обнаружено 24 местонахождения костей плейстоценовых животных и 8 палеолитических местонахождений. Шесть из них находятся на расстоянии от 1 до 12 км от Гаринской стоянки (Гари II, Белый Яр, Нефтебаза, Рычкова, Рычковское урочище, Евалга). На каждом местонахождении найдено от 1 до 9 каменных изделий и по несколько костей со следами использования [Сериков, 2013]. 12 местонахождений фауны (в том числе все палеолитические комплексы) имеют 26 радиоуглеродных дат, которые в целом соответствуют датам Гаринской стоянки [Сериков, 2007. С. 65–66].

Имеющиеся материалы позволяют сделать несколько предположений. Преобладание на Гаринской стоянке изделий из яшмы можно рассматривать как традицию, сложившуюся в зоне широкого распространения яшмы, т.е. на Южном Урале. Следовательно, обитатели Гаринской стоянки пришли на Сосьву с Южного Урала. Это проникновение носило единичный характер, поскольку за 40 лет поисков новых палеолитических стоянок не выявлено. Отсюда вытекает, что палеолитические местонахождения в окрестностях Гаринской стоянки связаны именно с нею и характеризуют определенную хозяйственную деятельность обитателей стоянки на близлежащих «кладбищах» мамонтов.

Следующий этап заселения низовьев Сосьвы относится уже к мезолиту. Долгое время не удавалось обнаружить мезолитические памятники. Первая мезолитическая стоянка на Сосьве (ОЛП) открыта на южной окраине Гарей в 2003 г. Она выглядела в виде скопления кремня диаметром около 3 м. Среди 34 изделий торцовый одноплощадочный нуклеус, нуклевидный кусок, 6 технических сколов, 17 микропластинок и 8 отщепов. Ширину до 0,8 см имеют 72,2 %, до 1 см – 94,4 % пластинок. Исходным сырьем являлись уже не гальки, а окремненные плитки.

Еще три мезолитических местонахождения обнаружены в 2004 г. на северной окраине пос. Гари у нефтебазы. Наибольший интерес представляет местонахождение Нефтебаза III. На площади размером 6 × 10 м собрано 157 каменных изделий. Среди них нуклеусы, поперечные и ребристые сколы, ребристые пластинки, резцы, остриё, скребок, пластинки с ретушью и без нее, отщепы и осколки.

Все три нуклеуса одноплощадочные, высотой до 3 см, изготовлены из плиток. Пластинок в коллекции 83 экз. Ширину до 0,8 см имеют 86,2 % пластинок, до 1 см – 96,6 %. Преобладают пластинки шириной 0,5–0,8 см – 72,4 %. Также на пластинах изготовлены четыре угловых резца и остриё. Единственный скребок выполнен на отщепе.

Суммарная сырьевая характеристика комплекса Нефтебазы III выглядит следующим образом. Из яшмы изготовлено 44,4 % изделий. Причем преобладают изделия из зеленой яшмы – 37,8 %. Кроме зеленой использовалась яшма сургучная и серо-зеленая. На втором месте по численности идут изделия из кремня – 28,9 %. Две трети составляют изделия из кремня черного. Из кремнистых сланцев (черного, темно-серого, зеленоватого) изготовлено 17,8 % изделий. 10 % изделий выполнено из лигита. Светло-серая кремнистая порода и черная окварцованная представлены единичными изделиями – по 0,75%.

Первичная корка присутствует на 37,8 % изделий. Причем галечная корка выявлена только на 3 % изделий, на остальных изделиях присутствует корка плиточная – 34,8 % [Сериков, 2011. С. 12–16].

От Гаринского палеолита комплексы Нефтебазы и ОЛПа отличаются небольшими размерами нуклеусов (до 3 см) и их полной сработанностью. На нуклеусах отсут-

ствуется характерная для Гаринской стоянки шлифовка карнизика ударной площадки.

В Гарях преобладают пластинки шириной 0,9–1,7 см – 73%, в комплексах Нефтебазы – 0,5–0,8 см – 66%. Ширину до 1 см на Гаринской стоянке имеет 27,4 %, на Нефтебазе – 94 %.

Состав пластин и их частей на памятниках заметно различается. Наибольшие отличия по пластинам с отсеченной нижней частью (Гари – 10,3 %, Нефтебаза – 25,9 %) и по отсеченным нижним частям (Гари – 20,3 %, Нефтебаза – 3,5 %). Только по сечениям абсолютное равенство: Гари – 17,8 %, Нефтебаза – 17,6 %.

Процент пластинчатости комплексов на обоих памятниках практически одинаков: на Гарях – 77,9 %, на Нефтебазе – 73,9 %.

Минеральное сырье по составу практически одно и то же, различия наблюдаются лишь в деталях. На обоих памятниках преобладают изделия из яшмы: в Гарях – 54,1 %, на Нефтебазе – 44,4 %. Зеленой яшмы в Гарях 23,5 %, на Нефтебазе – 37,8 %. Но на Нефтебазе полностью отсутствуют изделия из яшмы темно-серой. Изделий из черного кремня в Гарях 14,7 %, на Нефтебазе – 19,3 %. На Нефтебазе нет изделий из халцедона, роговика, молочного кварца, зато имеются из лигита. По всей видимости, в эпоху мезолита изменились источники сырья. В Гарях использовали местные галечники (с галечной коркой 56,5%), на Нефтебазе перешли к утилизации плиточного сырья (с плиточной коркой 34,8%).

Открытие однослойных мезолитических памятников на Сосьве в будущем поможет понять истоки местного мезолита, а также отчленить мезолитические комплексы на памятниках смешанного типа.

Малочисленность мезолитических памятников на берегах Сосьвы свидетельствует, что и в эпоху мезолита освоенность данного района была незначительной и проникновение человека в низовья Сосьвы, по-видимому, носило эпизодический характер.

Список литературы

- 1) Пидопличко И.Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев: «Наукова думка», 1976. 240 с.
- 2) Сериков Ю.Б. О следах жилищ из костей мамонта на Гаринской палеолитической стоянке // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы международной научной конференции. Пермь: «Форвард-С», 2003. С. 56–58.
- 3) Сериков Ю. Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил: НТГСПА, 2007. 138 с.
- 4) Сериков Ю.Б. Первые мезолитические памятники на реке Сосьва (Среднее Зауралье) // Вестник Пермского университета. Серия История. 2011. Вып. 1 (15). С. 12–16.
- 5) Сериков Ю.Б. Новые находки палеолита на р. Сосьве // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 29–31.
- 6) Chlachula J., Serikov Y.B. Last glacial ecology and geoarchaeology of the Central Trans-Ural area: the Sosva River Upper Paleolithic Complex, western Siberia // 2011 (January): *Boreas*, Vol. 40, pp. 146–160.

**Нижний Тагил, Социально-педагогическая академия*

***Zlin, Laboratory for Palaeoecology, Tomas Bata University in Zlin, CZ & Poznan, Institute of Geoecology and Geoinformation, Adam Mickiewicz University, PL*

К ПРОБЛЕМЕ АРХЕОЛОГИЗАЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Работа выполнена при финансовой поддержке администрации Тазовского района ЯНАО и на средства гранта РГНФ № 13-01-00097 «Этнодемографическое, биоантропологическое и археологическое комплексное изучение тазовских ненцев и селькупов».

Соотнесение исторических объектов с археологическими или этнографическими комплексами является одной из наиболее актуальных проблем современной науки, связанной с изучением народов, ведущих традиционный образ жизни. Её решение зависит, с одной стороны, от сохранности обнаруженного памятника, с другой, от методов, используемых исследователем при изучении археолого-этнографического объекта. В конце XX – начале XXI вв. в контексте данной проблематики была принята попытка создать новую науку «этноархеологию», позволяющую «развести» археологические и этнографические памятники, исходя из особенностей отражения в них социокультурных явлений [Томилов, 1999, с.5-9; Кениг, 2010, с.4-6].

В соответствии с законодательными нормами разграничение между памятниками археологии и этнографии основано на возрастном цензе, соответственно объекты старше 100 лет автоматически относятся к археологическим объектам, моложе – к этнографическим [Федеральный..., ст.3]. С научной точки зрения данная временная градация весьма условна, а потому соотнесение объекта исследования с конкретной исторической наукой определяется не столько его положением относительно современности, сколько теми конкретными методами исследования, которые применяются при изучении памятника независимо от того сколько времени прошло после прекращения функционирования объекта и на каком этапе археологизация он находится.

Наиболее актуальна эта проблема для обширных пространств Северо-Западной Сибири, изученных в археолого-этнографическом отношении крайне неравномерно. Одной из наименее исследованных является территория Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. И если о памятниках бронзового и раннежелезного века имеются, пусть и отрывочные сведения [Лашук, Хлобыстин, 1985, с.43-50; Могильников, 1987, с.207; Багашев, Волков, 2002, с.214-217], то о средневековых комплексах фактически ничего не известно.

В дискурсе заявленной проблематики интересные данные получены Тазовской археолого-этнографической экспедицией ИПОС СО РАН, проводившейся в 2013-2014 гг. на территории Тазовского района и исследовавшей археолого-этнографические объекты в пределах Тазовского и Мамеевского микрорайонов, где обследованы как ранее известные, так и вновь выявленные археологические и этнографические памятники, часть из которых перспективна для воссоздания культурно-исторической ситуации в регионе [Ткачев, Квашнин, 2014, с.295-303]. В рамках данной статьи будет рассмотрено одно из захоронений, выявленное в 2014 г. в процессе изучения могильника Тазовский Ш.

Памятник расположен в пределах Тазовского археологического микрорайона на правом берегу безымянного ручья, являющегося левобережным притоком р.Таз, долина которого выступает своеобразной северной границей современной территории поселка Тазовский (рис.1, 1). Могильник занимает северо-западную оконечность останца вдоль правого берега ручья, ограниченного с запада руслом, с севера, востока и юга – заболоченной низиной, плавно переходящей в высокую коренную террасу р. Таз. Погребальная площадка находится у юго-западного подножия невысокого холма, занимая пологий склон вдоль края террасы. Высота холма относительно уреза

воды в ручье составляет более 9 м, относительно заболоченной низины – около 3 м. Реконструируются следующие размеры погребальной площадки: длина по линии северо-восток – юго-запад составляет 70-80 м, по линии северо-запад – юго-восток – 40-50 м, площадь 3000-4000 м² (рис.1, 2).

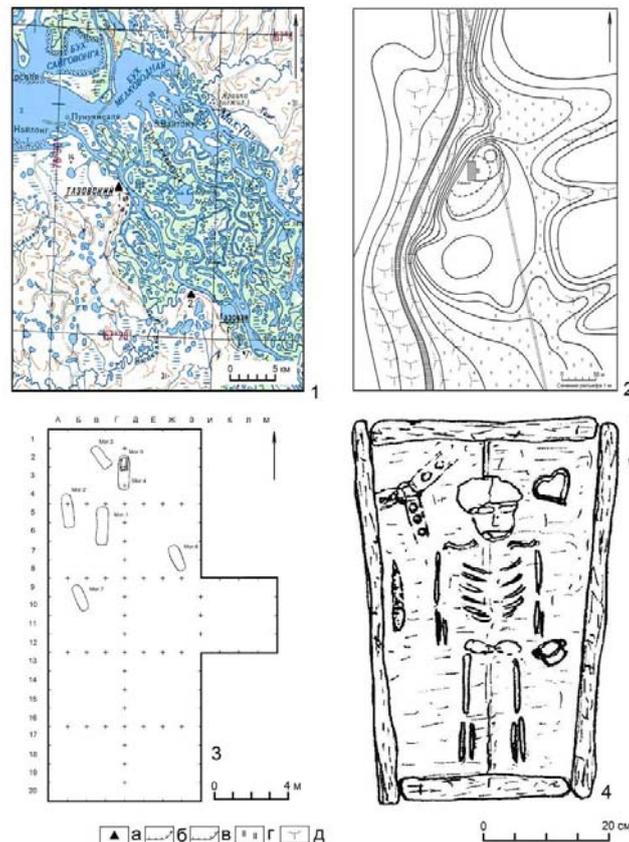

Рис. 1. Могильник Тазовский III. 1 – карта-схема местоположения памятников (1-Тазовский микрорайон; 2-Мамеевский микрорайон); 2 – план местности; 3 – план раскопа; 4 – план могилы 5; а – местоположение микрорайонов; б – границы погребальной площадки; в – территория антропогенного разрушения; г – заболоченная низина; д – кустарник.

В северной части погребальной площадки, сильно разрушенной при строительстве газопровода, возводившегося в 80-е годы XX века, был заложен раскоп площадью 176 м². Основная часть верхних отложений уничтожена в процессе антропогенного воздействия. Бугристая дневная поверхность местами перекрыта дерном, образованным корневой системой брусничника. Слабо гумусированные дерновые отложения мощностью 8-10 см перекрывают серо-желтый слоистый песок толщиной 0,3-0,35 м. Основная часть исследованного участка перекрыта переотложенным серым песком мощностью 10-25 см. Материковая поверхность, сложенная песками различных оттенков – от ярко желтого до темно-коричневого цвета, нарушена морозобойными трещинами. В отложениях северной, наименее разрушенной части раскопа, в слое серо-желтого слоистого песка и в материковом грунте выявлено 7 могильных ям (рис.1, 3). Одну из могил, выделяющуюся по основным параметрам, можно рассматривать в качестве археолого-этнографического объекта.

Рис. 2. Могильник Тазовский III. Могила 5. Вещевой инвентарь. 1 – медное кольцо; 2-8 – медные пуговицы на железной основе; 9 – остатки кожаного ремня; 10 – пластмассовая форма; 11 – алюминиевая кастрюлька; 12 – железный нож с деревянной рукоятью.

Могила 5 прорезала северную часть могилы 4 и, судя по стратиграфическому разрезу, яма, вытянутая в меридиональном направлении, имела прямоугольную форму размером 0,75×0,4 м. Максимальная сохранившаяся глубина ямы от уровня современной дневной поверхности составляла 0,7 м. На фоне дна могилы 4 прослеживался древесный глени от деревянной крышки, слегка запавшей вовнутрь треснувших и сдвинувшихся в сторону боковых стенок гроба. Реконструируется деревянный ящик трапециевидной формы, изготовленный из досок толщиной 2-2,5 см. Ширина его северной стенки составляет 0,35 м, южной – 0,28 м, длина по линии север – юг равна 0,65 м, высота внутреннего пространства 0,2-0,25 м. Дно, стенки и крышка ящика скреплены между собой железными гвоздями длиной 70-90 см. На дне деревянного ящика расчищены останки скелета новорожденного младенца в возрасте не более двух месяцев (определение А.Н. Багашева), уложенного в вытянутом положении головой на юг (рис. 1, 4). С левой стороны скелета, в районе пояса, располагалась лежащая на боку детская алюминиевая кастрюлька (рис. 2, 11), с левой стороны черепа находилась пластмассовая формочка для изготовления песочных «куличиков» (рис. 2, 10). С правой стороны, между стенкой ящика и костями рук, лежал железный нож с деревянной ручкой, острием направленный на юг (рис. 2, 12). С правой стороны черепа в юго-восточном углу ящика находилось бронзовое кольцо с прикрепленными к нему тремя сильно разложившимися кожаными ремешками (рис. 2, 1,9), разделяющими пространство на три равновеликих сектора: один, направленный на север, украшен тремя металлическими пуговицами; остальные, направленные на юго-запад и восток, украшены двумя аналогичными изделиями (рис. 2, 2-8).

Охарактеризуем более подробно сопроводительный инвентарь:

- *кастрюлька* представляла собой изделие из детского посудного набора, изготовлена штамповкой из алюминиевого листа толщиной 0,5 мм, округлой формы диаметром 60 мм, высота 45 мм, дно плоское. Верхний край слегка развальцован и отогнут наружу. На стенках под срезом венчика напротив друг друга приклепаны ручки из удлинённо-овальных пластин длиной около 40 мм и шириной 7 мм; ширина прямоугольного изгиба ручек 10 мм, длина 15 мм. Внутренняя поверхность изделия сильно окислена (рис.2, 11);

- *формочка* представляла собой изделие из детского песочного набора, изготовленное из светло-оранжевой пластмассы. Имеет сердцевидную форму и трапециевидное сечение. Минимальные размеры уплощенной поверхности 50×45 мм, максимальные на входной части – 65 х 60 мм. Боковые грани представляют собой четырехступенчатую ребристую поверхность. На внешней уплощенной стороне выдавлены наружу изображения птички и бабочки. Формочка предназначалась для изготовления песочных «куличиков» (рис.2, 10);

- *нож* изготовлен из тонкой железной пластины, характеризуется уплощенной спинкой клинка, переходящей в ровный черешок. Лезвие клинка плавно переходит в приостренное острие. Со стороны клинка при переходе к черешку прослеживается прямоугольный уступчик шириной 6 мм. Общая длина ножа 12 см, длина овально-удлинённого черешка 3,5 см; длина клинка 8,5 см, ширина 1,6 см, толщина около 2 мм. На насаде с двух сторон сохранились следы рукояти из двух деревянных плашек, крепившимися к черешку двумя округлыми слегка раскованными железными шпеньками диаметром 0,3 см и длиной 1,6 см. Ширина рукояти 1,7 см, толщина 1,5 см, реконструируемая длина 7-8 см. В качестве предохранителя руки от порезов при работе служила удлинённо-овальная железная пластинка, размером 1,5×0,7×0,1 см, забитая у уступчика клинка под деревянную обкладку рукояти под углом 45°. (рис.2, 12);

- *кольцо*, диаметром 2,5 см, изготовлено из медной проволоки овального сечения, размером 3×4 мм; концы плотно состыкованы и спаяны (рис.2, 1);

- *пуговицы*, железная пластинчатая основа обтянута методом штамповки медной округлой пластиной с узким выпуклым бордюром по краю шириной 0,3 мм; в центре изделия диаметром 1,5 см и толщиной около 0,4 см отштампована советская символика – звезда с серпом и молотом. Железная основа пуговиц сильно корродирована, но, судя по сохранившимся участкам, к ним припаивались петельки, высотой до 4 мм (рис.2, 2-8). Пуговицы украшали кожаные ремешки шириной около 2 см, длина сохранившихся частей 3-5 см;

- *гвозди*, в процессе изготовления деревянного гроба использовались изделия трех разновидностей: длиной 70 мм (7 экз.), 80 мм (4 экз.) и 100 мм (8 экз.). Судя по хорошо сохранившимся отдельным частям, гвозди произведены заводским способом методом штамповки из проволоки толщиной 0,3 см. В верхней части имеются плоские рельефные шляпки диаметром 6 мм. Гвозди длиной 70 и 80 мм использовались, в основном, для закрепления дна и крышки, боковые стенки крепились между собой гвоздями длиной 100 мм (рис.3, 1-9).

Полевые наблюдения показали, что примыкающая к холму пологая площадка вдоль правого берега ручья, использовалась людьми для размещения погребальных объектов не только на протяжении позднего средневековья, но и в современный исторический период. Особенности погребального обряда, сохранность и своеобразие вещного инвентаря позволяют выделить два хронологических горизонта в процессе функционирования кладбища. На начальной стадии тела погребённых помещали в неглубокие грунтовые ямы, располагая их параллельно руслу, с головами, ориентированными вниз по течению к устью ручья, находившемуся севернее на расстоянии не более одного километра от погребальной площадки (мог.1-4,6-7), что характерно

для раннененецкой погребальной обрядности, соотносимой по обнаруженным вещам с XVII – началом XIX века.

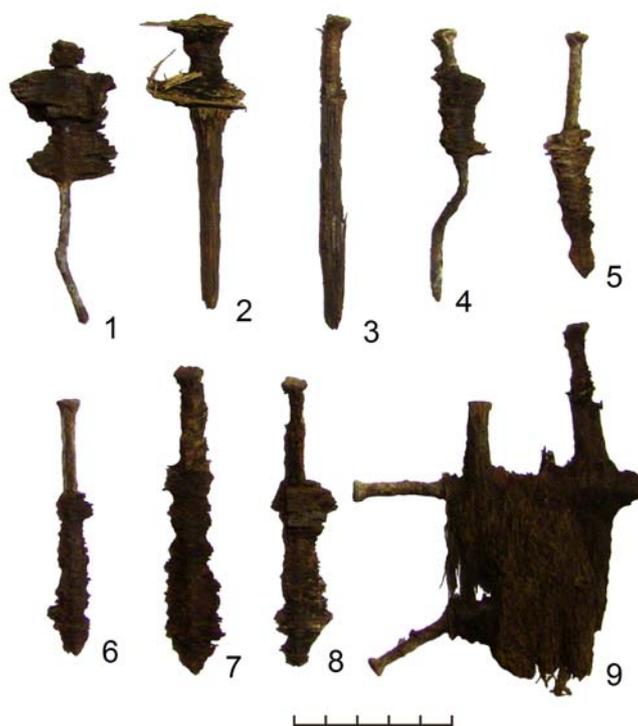

Рис. 3. Могильник Тазовский III. Могила 5. Железные гвозди.

Второй этап освоения погребальной площадки связан с исторической современностью в пределах середины – начала второй половины XX века. Захоронение младенца в могиле 5 можно рассматривать как сложный археолого-этнографический объект, не фиксируемый на современной дневной поверхности из-за её разрушения. Погребальный обряд также отличался от общепризнанного ненецкого канона. Можно предположить, что в условиях господства атеистических представлений, ребенка тайно похоронили не в традиционном наземном хольмере, а в деревянном гробу, характерном для русской погребальной обрядности, поместив его в достаточно глубокую грунтовую яму. В ориентировке умершего также наблюдается отход от общепризнанных канонов, он размещен головой против течения к истокам. Умершего ребенка сопровождал набор типично детских игрушечных вещей, хотя по возрасту он не мог ни играть в песок, изготавливая куличики, ни имитировать приготовление пищи в игровых ситуациях. В то же время нож являлся типичным сопровождающим инвентарем мужчины – охотника и рыбака. Назначение медного кольца с прикрепленными к нему ремешками, украшенными пуговицами, не поддается определению.

Таким образом, захоронение ребенка, несмотря на яркие этнографические культурно-временные характеристики, можно рассматривать в качестве археологического объекта, так как, с одной стороны, отсутствовали внешние признаки, характерные для этнографических памятников, с другой, изучение данного захоронения археологическими методами позволяет интерпретировать его как археологический объект.

Список литературы

- 1) Багашев А.Н., Волков Е.Н. Новые материалы к археологической карте Гыданского полуострова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Вып.4. – Тюмень; ИПОС СО РАН, 2002. – С.214-217.
- 2) Кениг А.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов). – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: Изд-во АМБ, 2010. – 128 с.
- 3) Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. – Вып. 185. – С. 43-50.
- 4) Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – Археология СССР. – М.: Наука, 1987. – 510 с.
- 5) Ткачев А.А., Квашнин Ю.Н. Новые материалы к археологической карте Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Маргулановские чтения – 2014. – Алматы – Павлодар: МОН РК, 2014. – С.295-303.
- 6) Томилов Н.А. Этноархеология: новое направление Российской науки // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып.2. – С.5-9.
- 7) Федеральный закон №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002.

Тюмень, ИПОС СО РАН

Е.А. Трофимова*, Ал.Ал. Ткачев**

ОСОБЕННОСТИ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ТАШКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники ташковской культуры занимают северную окраину лесостепной зоны Притоболья, функционируя на рубеже III-II тыс. до н.э. Поселения располагались на возвышенностях по берегам рек или озер, покрытых смешанным лесом. Система ташковского жизнеобеспечения была ориентирована на охоту и рыболовство, хотя не исключается и развитие коневодства [Ковалева, 1997, с.40-41; 2000, с.72-74; Матвеева и др., 2003, с.143-144].

Время бытования ташковских древностей характеризуется потеплением при незначительном сокращении увлажнения. В этот период обмелели преимущественно бессточные водоемы – озера и старицы, уровень воды в Тоболе оставался достаточно высоким. На растительном покрове Притоболья дефицит увлажнения отразился слабо, но постепенно происходит сокращение лесных массивов, при смещении ареала сосны на север. В начале II тыс. до н.э. в связи с аридизацией климата и формированием остепненных ландшафтов в подтаежное Притоболье начинают проникать носители алакульской культуры, что приводит к смешению местного и пришлого населения [Зах и др., 2008, с.54, 187].

Население ташковской культуры, скорее всего, использовало для строительства сосну, поскольку она широко распространена в рассматриваемом регионе с древнейших времен, относительно легка в обработке и слабо подвержена гниению. Однако, деревообработка не возможна без должного технического уровня. На поселениях ташковской культуры найдено значительное количество орудий труда, так или иначе связанных с деревообработкой. Например, на поселении ЮАО XIII 47,2% (58 экземпляров) всех найденных орудий характеризуются как деревообрабатывающие, причем 40 (32,5%) из них – комбинированные [Ковалева и др., 2000, с.64].

Важную роль на стадии лесозаготовки играли шлифованные орудия труда – топоры и тесла. На поселении Ташково II к каменным изделиям, связанным с деревообработкой, отнесена и группа рубящих орудий – 4 тесла и 2 долота [Ковалева, 1997, с.44]. К сожалению, на поселении ЮАО XIII шлифованные орудия представлены, в основном, обломками и только 6 изделий имеют хорошую сохранность рабочих уча-

стков, что позволило изучить их методом микроскопирования. Выделено 5 топоров для рубки дерева и одно долото по дереву для мелких плотницких работ [Ковалева и др., 2000, с.67]. Обнаруженные орудия труда свидетельствуют о том, что носители ташковской культуры довольно широко использовали возможности в области лесозаготовки.

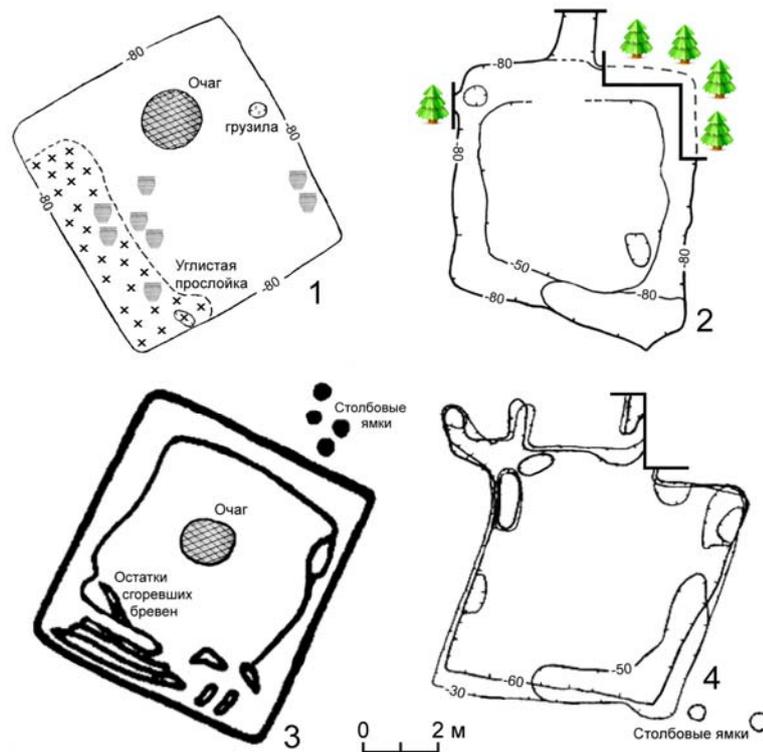

Рис. 1. Особенности устройства жилищ на поселениях с кольцевой планировкой. 1 – жил. 1, пос. Ташково II (по: Ковалева, 1997, с. 15, рис. 2); 2 – жил. 2, пос. Заводоуковское XIII (по: Стефанова, Стефанов, 2014, с. 18, рис. 2); 3 – жил. 4, пос. ЮАО XIII (по: Ковалева и др., 2000, с. 25, рис. 5); 4 – жил. 1, пос. ЮАО X (по: Юровская, 1973, с. 9, рис. 3).

Обратимся к конструктивным особенностям домов ташковской культуры. Воссоздание размеров, формы и конструкции стен возможно на основе комплекса вторичных источников. Все известные круглоплановые поселения сожжены, благодаря чему в грунте сохранились следы сгоревших построек. Глубина котлованов (0,2–0,4 м) позволяет реконструировать жилые постройки как дома наземного типа, слегка углубленные основанием в грунт. Стены домов, скорее всего, являлись бревенчатыми, о чем свидетельствует углистые прослойки по краям котлованов, иногда содержащие фрагменты обгоревшего дерева (рис.1). Сравнительный анализ ташковского и чирковского домостроительства позволяет лучше понять принципы конструирования первых. Так, чирковское население строило дома, стены которых представляли собой ряды горизонтально положенных друг на друга бревен, прижатых вертикально врытыми столбами [Воробьева, 2007, с.29]. Б.С. Соловьев полагал, что каркас чирковского жилища вряд ли состоял из сруба, поскольку во всех прослеженных случаях концы

углистых полос ни разу не заходили друг на друга, а иногда вообще не смыкались [1991, с. 47]. В свою очередь, наблюдения на поселениях Ташково II и ЮАО XIII показали, что остатки бревенчатых стен образуют прямые углы. Этого не фиксировалось, если бы бревна не скреплялись между собой. К тому же, не выявлены ямки от столбов, которые могли удерживать в котловане прижатые друг другу бревна. Аналогичная ситуация прослежена и при изучении построек на поселении Заводоуковское XIII [Стефанова, Стефанов, 2014, с. 18–20, рис. 2]. Выявленные факты позволяют с определенной долей уверенности утверждать о срубном характере жилищ ташковской культуры.

Первые бревна, скорее всего, укладывались прямо вдоль стен котлована, хотя часть исследователей полагают использование такой строительной технике нецелесообразным, к сожалению, не приводя никаких аргументов, а высказывая только предположение о возможном существовании неких деревянных конструкций стен вне границ котлована [Корочкова, 2012, с. 26]. Следует отметить, что наличие фундамента под деревянной основой здания – довольно позднее изобретение, и даже в русской средневековой домостроительной традиции нижние венцы клали прямо на землю. В некоторых случаях под углы и середину стен клали большие камни или ставили «стулья» из толстых бревен. Для «стульев» подбирали комлевую древесину лиственницы или дуба, стойких против загнивания, а чтобы повысить эту стойкость, древесину обжигали на костре или промазывали дегтем [Рубленные дома..., 2013, с. 14–15]. Аналогии, выявленные в других археологических культурах, весьма характерны – носители трипольских традиций укладывали бревна в котлован, как впрочем, и уже упомянутое население чирковской культуры. Стоит признать, что бревенчатые конструкции в древности не являются экстраординарным явлением и, вероятно, строители бревенчатых домов в разных культурах знали способы обработки древесины для повышения ее износостойкости.

Однако для конструирования сруба необходимо вырезать пазы в бревнах. На поселениях ташковской культуры обнаружено значительное количество орудий труда, которые можно использовать для резьбы по дереву. Вполне возможно изготовление пазов с помощью скребков на фрагментах керамики. Стоит отметить, что среди фрагментов керамики с памятников ташковской культуры выделена группа черепков, имеющих, как правило, фиксирующиеся невооруженным глазом следы использования, располагающиеся на краях фрагментов. Большая часть фрагментов из археологических комплексов имеет следы использования на краях в виде затертости, заглаженности, линейных следов – перпендикулярных или слабо наклоненных к кромке. В поперечном сечении чаще всего кромки скругленные (в большей или меньшей степени) или уплощенные, часто под углом к внутренней или внешней поверхности фрагмента. Такой характер макроследов указывает на использование орудий скорее всего для скобления [Шаманаев, Зырянова, 1999, с.199].

С целью проверки этого предположения, изучения эффективности работы, уточнения признаков следов и износа, характеризующих обрабатываемые материалы и кинематику орудий, была поставлена серия экспериментов по обработке дерева и шкуры. А.В. Шаманаевым и С.Ю. Зыряновой под руководством Г.Ф. Коробковой проведен ряд экспериментов, в том числе изучены орудия поселения Ташково II. Во всех случаях для этого были взяты фрагменты керамических сосудов без какой-либо подработки края. Скобление сухого соснового бревна диаметром 15 см и удалении коры с зеленой ветки диаметром 1,5–2,5 см показали неэффективность использования фрагментов керамики. Успешным оказался опыт по выскабливанию черепком горелого дерева для изготовления паза или полости. Сосновое бревно, диаметром 15–20 см, было предварительно обожжено на костре. Выскабливание выжженной древесины могло использоваться для изготовления пазов в бревнах при сооружении сруба жилища [Шаманаев, Зырянова, 1999, с. 201]. Хотя в данном варианте смущает количество затраченного времени на изготовление пазов подобным образом.

Наиболее сложной частью реконструкции любого жилища является воссоздание кровли. Говоря о строении кровли, исследователи опираются на анализ конструкции стен, форму жилища, его площадь, функциональное назначение. Дополнительную информацию несут ямки от столбов, поддерживавших кровлю, их диаметр и глубина. Кровля – одна из важнейших составляющих жилища, более тщательное изучение которой позволит судить об экологической стороне обитания: о том, каков был тепловой режим в жилище, насколько быстро оно могло выстывать, как это могло отражаться на физическом состоянии людей [Берлина, Филисюк, 2004, с.67].

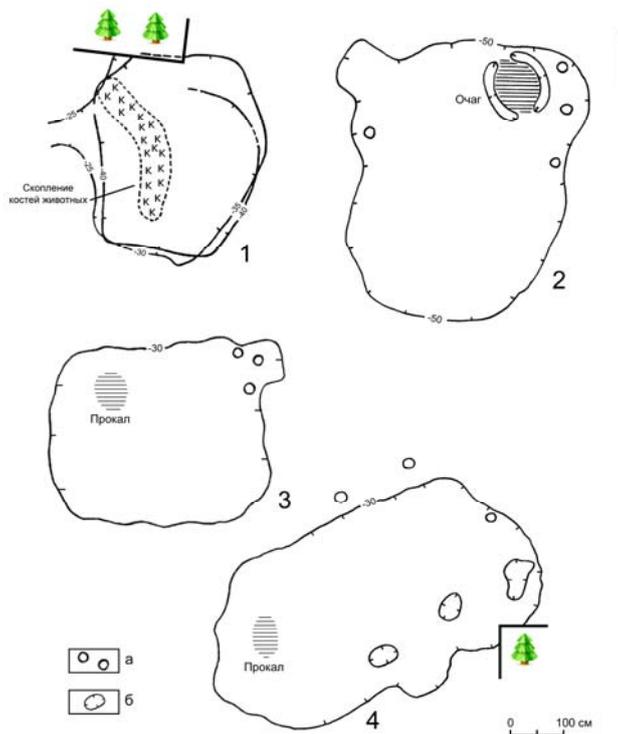

Рис. 2. Особенности устройства жилищ на поселениях с нерегулярной планировкой. 1 – постр. 1, пос. Ук III (по: Корякова и др., 1991, с. 48, рис. 3); 2 – жил. 33, пос. Оськино Болото; 3 – жил. 45, пос. Оськино Болото; 4 – жил. 46, пос. Оськино Болото.

При воссоздании перекрытия ташковских жилищ предложено два варианта реконструкции крыши: односкатная и двускатная конструкции [Ковалева, 1997, рис.4, 5; Ковалева и др., 2000, рис.9, 10]. Как уже отмечалось выше, в жилищах ташковской культуры не обнаружено ямок от столбов, поддерживающих перекрытие или маркирующих стены. Данный факт, позволяет предполагать наличие самонесущей конструкции крыши, которая не противоречит имеющимся археологическим фактам. Одним из вариантов самонесущей кровли является т.н. самцовая крыша, в которой тес укладывается на горизонтальные бревна – слеги [Толковый..., 2008, с. 43]. Основной несущей конструкцией являются торцевые стены или фронтоны, где прорубают неглубокие выемки, куда и вставляют слеги – бревна, поверх которых крепят кровлю. При этом она возводится без применения гвоздей. Как правило, для настила кровли хватает 2–3 слег. Таким образом, самцовая крыша, помимо двух наклонных скатов, с

торцевых сторон является продолжением стены, бревна которой с каждым рядом становятся короче, образуя чердачное помещение.

Можно допустить, что самонесущие крыши вполне могли быть известны древним строителям. Ярким примером использования в домостроительстве таких крыш являются модели известных трипольских домов. В последние годы украинские исследователи предложили свой вариант реконструкции трипольского дома [The Tripolye culture..., 2012], где двускатная крыша держится на стропилах. Такая конструкция крыши, по всей видимости, была оптимальной и для населения ташковской культуры: двускатная крыша обеспечивает необходимую защиту от осадков в зимнее время.

Значительно отличаются поселения с нерегулярной или неустановленной планировкой. Стационарными раскопками изучено три памятника (Оськино Болото – 4 постройки; Ук III – 2 постройки; Роза Ветров III – 1 постройка). Жилища, выявленные на поселениях с нерегулярной планировкой, представляют собой небольшие, слабоуглубленные котлованы подпрямоугольной или аморфно-округлой формы, площадью 12-25 м². В постройках выше перечисленных памятников какие-либо конструктивные особенности в оформлении стен или перекрытий не прослеживаются. В жилищах на поселении Оськино Болото выявлено по 3-4 столбовые ямки, но установить их функциональное назначение не представляется возможным. Выходы фиксируются в виде в небольшого тамбура, расположенного в углу или в одной из стенок. Отмечено наличие очажных конструкций (рис. 2).

Аналогичные постройки использовались как хозяйственные, временные или сезонные помещения [Корякова и др., 1991, с. 17]. В отличие от стационарных поселений данные жилища сооружались достаточно быстро и представляли собой небольшие шалашеобразные конструкции, собранные из жердей и веток, сверху которые могли покрываться берестой, камышом, дерном или шкурами животных. Выходы оформлялись в виде разрыва в стене и в процессе эксплуатации жителями постройки вытаптывалась своеобразная привходовая дорожка (тамбур).

Реконструкция строительной практики населения ташковской культуры показывает, что строительство поселений требовало значительных трудозатрат и четкой организации работ. Несмотря на определенную преемственность с местными культурами (например, использование орудий на фрагментах керамики) архитектура ташковских поселений представляется не характерной для Нижнего Приоболья. Вероятно, население ташковской культуры являлось пришлым, распространив новые строительные традиции.

Список литературы

- 1) Берлина С.В., Филисюк В.Г. К проблеме реконструкции кровли древних полуподземных жилищ (по материалам саргатской культуры) // ВИАЭ. 2004. №5. С. 67-73.
- 2) Воробьева Е.Е. Домостроительство Марийского Поволжья (эпоха бронзы). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2007. 108 с.
- 3) Зах В.А., Зимица О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- 4) Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. Екатеринбург: УрГУ, 1997. 131 с.
- 5) Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 159 с.
- 6) Корочкова О.Н. Дискуссионные аспекты изучения ташковской культуры // ВИАЭ. 2012. №3 (18). С. 24-33.
- 7) Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Препринт. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. 72 с.

8) Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.

9) Рубленные дома: история деревянного зодчества // Русское деревянное зодчество XIV – XX вв. Архитектурная энциклопедия / Автор-составитель С.Л. Экономов. М.: Красивые дома пресс, 2013. 608 с.

10) Соловьев Б.С. Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье // АЭМК. Вып.19: Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991. С. 46-82.

11) Стефанова Н.К., Стефанов В.И. Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII // ВИАЭ. 2014. №4 (27). С. 16-28.

12) Толковый строительно-архитектурный словарь / Под ред. А.А. Бакулина. Смоленск: Парадигма, 2008. 47 с.

13) Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Вторичное использование фрагментов керамики населением ташковской культуры (по материалам археологических находок и экспериментов) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1998. Вып.23. С. 196-204.

14) The Tripolye culture giant-settlements in Ukraine: formation, development and decline / Edited by Francesco Menotti and Aleksey G. Korvin-Piotrovskiy. Oxbow Books, Oxford, UK, 2012. 264 p.

**Тюмень, ИПОС СО РАН*

***Тюмень, ТюмГУ*

И.В. Усачева

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ЖИЛИЩЕ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЗАУРАЛЬЯ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Этнографические наблюдения XVIII-XXI веков убедительно свидетельствуют о наличии зависимости в расположении жилищ аборигенного населения лесной зоны Зауралья и Северо-Западной Сибири, практикующего традиционные виды хозяйства, от места и вида промысла [Обзор см: Эверстов, 1988. С. 30]. Такая практика прослеживается вне зависимости от образа жизни, который у коренного населения почти повсеместно носил полукочевой сезонный характер, поскольку именно кочевой образ жизни, совмещенный с дисперсностью расселения, представлял собой оптимальную форму хозяйственного освоения таежных территорий [Адаев, 2007. С. 97]. При этом комплексность использования ресурсов среды обитания являлась одной из неотъемлемых и эффективных составляющих адаптивного процесса. Единственное исключение составляли оседлые рыболовы, но и в этом случае фактор сезонности и комплексности хозяйства наличествовал. Именно комплексность способствовала устойчивости хозяйственно-культурного типа.

Ситуация начинает меняться только в XVII в., когда, в связи с притоком русского населения и развитием товарно-обменных отношений, происходит частичная переориентация на «нетрадиционные» отрасли производящего хозяйства – земледелие и стойловое скотоводство и начинается освоение высокотоварного рыболовства и собирательства [Адаев, 2007. С. 97; Головнев, 1995. С. 45, 48-50; и др.]. Вплоть до этого времени места для стоянок предпочитали размещать максимально близко к кормящим угодьям. Есть свидетельства, что ради приоритетного размещения жилищ вблизи наиболее продуктивных угодий, рыболовы, даже в наше время готовы терпеливо переносить затопление своих жилых построек в течение нескольких недель [Адаев, 2007. С. 96]. Наиболее оптимальными по продуктивности всегда считались зоны, сочетающие различные «кормящие» ландшафты, что обеспечивало стабильность природных ресурсов [Там же. С. 88]. Очевидно, именно этим фактором можно

объяснить многочисленность археологических памятников поселенческого типа всех эпох на Андреевских озерах под Тюменью, как и вообще многих археологических микрорайонов, где концентрация памятников разных эпох особенно велика. В тех случаях, когда рыболовные и охотничьи угодья сочетать не удавалось, жилища оказываются приурочены к берегам рек и озер в местах удобных для сезонной путины, а в сезон охоты, соответственно, – к узловым пунктам маршрута на охотничьей территории.

Говоря иными словами, расположение стоянок и, соответственно жилищ, не случайно и всегда сопряжено с видом конкретной хозяйственной деятельности в рамках того ли иного хозяйственно-культурного типа. Можно считать это алгоритмом расположения поселений.

В современной этнологической и этноархеологической литературе нашли самое широкое отражение разные принципы организации поселений охотников, рыболовов и собирателей, обусловленные особенностями их адаптационной стратегии [Бинфорд, 1978, 1980; Кузнецов, 2001, 2005; и др.]. Сложнее дело обстоит с выяснением причинности размеров домовых коллективов. Как следует из разрозненной, но многочисленной информации размер домового коллектива напрямую обусловлен доступными для извлечения ресурсами среды обитания и связанными с их добычей энергозатратами. Не бывает огромных охотничьих избышек и, наоборот, маленьких домов на рыбных песках, у большой «городьбы» (запоры разных конструкций) или на морском побережье у охотников на морского зверя. Это позволяет в качестве рабочей гипотезы высказать предположение, что размер жилища прямо или опосредованно зависит от рода промысловой деятельности и способов добычи и может быть соотнесен с размерами оптимального для данных условий промыслового коллектива или его относительно самостоятельной части¹.

Разнообразие природных условий в лесной зоне Зауралья и Северо-Западной Сибири обуславливает широкую вариативность хозяйственных задач, для реализации которых сложилась иерархическая система производственных (хозяйственных) объединений от небольших (3-5 человек) до крупных (несколько десятков человек) [Головнев, 1995. С. 46, 57-61]. Основу их в большинстве случаев составляет малая семья, но это может быть также некая узкоспециализированная хозяйственная группа (например, охотники), сложный по составу объединенный коллектив для выполнения больших относительно кратковременных работ, типа поделки оленей на пути их миграций, или расширенная семья и т.д. При этом все перечисленные типы объединений, кроме первого, допускают в своем составе не только родственные связи [Усачева, 2014]. Относительно продолжительные по времени объединения подразумевают наличие временных (сезонных) или круглогодичных жилищ. По окончании функционирования и археологизации столь разнородные по исходному составу и размерам объекты одинаково получают статус жилища и в археологических текстах начинают аргіогі рассматриваться как вместилище семьи. Что можно сказать о правомерности такого вывода? Действительно ли мы можем утверждать, что, то многообразие в размерах жилищ, что мы фиксируем на археологических материалах, никак не связано с явлением хозяйственных объединений (производственных коллективов)? Возможный упрек в прямом переносе этнографических данных на археологию кажется здесь не уместным, поскольку разумно предположить, что и в древности существовало разнообразие промысловых коллективов и производственных объединений, что входит в число важнейших адаптационных способов жизнеобеспечения в северных лесах.

¹ Возможность существования общинных домов не оспаривается, но в данном контексте не учитывается ввиду отсутствия достаточных для анализа данных.

Если дать положительный ответ на последний вопрос, а именно он кажется наиболее вероятным, следует более ответственно подойти к решению вопроса, что в таком случае представляет собой коллектив жилища? Здесь, на взгляд автора статьи, возможны, как минимум, два варианта ответа в зависимости от выбранного подхода: социального (социология семьи) или социально-экономического. Социальный подход, где исходными понятиями выступают семья, муж, жена, мать, отец, сыновья, дочери, сестры, братья и т.д., требует четкого обозначения степени родства между членами домового коллектива – то есть информации практически не читаемой на современном уровне развития науки в археологическом материале. При социально-экономическом подходе основными показателями становятся количество рабочих рук и едоков, что соответствует примерной численности обитателей жилища. Существует несколько формул соответствующих расчетов, в том числе на основании площади жилища, которые хорошо известны и доступны археологам и могут ими использоваться.

В отличие от социального подхода с его ведущим понятием «семья», социально-экономический подход оперирует термином «домохозяйство»¹. Домохозяйство – это экономическое понятие, обозначающее отдельную производственную единицу исчисляемую количеством рабочих рук и едоков. Именно домохозяйство проявляет себя через размер дома. Оно может существовать в разных формах: малая семья, большая семья, семья с подворниками, с усыновленными чужаками, коллектив без родственных связей и т.д. Коллектив домохозяйства ориентирован, прежде всего, на решение экономических задач, которым подчинено и воспроизводство.

Естественно, у охотников коллектив домохозяйства максимально приближен к семье в ее нуклеарной форме (малая семья), тогда как при занятиях оседлым рыболовством, которое требует больших трудозатрат, но и дает достаточный для их реализации ресурс, домохозяйство имеет выраженную тенденцию к домовому коллективу, который традиционно принято называть большой или расширенной семьей.

Таким образом, жилище, даже вне зависимости от наполнения специализированными артефактами, является носителем ценной информации в силу своего местоположения и размеров как о хозяйственных занятиях населения, так и, об определенных элементах социально-экономической структуры, необходимой для реализации этого вида деятельности, одним из важнейших показателей которых является размер домохозяйства.

Список литературы

- 1) Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: «Вектор Бук», 2007. 240 с.
- 2) Головнёв А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- 3) Кузнецов О.В. Структуры обитания и поселенческая стратегия в позднем палеолите Западного Забайкалья // Каменный век европейских равнин. Замостье. Труды международной археологической конференции. М. – Сергиев Посад, 2001. С. 85-89.
- 4) Кузнецов О.В. Этноархеология и поселенческая археология охотников и собирателей // Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ. Иркутск. 2005. Вып. 3. С. 7-14.
- 5) Усачева И.В. Информативные возможности жилищ для реконструкции социально-экономических отношений в неолите (на материалах сосновоостровской культуры) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. 1. Казань: Отечество, 2014. С. 359-362.
- 6) Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири: каменный век. Новосибирск, 1988: Наука. 143 с.
- 7) Binford L.R. "Nunamiut Ethnoarchaeology. NY: Academic Press. 1978.

¹ В русской этнографии исторически закрепилось использовать термин «домохозяйство» в качестве синонима расширенной семьи.

8) Binford L.R. Willow Smoke and dog's tails: Hunter-gatherer settlement systems and archaeological site formation. *American Antiquity*. 1980. Vol. 49. P. 4-20.

Тюмень, ИПОС СО РАН

А.С. Федорук, Д.В. Папин, А.А. Редников

ЖИЛИЩА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ ЖАРКОВО-3¹

На территории степного Обь-Иртышья поселенческие комплексы являются основным источником по археологии эпохи поздней бронзы. Для большинства из них характерно доминирование саргаринско-алексеевской керамики, наличие других компонентов варьируется в зависимости от хронологической и географической позиции. Наиболее значимые исследования проведены на поселениях Рублево-VI, Калиновка-2, Гусиная Ляга, Советский Путь-1, Чекановский Лог-1, Бурла-3, Новоильинка, Жарково-3. Вышеуказанные объекты относятся к категории стационарных поселков, на которых выявлены долговременные жилые комплексы. В этом ряду, поселение Жарково-3 является примером, когда в пределах одного раскопа изучено несколько конструкций относящихся к различным строительным горизонтам. Поселение раскапывалось авторами в 2005-2010 гг. и отдельные результаты этих работ уже введены в научный оборот [Федорук, Шамшин, Иванов, и др., 2005; Кирюшин, Папин, Федорук, 2006; 2007; и др.]. Однако, изученные на памятнике сооружения эпохи поздней бронзы до настоящего времени полноценно не опубликованы.

Сооружение 1 (рис.-1). Исследовано полностью. Фиксировалось на современной поверхности как округлая западина диаметром около 20 м.

Котлован подпрямоугольной формы имеет размеры 19х14 м. Заполнение – темная супесь, четко читалось на окружающем фоне зольника, погребенной почвы и материка. На дне местами присутствовала песчаная подсыпка мощностью до 0,1 м. Котлован глубиной 1,0–1,25 м от современной дневной поверхности прорезает материк на 0,2–0,35 м, но юго-западная стена и южный угол конструкции в него не врезаются. Пол котлована ровный, но есть понижение к центральной части. В сооружении и у его границ исследовано около 150 ямок. Часть из них выстраивается в две линии, проходящие по центру котлована и делящие его на три площадки, другая часть расположена по периметру стенок, в расположении третьей – какой-либо закономерности не выявлено. Восемь крупных и глубоких ям (диаметр 0,5–0,65 м, глубина более 0,4 м) составляют прямоугольник в центре камеры. Очевидно, это несущие столбы конструкции.

В границах котлована исследовано четыре объекта. Объект № 2а (хозяйственная яма?) – яма (диаметр 1,2 м, глубина 0,32 м от уровня дна котлована), по дну выложенная глиняными кирпичиками. Содержал кости животных. Объект 2б (хозяйственная яма?) – яма округлой в плане формы, с воронкообразным разрезом (диаметр на уровне дна сооружения 1,85 м, глубина 2,17 м от современной дневной поверхности). Заполнение – чередующиеся слои темной супеси и светлого материкового песка. У дна обнаружены фрагменты древесины и два фрагмента каменных литейных форм [Кирюшин, Папин, Федорук, 2008, С. 9, рис. 3.-1, 2]. Объект №3 (колодец) – яма округлой в плане формы с сужающимися ко дну стенками (диаметр на уровне

¹ Работа выполнена в рамках гранта правительства РФ (постановление N220), полученного ФГБОУ ВПО "Алтайский государственный университет" договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а так же при финансовой поддержке РГНФ проект №12-01-00360а «Периодизация, генезис и связи археологических культур степного Обь-Иртышского междуречья в эпоху поздней бронзы».

дна сооружения 2,8 м, глубина 2,57 м от современной дневной поверхности). По цвету и структуре заполнение аналогично объекту №2б. У стенок найдены кости животных, у дна обнаружены фрагменты деревянных плашек. Объект №4 (очаг) - яма неправильной формы диаметром до 1,5 м и глубиной до 0,4 м заполненная золистой супесью. Материалов не содержала. Рядом исследованы две идущих к центральной части сооружения канавки с линзой сажи.

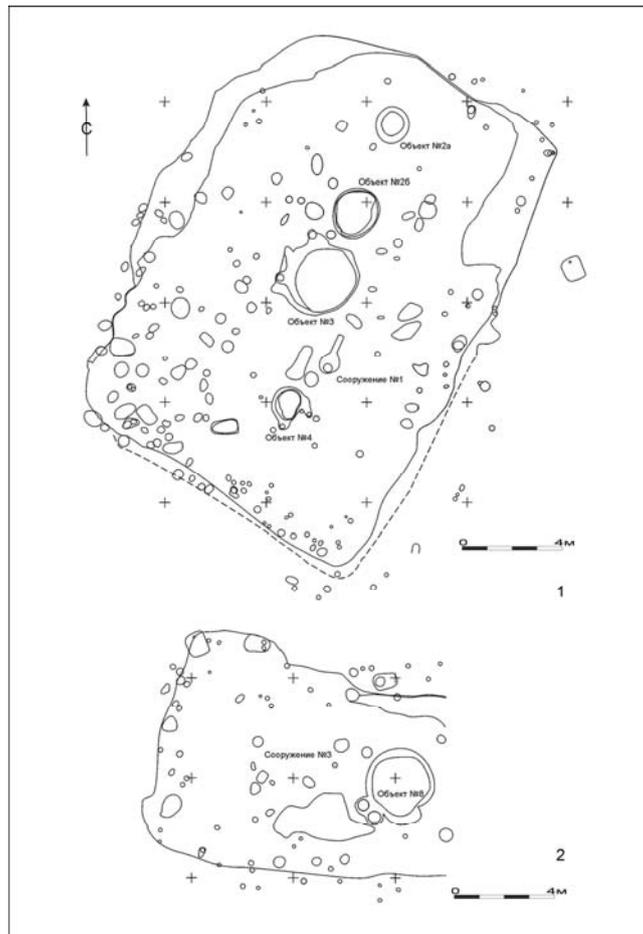

Рис. Сооружения эпохи поздней бронзы поселения Жарково-3.

Предварительно сооружение реконструируется как углубленная в древнюю поверхность на 0,3-0,7 м однокамерная полуземлянка, площадью около 260 кв. м. Каркас сооружения - конструкция из рядов вертикальных столбов, скрепившихся между собой перекладинами. Основой конструкции, видимо, являлась расположенная в центре прямоугольная рама, опиравшаяся на четыре-пять массивных столбов. Стены могли состоять из вертикальных или наклонных рядов плетня, расположенных между опорными столбами. Кровля опиралась с одной стороны на раму в центральной части камеры, с другой – на каркас вдоль стен. Исходя из особенностей конструкции, заполнения сооружения и обнаруженной здесь керамики, можно утверждать, что сооружение № 1 – жилая постройка саргаринско-алексеевского периода.

Сооружение 3 (рис.-2). Исследовано частично. Фиксировалось на современной поверхности в виде западины подовальной в плане формы (20x10 м).

Раскопана часть подпрямоугольного котлована (11x8 м) заполненного темной супесью. Контур котлована проявился с уровня погребенной почвы. Глубина конструкции – 1,0-1,3 м от современной дневной поверхности. Котлован прорезает материк на 0,05-0,1 м. Вдоль стенок выявлены участки канавки (ширина 0,1-0,15 м, глубина до 0,1 м). Исследовано более 70 ямок (диаметр 0,1-0,6 м, глубина до 0,45 м от уровня дна конструкции или уровня материка), очевидно, связанных с конструкцией сооружения. Ряд крупных и глубоких ям расположен по периметру котлована, либо в его центральной части (несущие столбы конструкции). Пол котлована ровный с незначительным понижением к центру.

В центральной части сооружения расположен объект №8 (колодец) – яма округлой формы с сужающимися ко дну стенками (диаметр на уровне дна сооружения 2,3 м, глубина до 2,77 м от современной дневной поверхности). Заполнение аналогично колодцу сооружения № 1.

Вероятно, сооружение 3 - углубленная в древнюю поверхность (на 0,3-0,4 м) полземлянка площадью около 200 кв. м с конструкцией аналогичной сооружению 1. Обнаружение саргаринско-алексеевской, донгальской и позднерменской керамики позволяет отнести конструкцию к финальному этапу эпохи бронзы.

Общие домостроительные принципы, реализованные при постройке данных сооружений широко известны в среде населения эпохи поздней бронзы сибирско-казахстанских степей – аналогии им известны на единовременных памятниках северного и центрального Казахстана, Барабе и верхнем Приобье [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, С. 255, рис. 126; Зданович, 1983, рис. 4, 5; Зданович, 1988, С. 57-60; Матвеев, Сидоров, 1985]. В степном Обь-Иртышье наиболее близкими аналогиями являются постройки поселений Чекановский Лог-1, Рублево-VI [Демин, Ситников, 2007, С. 67, 68, рис. 58; Папин, Федорук, Шамшин, 2014]. Общность домостроительных навыков, скорее всего, указывает на формирование традиции в условиях единого хозяйственно-культурного типа связанного со скотоводством.

Список литературы

1. Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции: Ч. I. Барнаул: БГПУ, 2007. 274 с.
2. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988. 180 с.
3. Зданович С.Я. Поселения и жилища саргаринской культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 59-76.
4. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII. Ч. I. С. 358-360.
5. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования поселения Жарково-3 в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 264-267.
6. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Изд-во Концепт, 2008. С. 5–17.
7. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Изучение памятников бронзового века Кулундинской степи летом 2009 года // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XIV. С. 275–280.
8. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 435 с.
9. Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 29-54.
10. Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Домостроительство эпохи бронзы степной Кулунды (по материалам раскопок поселения Рублево-VI) // Маргулановские чтения-2014. Павлодар, 2014. В печати.

11. Федорук А.С., Шамшин А.Б., Иванов Г.Е., Цивцина О.А., Раиткин С.С. Памятники эпохи поздней бронзы Кулунды (по материалам разведки 2004 года) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. С. 113-116.

Барнаул, АлтГУ

О.А. Федорук

СОВМЕСТНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В АНДРОНОВСКИХ МОГИЛЬНИКАХ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Работа выполнена в рамках гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор № 14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии» и при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект № 1006).

Совместное захоронение в одной могиле двух и более человек явление в андроновской погребальной практике довольно редкое, но известно оно на всем ареале распространения андроновской культурно-исторической общности, что исключает случайный характер их появления. Совместные погребения являлись составной частью системы погребальной обрядности и отражали некие мировоззренческие представления древнего общества. Они имеют особое значение и для проведения палеосоциологических реконструкций, поскольку могут содержать информацию о кровнородственных или семейно-брачных связях.

В данной работе рассмотрены особенности совместных захоронений степного и лесостепного Алтая (памятники Фирсово XIV, Рублево VIII, Кытманово, Чекановский Лог X). Антропологические определения по ним выполнены В.А. Дремовым, А.Р. Кимом, В.А. Козьминым, Д.В. Поздняковым, К.Н. Солодовниковым, С.С. Тур.

1. Совместные захоронения детей (25 погребений). Совместно могли захоранивать двух или трех детей (на могильнике Подтурино зафиксировано одно захоронение четырех детей [Кирюшин, Лузин, 1993]).

Чаще всего, разница в возрасте совместно погребенных детей небольшая – от нескольких месяцев до полутора-двух лет, но встречаются и исключения: захоронение новорожденного и ребенка 6-7 лет (Кытманово). В большинстве случаев дети уложены скорченно, на левом боку, в одну линию, не перекрывая друг друга. В одном погребении дети уложены лицом друг к другу.

Некоторые исследователи трактуют парные захоронения детей как погребения малолетних «супругов» [Хлобыстина, 1975]. Однако подобная интерпретация не может объяснить наличие коллективных захоронений детей. На наш взгляд, совместные захоронения двух или трех и более детей в одной могиле – явления одного порядка. Скорее всего, в подобных случаях захоранивали индивидов, связанных кровнородственными узами, например, детей одной матери. Появление подобного типа захоронений может быть связано со вспышками инфекционных заболеваний или другими естественными причинами.

2. Совместные захоронения женщины и ребенка (9 случаев). Со взрослым индивидом могли захоранивать одного, реже двух детей. Возраст женщин составлял от 20-25 до 30-35 лет. Возраст детей – от младенческого до 8-9 лет.

Положение костяков было различно, наибольшей стабильностью отличается положение женщины – на левом боку (в одном случае и женщина и ребенок уложены

на правый бок). Положение детей более разнообразно. В четырех случаях дети также уложены на левом боку, за спиной женщины. В трех случаях дети лежат на правом боку: в двух могилах лицом к женщине, в ее руках, в одной – за спиной.

Появление таких погребений, видимо, обусловлено кровнородственными отношениями. Они свидетельствуют о наличии тесной связи по линии мать – ребенок, а также возможности существования матрилинейной системы родства в андроновском обществе [Кузьмина, 1997, с. 44].

3. Совместные захоронения мужчины и ребенка. На исследуемой территории известно единственное погребение (Кытманово). Возраст мужчины составлял около 40 лет, ребенка – 4-6 лет. Оба погребенных были уложены на левый бок, ребенок перед мужчиной.

По наблюдениям Ю.И. Михайлова возраст захороненных с детьми мужчин составлял от 30 до 40 лет. Он предполагает, что такие мужчины при жизни являлись главами патриархальных семей и лицами осуществляющими ритуалы социализации [Михайлов, 2001, с. 120-121]. Учитывая тот факт, что погребенные были снабжены украшениями, а также необычный способ установки одного из сосудов – вверх дном, мы также склонны считать, что в данном погребении был захоронен мужчина, обладающий высоким социальным статусом.

4. Парные разнополюсы погребения взрослых (6 захоронений). В трех могилах Фирсово XIV мужчина и женщина были уложены лицом друг к другу, при этом мужчина во всех случаях лежал на правом боку, а женщина на левом (мог. №№ 7, 213, 311), т.е. женщина всегда располагалась слева от мужчины.

В трех случаях (мог. №№ 29, 26, 311 Фирсово XIV) можно говорить о подхоронении второго умершего в уже существующую могилу, при этом везде это были мужчины [Федорук, Федорук, Папин, 2013]. Данный факт может указывать на наличие в андроновской среде обычая совместно хоронить отдельные категории покойных [Рафикова, 2008, с. 13].

Такие захоронения исследователи чаще всего интерпретируют как погребения «супругов» [Хлобыстина, 1989; Рафикова, 2008]. Небольшая разница в возрасте умерших, может свидетельствовать в пользу данной теории (максимальное различие 10-15 лет). Можно предположить, что совместному погребению подвергались лица, находящиеся в наиболее «активном» с точки зрения участия в хозяйственной деятельности и репродуктивных способностей возрасте (от 18-20 до 40-45). Данные по парным погребениям на других территориях демонстрируют аналогичную ситуацию – возраст мужчин и женщин варьировал от 20 до 30-40 лет [Михайлов, 2001, с. 112].

Подобные погребения могли демонстрировать особое значение брачных союзов в жизни общества. Кроме того, погребенные здесь люди могли иметь особый, повышенный социальный статус в обществе. На данный факт также указывает наличие большого количества украшений: во всех изученных случаях женщины были снабжены головными уборами. По мнению исследователей, такие женщины имели отношение к культуре [Позднякова, 2000, с. 47-53].

5. Совместные захоронения двух женщин. На исследуемой территории зафиксирован один случай – на памятнике Кытманово. Обе женщины лежали на левом боку. Согласно антропологическим данным, возраст одной из женщин определяется как пожилой, другой – возмужалый. По мнению исследователей, это могло быть захоронений матери и взрослой дочери [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, с. 24].

6. Парные кремации. На исследуемой территории зафиксированы только на могильнике Рублево VIII – 3 могилы. Интерпретация данного типа захоронений может быть связана с обрядом Sati [Кузьмина, 2008, с. 164]. По мнению М.Д. Хлобыстиной, по обряду парной кремации захоранивались разнополюсы субъекты [Хлобыстина, 1989, с. 123]. В пользу данной версии говорит и антропологический анализ

кремированных останков из мог. № 51, согласно которому в ней были захоронены мужчина и женщина (определения Позднякова Д.В.).

7. Биритуальные захоронения (3 случая). В двух погребениях, судя по останкам, были кремированы дети. При этом на Рублево VIII ингумированным был также ребенок, а на Чекановском Логу X – мужчина [Демин, Ситников, 2007, с. 32]. В биритуальном погребении Фирсово XIV ингумированный – молодой мужчина, а обнаружение на кальцинированных костях набора украшений, указывает на то, что кремирована женщина. Украшения (элементы наконсника) при этом располагались так, как если бы женщина была расположена лицом к мужчине [Шамшин, Ченских, 1997].

По вопросам интерпретации данного типа погребений также существуют различные мнения. В частности, М.Д. Хлобыстина связывает подобные захоронения с различным семейно-социальным положением погребенных [Хлобыстина, 1976]. Аналогичные захоронения, найденные на памятниках сопредельных территорий, позволяют предполагать, что сочетание ингумации и кремации практиковалось при совершении парных разнополюх погребений [Иванчук, Михайлов, 2002, с. 46]. Погребенные совместно индивиды при этом могли относиться к разным социальным группам.

Таким образом, анализ совместных захоронений показал, что в одной могиле могли хоронить: детей разных возрастов, взрослого и ребенка (детей), двух взрослых (в основном разнополюх индивидов).

Наличие совместных захоронений свидетельствуют о проявлении в погребальном обряде кровно-родственных и семейно-брачных отношений. Кроме того, парные погребения могли быть связаны с особым социальным статусом погребенных. Захоронения женщин с детьми разных возрастов, свидетельствует о вероятности наличия матрилинейной системы родства, парные разнополюх погребения указывают на появление в обществе признаков нуклеарной семьи и важной роли брачных союзов.

Список литературы

- 1) Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул, 2007. Ч. 1. 274 с.
- 2) Иванчук В.В., Михайлов Ю.И. Обряд кремации и андроновская погребальная архитектура: проблемы культурно-исторической интерпретации // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 45-47.
- 3) Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 67-94.
- 4) Кузьмина Е.Е. Динамика экономики и социальной стратификации пастушеских племен Азиатских степей // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 41-45.
- 5) Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М., 2008. 558 с.
- 6) Михайлов Ю.И. Мирозрение древних обществ юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Кемерово, 2001. 363 с.
- 7) Позднякова О.А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово-XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т.3. С. 47-52.
- 8) Рафикова Я.В. Парные погребения срубно-алакульской контактной зоны южного Зауралья // Вестник ЧелГУ. Челябинск, 2008. №18(119) История. Вып.25. С. 5-13.
- 9) Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул, 2007. 132 с.
- 10) Федорук О.А., Федорук А.С., Папин Д.В. К вопросу об особенностях парных захоронений разнополюх индивидов в андроновской культуре Верхнего Приобья (по материалам раскопок могильника Фирсово-XIV 2010-2011 гг.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. С. 272-279.
- 11) Хлобыстина М.Д. Андроновский керамический комплекс // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С. 118-134.

12) Хлобыстина М.Д. К вопросу о «биритуальных» обрядах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. С. 8-16.

13) Хлобыстина М.Д. Вопросы изучения структуры андроновских общин «алакульского типа» // СА. 1975. №4. С. 23-36.

14) Шамшин А.Б. Ченских О.А. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая (по материалам могильника Фирсово-XIV) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997. – С. 52-56.

Барнаул, АлтГУ

А.В. Фрибус* **, С.П. Грушин**

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МОГИЛЬНИКА ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ (предварительное сообщение по результатам работ 2014 г.)

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Грунтовый могильник Чумыш-Перекаат расположен на востоке Алтайского края, в предгорьях Салаирского кряжа. Этот регион, на границе северо-восточного Алтая и Кузнецкой котловины, чрезвычайно важен для анализа динамики этнокультурных изменений и контактов, происходивших на границе ландшафтных зон начиная с эпохи неолита. Важно и то, что район долгое время являлся слабо изученным в археологическом отношении. Здесь выявлен и поставлен на государственный учет лишь один археологический памятник. До настоящего времени планомерные археологические исследования в этой части Присалаирья практически не велись.

Памятник находится на правом берегу р. Чумыш, на высокой ровной террасе, которая возвышается над поймой напротив выходов коренных пород, которые и образуют перекаат. Могильник был открыт разведочной экспедицией АлтГУ под руководством С.П. Грушина в 2012 г. При осмотре крутого обрыва террасы были обнаружены следы разрушающегося погребения и проведены небольшие охранные раскопки, в ходе которых было обнаружено 2 захоронения (взрослый и ребенок). Особенности обряда и скромный инвентарь (небольшое каменное тесло) позволили предположить довольно ранний возраст могильника.

В 2014 г. работы на памятнике были продолжены совместной Салаирской археологической экспедицией КемГУ и АлтГУ. Было заложено несколько разведочных траншей и раскопов, с целью выявления границ памятника, анализа стратиграфической и планиграфической ситуации.

Результаты работ 2014 г. позволяют с уверенностью говорить о том, что памятник представляет собой разновременный грунтовый могильник, при этом следы каких-либо поселенческих слоев не фиксируются. Погребальный комплекс занимает, по всей видимости, всю площадь мыса и тяготеет к краю береговой террасы. К настоящему времени исследовано 8 погребений и 2 объекта, которые предположительно можно связать с поминальными культурами. Культурно-хронологические комплексы могильника представлены как минимум тремя разновременными горизонтами.

К раннему, предположительно связанному с эпохой позднего неолита – энеолита, относятся погребения № 1, 2, 6, 7, 8. Они характеризуются следующим набором признаков: неглубокие могильные ямы, захоронения совершались практически на

уровне дневной поверхности; положение умерших – вытянуто на спине; ориентировка на СВ или С (в данном случае – головой вдоль по течению реки); характерное положение черепов (подбородок упирается в грудину), что позволяет предполагать наличие несохранившихся «подушек» под черепом; погребения детей рядом со взрослыми; «ярусность» захоронений; отсутствие или немногочисленность сопроводительного инвентаря, представленного каменными и костяными орудиями; присутствие в ряде могил следов охристой подсыпки.

С этим же комплексом, вероятно, связан приклад, состоявший из набора каменных орудий и заготовок (объект №2). Набор каменных орудий был обнаружен в 2 м к СВ от погребений №№6-8. Изделия располагались компактным скоплением в виде полукруга. Набор включал в основном орудия скорняжного промысла: острия, скребло архаичного облика, скребловидное орудие, песчаниковые плитки с незначительными следами утилитарного использования. Однако наибольший интерес представляет обнаружение в составе этого комплекса изделия, которое может быть предположительно интерпретировано как обломок каменной скульптуры рыбки-блесны приборкальского типа (определение А.Л. Кунгурова).

Рыбка выточена из мрамора или мраморизированного известняка. Хвостик и плавник выделены шлифовкой осуществленной плотным абразивным материалом. Спинка (кромка) скульптуры имеет острый край-кромку, нижняя часть – округлый. Спинной плавник, округлый с края и поднимающийся к месту разлома изделия, выделен двумя проточенными выемками. Кончики уголков хвостика немного обломаны. По характеру обработки и общему облику изделие находит аналогии в неолитических материалах Байкальской Сибири.

Гипотеза о существовании в Верхнем Приобье неолитических памятников восточносибирского типа была сформулирована еще в работе М.В. Аниковича, который предлагал синхронизировать с серовским временем ряд памятников Верхнего Притомья и Причулымья (Кузнецкий и Яйский могильник, Васьковское погребение, Дегтяревская стоянка, Томская писаница) [Аникович, 1969. С. 62–64]. Позднее о восточном направлении культурных связей неолитического населения юго-востока Верхнего Приобья (кузнецко-алтайская культура) писал В.И. Молодин [Окладников, Молодин, 1978. С. 11–21; Молодин, 1977. С. 25–30]. В основе этих концепций анализ характерных особенностей погребального обряда и инвентаря (трупоположение, большое количество костяных изделий) и стилистики петроглифов. Концепция контактной зоны восточносибирского и западносибирского неолитических миров в Верхнем Приобье на основе материалов кузнецко-алтайской культуры сформулирована В.В. Бобровым [Бобров, 1990. С. 19–32]. Тем не менее находки таких культуромаркирующих изделий, как «рыбки» приборкальского типа, в памятниках кузнецко-алтайской неолитической культуры не известны.

Второй культурно-хронологический горизонт памятника связан с эпохой бронзы (андроновская культура). В 2014 г. была исследована лишь одна детская могила (№5), однако наблюдения показывают, что отдельные детские кладбища для Верхнего Приобья не характерны, а детские погребения располагаются, как правило, на периферии могильников.

Погребение было совершено в прямоугольной яме, со слегка скругленными углами и небольшими уступами. Яма длинной осью ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Перекрытие сохранилось плохо, фиксируются фрагменты как минимум 4 поперечных плашек, мощностью до 5 см. На дне был уложен скелет ребенка, в положении скорченно на левом боку, головой на ЮЗ. Руки согнуты в локтях и помещены перед лицом. Кости стоп и почти все фаланги пальцев рук отсутствуют. В головах был установлен сосуд – плоскодонная банка, орнаментированная вертикальными рядами гладкого штампа, образующего «елочку».

Погребальный обряд типичен для андроновского (федоровского) стандарта. Сосуд из погребения по форме (открытая банка) и характеру орнаментальной схемы находит прямые аналогии в памятниках андроновской культуры Алтая и Кузнецкой котловины [Бобров, Михайлов, 1989. Рис. 18-1,2; 43-5; 48-5; Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007. Рис. 59, 60 и др.].

Третий, наиболее поздний комплекс относится к эпохе раннего железа и представлен 2 погребениями (№ 3,4) и, возможно, объектом №1 (яма с прокалом и фрагментами провалившейся деревянной конструкции). Могилы образуют единый ряд, вытянутый по линии СВ-ЮЗ. Могильные пятна хорошо читались по темному гумусированному заполнению.

Погребение №3 было совершено в неглубокой (55 см от материка) прямоугольной яме со слегка скругленными углами. Следы перекрытия и внутримогильных конструкций не зафиксированы. Погребенный (мужчина?) был уложен на полотнище бересты и укрыт аналогичным полотнищем сверху. Положение умершего – вытянуто на спине, головой на СЗ. В головах был установлен керамический сосуд. Сосуд баночной формы, с небольшим плоским дном. Украшен по венчику косыми оттисками лопаточки, образующими один пояс горизонтальной «елочки», по центру которого оформлен ряд «жемчужника».

Погребение №4 было совершено в неглубокой (65 см от материка) прямоугольной яме со слегка скругленными углами. Могильная конструкция представляла собой деревянную раму в один венец, перекрытую 6 продольными плахами. Перекрытие частично просело внутрь могилы, фрагменты дерева встречались при разборке в заполнении и на дне ямы.

Погребенный (женщина?) был уложен вытянуто на спине, головой на СЗ. Левая рука вытянута вдоль тела, правая слегка согнута в локте, кисть правой руки неестественно вывернута. Среди костей таза компактным скоплением располагались кости младенца. Сопроводительный инвентарь представлен двумя керамическими сосудами, бронзовыми подвесками, сверленной бусиной, пронизкой и керамическим пряслицем.

Сосуд №1. Небольшой кувшин, украшен наклонными оттисками гладкого штампа, образующими по венчику и шейке два ряда горизонтальной «елочки».

Сосуд №2. Небольшая неорнаментированная банка на невысоком полумесяце.

Керамическое пряслице. Круглое пряслице, диаметр 4 см., толщина 2 см, диаметр отверстия 0,7 см. С одной стороны орнаментировано двумя концентрическими окружностями, пространство между которыми заполнено тремя рядами ямочных вдавлений. Обратная сторона не орнаментирована.

Определение культурной принадлежности и хронологии погребений раннего железного века в Барнаульском Приобье вызывает ряд трудностей, тем более в данном случае мы пока имеем дело с весьма ограниченной серией.

Большинство признаков сближает исследованные погребения с памятниками староалейской культуры. Это, в частности, грунтовый характер захоронений, ориентировка могильного ряда по линии СЗ-ЮВ. Характер внутримогильной конструкции (погр. №4). Ориентировка погребенных на СЗ. В целом вписывается в староалейские стандарты и посуда [Фролов, 1999]. Однако керамическое пряслице из женского погребения нельзя назвать типичным для староалейской культуры. Подобное изделие из могильника Ближние Елбаны-ХII происходит из погребения, датированного позже III в. до н.э. [Фролов, 2000. Рис. 16]. С другой стороны обращает на себя внимание своеобразное устройство внутримогильной конструкции в погребении №3, «бедность» инвентаря в мужском погребении, отсутствие в нем предметов вооружения. Таким образом, имеющиеся на сегодняшний день материалы позволяют предварительно отнести исследованные комплексы к кругу позднестароалейских памятников.

Подводя предварительные итоги, необходимо отметить, что исследования на грунтовом могильнике Чумыш-перекат дали чрезвычайно интересные материалы,

позволяющие в перспективе расширить представления о динамике культурных процессов в западных предгорьях Салаирского кряжа.

Список литературы

1. Аникович М.В. О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1969. С. 62–64.
2. Бобров В.В. Материалы разрушенных неолитических погребений кузнецко-алтайской культуры // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул. Изд-во Алт. ун-та, 1990, С. 19–32.
3. Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья. Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 1989, 198 с.
4. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, Наука, 1977. 171 с.
5. Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978, С. 11–21
6. Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 132 с.
7. Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI-V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999, С. 211–219.
8. Фролов Я.В. О пряслицах раннего железного века Верхнего Приобья как о культурно-диагностирующем признаке // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000, С. 75–82.

*Кемерово, КемГУ

**Барнаул, АлтГУ

А.И. Боброва*, Е.В. Барсуков, Н.В. Березовская*****

ГОРОДИЩА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ВЕРХНЕЙ КЕТИ

Природно-географическая характеристика. Район исследования находится на северо-востоке современного Верхнекетского района Томской области. Территория находится в пределах Кетской геоморфологической области и составляет один из ее 4 районов – Ломовато-Касский. Район располагается в бассейне р. Ломоватой и Большого Каса. В целом для него характерен равнинный рельеф. Максимальные абсолютные отметки (125 м) приурочены к водоразделам Кольчима с Кольджей. На линии Обь-Енисейского водораздела, около озера Большого, абсолютная отметка равна 115 м. Относительные высоты не превышают 10 м [Рагозин, 1951, с. 213]. Кеть-Касская ложбина древнего стока ориентирована с северо-востока на юго-запад и является наиболее крупной в пределах Верхнекетского района. Ее ширина от 28–30 км до 70 км (в среднем 40 км). Здесь наблюдается чередование песчаных грив, высотой 10–15, шириной от 100 до 1000 м, и длиной 500–1000 м, поросших сосновым бором. В межгривенных понижениях находятся заболоченные участки или озера. Крупные гривы осложнены небольшими буграми и дюнами. В районе исследования зафиксировано несколько подобных грив. Притоки р. Кети (правый приток р. Оби) Язевая и Ломоватая в конце XIX в. являлись частью Обь-Енисейского канала. В конце XIX – начале XX в. на одной из таких грив располагался поселок строителей канала Новый стан. С.М. Чугунов дал описание этих речек: « Берега местами до 2 или даже 4 сажень высоту покрыты тайгой, по краю которой тянутся чаще заросли тала, реже березы. Под слоем светло-желтого сыпучего песка видны прослойки глины и окрашенные ржаво-красные цветом участки, здесь же встречается болотный железняк» [Чугунов, 1997, с. 317–318]. На всем протяжении рек бассейна Кети, входящих в сис-

тему канала, отсутствуют выходы камня, о чем писал в свое время С.М. Чугунов. По его наблюдениям «камешки» встречались только на местах древних поселений [Чугунов, 1997, с. 329]. Особенностью района является развитая сезонная и реликтовая мерзлота. Сезонная мерзлота распространена повсеместно, глубина промерзания изменяется от 0,5 м на обводненных торфяниках до 2–3 м на хорошо дренированных присклоновых участках, чаще 1–2 м. На правом берегу встречается реликтовая мерзлота – на глубинах от 134 до 286 м [Евсеева, 1997, с. 29].

История исследований. В настоящее время в окрестностях Обь-Енисейского канала населенные пункты отсутствуют. Однако это не означает, что в предшествующие периоды берега кетских притоков были безлюдными. С.М. Чугунов писал: «И в настоящее время область, прилегающая к Обь-Енисейскому каналу, совершенно безлюдна; поблизости нет ни инородческих, ни каких либо поселений или заимок. Но есть основание утверждать, что в неопределенно отдаленное от нас время по речкам, ныне входящим в состав канала, жило какое-то полукультурное инородческое племя» [Чугунов, 1997, с. 326]. Первые сведения о древнем населении этих мест относятся ко времени сооружения канала. При его строительстве было обнаружено около 200 находок, часть которых попала в Археологический музей Томского университета [Флоринский, 1894–1898; 1889]. Малая их часть имела приблизительное описание места обнаружения [Ожередов, 1997, с. 263–265]. Впервые археологические памятники упоминаются в 1908 г. С.М. Чугуновым, работавшим в то время на канале в качестве вольнонаемного врача. Один из объектов, расположенный к юго-западу от пос. Новый стан, представлял «кольцевидный вал, расположенный в середине на холмообразной возвышенности» диаметром 11 сажень, окружностью 34 сажени. На нем он произвел раскопки и обнаружил фрагменты керамики, обломок бронзового ножа, кости и зубы животного. О существовании такого же объекта у Главного стана исследователю сообщали рабочие [Чугунов, 1997, с. 327–328], но он не смог его посетить.

Спустя 75 лет Ю.И. Ожередовым в окрестностях пос. Новый стан была проведена разведка. Им были обследованы памятники, открытые С.М. Чугуновым, и городище на правом берегу р. Язевой, где проводились раскопки (Новый Стан I). В 1983 г. на террасе левого берега Ю.И. Ожередовым были открыты два городища (Новый стан II, III) аналогичного типа и поселения Новый стан I, II [Ожередов, 1983, с. 5–6]. Ю.И. Ожередов значительную часть полученных материалов датировал ранним железным веком и высказал предположение о том, что в древности Обь-Енисейский канал был одним из путей, по которому осуществлялись контакты таежного населения Нарымского Приобья с населением Средней Сибири. Относительно хронологических рамок таких контактов вопрос остался открытым [Ожередов, 1983, с. 15].

Несмотря на раннюю историю открытия, древности этих мест на протяжении XX в. оставались практически не изученными. Работы 2011 г., предпринятые Е.В. Барсуковым и Н.В. Березовской, археологами ОГАУК «Центр по охране памятников», стали первыми специальными исследованиями в этом районе (полевые материалы и коллекции хранятся в архиве и фондах Томского областного краеведческого музея). Разведка проводилась по рекам Ломоватой и ее притоку р. Язевой, входящих в систему Обь-Енисейского водного пути на участке левого берега между шлюзами Красный яр и Новый стан. Этот берег в пределах обследованного фрагмента более возвышенный, чем правый, и в некоторых местах он обрывается отвесными ярами (высотой до 5 м) к реке. Параллельно реке расположено несколько песчаных грив, которые, по мере удаления от кромки террасы, сменяет болото.

Описание городищ. Городище Новый Стан I занимает фрагмент террасы левого берега р. Язевая, расположенной в 160–300 м от русла реки. На этом отрезке она немного удаляется от подножия террасы. Городище практически полностью занимает площадь мыса, высота которого здесь равна 9–10 м, и имеет круговые укрепления (диаметр по внешнему краю от 31–41 до 28–29 м). В южной части ширина вала дос-

тигает 10 м при высоте 0,8–1,4 м. С внешней стороны зафиксирован ров, шириной более 2 м и глубиной 0,3–0,5 м. Он прослеживается не по всему периметру; прерывается в двух местах на северо-востоке, где он выходит на кромку террасы, и на юго-западе. В последнем случае с внешней стороны к городищу с северной стороны примыкает небольшая ступенька, которая выходит на склон террасы и возможно, представляла собой выход из городища. Диаметр внутренней площадки 9–10 м. Западина занимает практически все пространство внутренней части. Ее внешние границы не прослеживаются. Еще одна западина находится на насыпи. Я.А. Яковлевым, во время поездки на Обь-Енисейский канал в 2000 г., на городище был найден фрагмент венчика от сосуда раннего железного века (рис., 1).

Рис. Материалы из культурного слоя городищ раннего железного века с Верхней Кети: 1 – Новый Стан I; 2,3 – Новый Стан II; 4, 5 – Новый Стан IV; 6, 7 – Новый Стан VI. 8-14 – отходы бронзолитейного производства: 8-9, 12-13 – Новый Стан IV; 10-11, 14 – Новый Стан VI (8-11 – фрагменты тиглей, 12 – керамическое ложило, 13 – бронзовый лом, 14 – всплеск).

Городище Новый стан II занимает фрагмент террасы, высотой 4 м, недалеко от места слияния р. Язевая-Ломоватая. Округлое в плане (диаметр 18–22 м), вписано в невыразительный мыс и занимает почти полностью его площадь. Имеет круговые укрепления в виде насыпи-вала шириной 6–8, высотой от 0,2 до 0,6 м. В нескольких местах насыпь нарушена западинами. Центральная часть городища округлой формы (диаметр 7–8 м). В юго-западной ее части находится неглубокая западина (глубиной до 0,35 м), еще одна, глубиной около 1 м, смещена в сторону укрепленной центральной площадки и находится в восточной части городища, на противоположной выходу стороне. Около восточного подножия насыпи, за ее пределами, расположены две западины округлой формы. При шурфовке городища выявлен культурный слой, мощностью до 35 см, в котором найдены: обломки камней, мелкие кальцинированные кости, фрагменты бытовой (рис., 2–3) и технологической керамики (рис., 8–9, 12–13), свидетельствующие о занятиях населения бронзолитейным производством. Специа-

листами сделан вывод о том, что для сооружения городища, вероятно, использовалось естественное возвышение, подработанное с целью увеличения его естественной высоты.

Городище Новый стан IV занимает фрагмент мыса на левом берегу р. Язевая, удаленный от русла реки на 0,2 км. Мыс глубоко выдается в пойму и представляет собой останец высотой 3–4 м, отделенный от основной террасы ложбиной. Укрепления представлены внешним рвом, глубиной до 0,4 м, и внутренним валом. Ров повторяет контур вала, закругляется на концах и выходит на склон. Вал (высотой 0,5–0,7 м от уровня напольной поверхности) пересекает мыс почти по прямой. В северо-восточной части городища к внутренней стороне вала примыкает насыпь. Повторяя контур мыса, она тянется от вала вглубь площадки. Ее высота 0,2 м. На противоположной стороне мыса насыпь не фиксируется. С валом насыпь соединяется узкой перемычкой, отделяясь мелким углублением, на других участках – рвом. На площадке городища расположены три округлых западины, за пределами укрепленной площадки находится западина овальной формы. Общая площадь памятника 712 кв.м. Мощность культурного слоя составляет 0,4–0,5 м. Находки представлены сколами камня и фрагментами керамических сосудов раннего железного века (рис., 4–5). Один фрагмент датируется эпохой бронзы, что свидетельствует о многослойности памятника.

Городище Новый стан VI расположено на левом берегу р. Ломоватой, на пологой гриве. Здесь терраса делает поворот и резко уходит на север, образуя, значительный по площади, мыс высотой до 6–7 м. Городище приурочено не к мысовому участку, а к месту поворота террасы. Между нею и подножием укреплений фиксируется ступенька. Городище имеет круговую оборону. Внутренняя площадка ориентирована с запада на восток и имеет диаметр 6х11 м. Общая площадь памятника 1123 кв.м. Укрепления представлены рвом (гл. 0,55, ширина 0,8–3 м) и валом (ширина 9–10 м, высота на отдельных участках 1,5 м). На вершине насыпи по периметру фиксируется ровная площадка шириной 3–5 м. В южной ее части отмечена овальная впадина, в западной – два углубления. Еще две впадины расположены вне пределов городища. В результате шурфовки выявлен культурный слой, мощностью 0,2–0,65 м, и обнаружены фрагменты сосудов (рис., 6–7), обломки тигля (рис., 10–11), всплеск бронзы (рис., 14), мелкие кости и сколы камня. Вероятно в качестве основы «платформы» для городища использовалось гривка, высота склонов которой была искусственно увеличена за счет насыпи.

Заключение. В итоге исследований на Верхней Кети, в окрестностях Обь-Енисейского канала, выявлены археологические объекты, специфическими особенностями которых являются: выбор места (грива, невысокий мыс); круглая/округлая форма центральной площадки; искусственное возведение круговой, так называемой «оборонительной системы» в виде подсыпанного вала-насыпи и рва; наличие широкой насыпи-вала и западин на ней; целенаправленное назначение объектов (использование их для металлургического и бронзолитейного производства); небольшая мощность культурного слоя (35–65 см), косвенно свидетельствующая об их однослойности; присутствие в нем кальцинированных косточек, каменных сколов и технологической керамики (фр. тиглей, льячек), бронзового лома и всплесков; однотипность керамики (жесткое двустороннее заглаживание, резная и гребенчатая орнаментация, оформление шейки сосудов однорядным пояском ямок). Таким образом, материалы, полученные в результате сборов и шурфовки с четырех городищ с верхней Кети, судя по технологии и орнаментации керамики, могут быть датированы ранним железным веком, начальным (васюганским) этапом кулайской культуры. Аналогичного типа археологические памятники обнаруживают значительную близость с материалами городищ, выявленных на р. Кети в окрестностях пос. Катайга [Барсуков, Боброва, 2015. В печати] и Карбинского I [Яковлев, 1991, с. 115–142].

Список литературы

- 1) Березовская Н. В. Отчет о проведении разведочных работ в Верхнекетском районе Томской области и г. Томске в 2011 году // Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 925. 170 л.
- 2) Барсуков Е.В., Боброва А.И. Урлюковское городище: исторические свидетельства и археологические реалии // 2015. В печати.
- 3) Евсеева Н.С. Краткий очерк природы Верхнекетского района // Земля Верхнекетская. Сборник научно-популярных очерков к 60-летию образования Верхнекетского района. Томск, 1997.
- 4) Ожередов Ю.И. Отчет об археологической разведке АЭ ТГУ в 1983 году на Обь-Енисейском канале в Верхнекетском районе Томской области. Архив МАЭС ТГУ. Д. № 901.
- 5) Ожередов Ю.И. Тысячелетия Обь-Енисейского пути // Земля Верхнекетская. Сб. научно-популярных очерков к 60-летию образования Верхнекетского района. Томск, 1997.
- 6) Рагозин Л.А. Материалы к геоморфологическому районированию восточной половины Томской области и сопредельных территорий // Вопросы географии Сибири, Томск, 1951, Вып. 2.
- 7) Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Томск, 1894-1898.
- 8) Флоринский В.М. Археологический музей Томского университета. Томск, 1889.
- 9) Чугунов С.М. Жизнь и природа на Обь-Енисейском канале (по наблюдениям лета 1908 г.) // Земля Верхнекетская. Сборник научно-популярных очерков к 60-летию образования Верхнекетского района. Томск, 1997.
- 10) Яковлев Я.А. Карбинское городище I – памятник раннего железного века Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С 115–142.

* Томск, Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова
** Томск, Томский Национальный научно-исследовательский университет
*** Томск, ОГАУК «Центр по охране памятников»

Е.В. Тигеева

МОРФОЛОГО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРУДИЙНОГО КОМПЛЕКСА ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

Морфологии и типологии алакульских украшений уделено большое внимание в литературе [Усманова, Логвин, 1998; Усманова, 2010; Куприянова, 2008; Флек, 2009, 2010]. В этой связи предметом настоящего исследования являются орудия труда (серпы, ножи-кинжалы, шилья, крюки, иглы), а также такие категории изделий, как скобы и слитки (всего 73 экз.). Коллекция орудийного комплекса алакульской культуры Среднего Притобоя насчитывает 36 экз. Источником послужили материалы как поселений Камышное 1, 2, Нижнеингальское 3, Волосниково, Алексеевское, Ук 3, так и могильников Камышное 1, Верхняя Алабуга, Раскатиха, Субботинский, Кулевчи 6, Хрипуновский, Чистолебяжский, Алакульский. Распределение алакульских изделий по поселениям и могильникам неравномерно. Поскольку алакульских поселений известно немного и они бедны инвентарем, большинство изделий происходят из могильников. Поселенческий материал составил 36,1 % (26 экз.), а доля погребального инвентаря — 63,9 % (46 экз.).

Серпы (3 экз.) на территории Среднего Притобоя представлены случайной находкой с изогнутой асимметричной спинкой и лезвием без выделенного черенка, длиной 22 см. Отлит из чистой меди, а затем доработан холодной ковкой с промежуточными отжигами с целью удаления пороков литья, растяжки и заострения лезвийной части. Также имеются два экземпляра подобного типа, но меньших размеров из алакульских материалов пос. Ук 3, в многослойных поселениях Язево 1, Камышное 2,

Высокая грива, Варакосово [Стефанов, Корочкова, 2000. Рис. 15,4; Потемкина, 1985. Рис. 18, 14; 33, 1; 48, 1; 53, 4]. На территории Казахстана встречаются в поселенческих комплексах, Алкау 2, Кинзерское, Ушкаты 1 и в могильнике Бектениз [Аванесова, 1991. Рис. 18, 19]. Серпы распространены в памятниках абашевской культуры пос. Барковское, Береговское 1, Верхнекизилский клад [Пряхин, 1977. Рис. 21, 27, 39, 40;]. В погребении могильника потаповской культуры Утевка 6 [Кузнецов, Семенова, 2000. Рис. 13, 8]. Не менее 9 экз. происходят из слоев синташтинской культуры [Дегтярева, 2010. С. 98]. Также серпы имеются в петровских материалах пос. Конезавод 3, Петровка 2, Кулевчи 3 [Зданович, 1983. Рис. 2, 9; 3, 23, 25; Дегтярева, 2010. С. 99]. Существенны различия алакульских серпов и орудий срубной культуры, последние шире, больше изогнуты, а главное отличие от андроновских форм заключается в наличии крюка на конце рукояти [Кривцова-Гракова, 1955. С. 62].

Ножи двулезвийные листовидной формы — достаточно широко распространены в памятниках алакульской культуры Притоболья (13 экз.). Орудия чаще всего отливались из низколегированной оловянной бронзы в глиняной форме. Затем полученное изделие подвергалось доработке ковкой, направленной на удаление пороков литья и заострение лезвийной части. Ковка велась в холодную, при достаточно высоких температурах обжата металла порядка 70–80 % и сопровождалась отжигами в интервале температур 600–800 °С [Костомарова, Флек, 2008. С. 46]. Выделяется два типа ножей. I тип — изделия с черенком, расширяющимся к окончанию подпрямоугольной формы, со слабо выраженным перекрестием и перехватом найдены в петровских и сеймо-турбинских материалах, реже в синташтинских, покровских и абашевских [Дегтярева, 2010. С. 106]. В алакульской культуре они отмечены в Чистолесбязском могильнике и Царевом кургане, хронологически наиболее древних алакульских памятниках Притоболья [Матвеев, 1998. Рис. 21, 3; Дегтярева, 2010. С. 107]. II тип ножей с четко выраженной нервюрой и перекрестием соотносятся со срубной и алакульской металлообработкой. Они известны в могильниках Субботинский, Алакульский, Хрипуновский, Черняки 1 и в поселении Ук 3 [Черных, 1970. Рис. 58, 1-29; Потемкина, 1985. Рис. 101, 1; Куприянова, 2008. Рис. 6, 6; Матвеев, 1998. Рис. 54, 9; Стоколос, 1972. Рис. 10, 11; Стефанов, Корочкова, 2000. Рис. 15, 9]. Ножи федоровской культуры также имеют выраженный перехват и перекрестье, а прямоугольная ручка, слегка расширенная к окончанию, вытянута и достигает в некоторых случаях практически половину длины лезвийной части [Стефанов, Корочкова, 2006. Рис. 37, 11; 56, 4,5; Зданович, 1988. Рис. 38,4].

Крюки (5 экз.) с петлей для подвешивания и заточенным острием, изготовлены из прутка, имеющего чаще прямоугольное сечение. Представлены в алакульских материалах поселения Ук 3 и Волосниково размеры варьируются от более мелких экземпляров до достаточно крупных (от 8 до 14 см.) [Стефанов, Корочкова, 2000. Рис. 15, 3, 11, 12, 14; Аванесова, 1991. Рис. 36, 29]. Подобные крюки, предназначенные для рыбной ловли, обнаружены на синташтинских поселениях Синташта, Аркаим и в могильнике Синташтинский большой, Танаберген 2 [Дегтярева, 2010. С. 116; Ткачев, 2007. Рис. 77, 37]. В могильнике потаповской культуры Утевка 6 [Кузнецов, Семенова, 2000. Рис. 11]. Также отмечены в нуринском поселении Икпень 1и в таких поселениях как Мирный 3, Черняки 3 [Ткачев, 2002. Рис. 12, 11; Аванесова, 1991. Рис. 36, 27, 28, 30, 32, 33].

Шилья (13 экз.) — четырехгранные в сечении, длина их может варьироваться от двух см. и более, а поскольку некоторые экземпляры дошли до нас в обломках тяжело установить их размер и были ли они обоюдоострые, либо одно из окончаний шила было притуплено. Изготовлены в основном из прутка-заготовки из оловянной бронзы, горячей либо холодной ковкой с отжигами. Этот вид изделий имеет широкие тер-

риториальные и хронологические рамки и характерен как для Евразийской провинции, так и для всего массива культур бронзового века.

Игла (2 экз.) с ушком (длиной около 7 см.) имеется в Притоболье на поселении Ук 3, а также Камышное 1 [Стефанов, Корочкова, 2000. Рис. 15, 10]. Экземпляр из Камышного 1 изготовлен из медной узкой полосовой заготовки ковкой при Т 600-800 °С, направленной на ее вытяжение и уплощение, а также изгибание для придания соответствующей формы. Аналогий найдено не много [Черных, 1970. Рис. 60, 35, 36; Кривцова-Гракова, 1951. Рис. 16, 1; Горячев, 2013. Рис. 2, 11]. Также эти изделия находят в материалах могильников синташтинской культуры: Танаберген 2; Кривое Озеро, Синташтинский 2, Каменный Амбар 5 [Ткачев, 2007. Рис. 6, 9; Дегтярева, 2010. С. 121]. Известно, что иглы и проколки распространялись в кругу культур бронзового века Центральной Азии [Кузьмина, 1966. С. 141, табл. 12]. Одной из первых бронзовых игл, появившихся на территории Казахстана является игла длиной 16 см, происходящая из могильника Бегазы [Кузнецова, Тепловодская, 1994. С. 79].

Скобы (28 экз.) — изготовлены из чистой меди ковкой в различных температурных режимах: при Т 600-800 °С, неполной горячей ковкой при Т 250-400 °С, а также холодной ковкой с отжигами. Размеры варьируются от нескольких сантиметров до десятка. Использовались, вероятно, для починки керамических сосудов, т.к. найдены горшки, стенки которых соединены при помощи скрепок [Кривцова-Гракова, 1951. Рис. 17, 14; Стефанов, Корочкова, 2000. С. 40]. Однако наиболее крупные экземпляры, скорее всего, применялись для иных целей, например для подвешивания достаточно массивных предметов [Дегтярева, 2010. С. 137]. В алакульских памятниках скобы встречаются в могильниках Чистолебяжский, Хрипуновский, Алакульский, Кулевчи 6, Верхняя Алабуга в материалах поселений Нижнеингальское 3, Садчиковское, Волосниково [Матвеев, 1998. Рис. 13, 6; 14, 14, 15; Виноградов, 1984. Рис. 9, 43, 44; Потемкина, 1985. Рис. 68, 15; Матвеева и др., 2003. Рис. 21, 3, 5, 7; Кривцова-Гракова, 1951. Рис. 16, 8-10; Потемкина, 1985. Рис. 52, 3, 4]. Аналогичны изделия из абашевских памятников, потаповских, синташтинских, а также петровских [Ткачев, 2007. Рис. 66, 11; Рис. 6, 10; Кузнецов, Семенова, 2000. Рис. 11, 18, 19; 12, 2-4; Дегтярева, 2010. С. 137-138].

Слитки — ценный источник информации, поскольку является свидетельством наличия металлургической деятельности. В материалах памятников алакульской культуры Притоболья обнаружено 9 экз. в поселениях Камышное 1, 2, Ук 3 и могильниках Верхняя Алабуга и Алакульский. Они различны по своему химическому составу и отлиты как из чистой меди, так и из оловянной, мышьяковой бронзы, медно-оловянно-свинцового и медно-оловянно-мышьяковых сплавов.

Таким образом, орудийный набор алакульских памятников Среднего Притоболья достаточно стандартен, однако обращает на себя внимание отсутствие крупных орудий труда и предметов вооружения, таких как топоры, тесла, пилы, наконечники копий, характерных для предшествующих культур синташтинской и петровской [Рындина, Дегтярева, 2002. С. 178; Дегтярева и др., 2001. Рис. 2]. Возможно, это связано с частыми военными столкновениями на данном отрезке древней истории, в то время как алакульская эпоха характеризуется относительной стабильностью. Так, например, исчезают оборонительные сооружения вокруг поселений [Рындина, Дегтярева, 2002. С. 187]. По морфологическим особенностям алакульские изделия распределяются на несколько групп. Серпы, двулезвийные ножи присущи ранней фазе ЕАМП (абашевским, синташтинским, потаповским, срубным и в большей степени петровским древностям) и восходят к стереотипам Циркумпонтийской металлургической провинции [Дегтярева, 2001. С. 29]. Хотя необходимо отметить, что с течением времени в алакульской культуре эти типы претерпели некоторые модификации. Прослеживается стандартизация в облике ножей. Если в петровской культуре выде-

лено восемь типов изделий, то в алакульской их всего два. Если первый тип близок облику петровских ножей и, возможно, является неким переходным звеном к алакульским, то второй тип имеет существенные отличия. Появляется четко выраженное перекрестье и двусторонняя нервюра, а сечение приобретает ромбическую форму. Прямоугольный черенок либо со слегка закругленным, либо с расплюснутым окончанием становится более вытянутым. Тем не менее он не достигает размеров черенков федоровских ножей, отличающихся массивностью. Серпы без выделенного черенка, достаточно узкие с асимметричным лезвием имеют наибольшее сходство с петровскими экземплярами, однако приобретают большую изогнутость, что положительно влияет на их производительность. В алакульский период выходят из употребления втульчатые крюки, распространенные в очагах ЦМП [Дегтярева и др., 2001. С. 28]. Ко второй группе изделий относятся шилья, крюки, скобы, имеющие слишком широкое распространение, чтобы являться культурно и хронологически определяющими предметами.

Список литературы

- 1) Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.
- 2) Виноградов Н.Б. Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. 1984. № 3. С. 136–153.
- 3) Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 348–371.
- 4) Дегтярева А.Д. Древнее металлопроизводство Южного Зауралья. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- 5) Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи 3) // ВААЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 23–54.
- 6) Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башкир. ун-т, 1983. С. 156–207.
- 7) Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Урал. ун-т, 1988. 184 с.
- 8) Костомарова Ю.В., Флек Е.В. Металл Хрипуновского могильника // ВААЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 8. С. 40–54.
- 9) Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение // МИА. 1951. № 21. С. 151–181.
- 10) Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46. 162 с.
- 11) Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Памятники Потаповского типа // Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самарский ун-т, 1994. С. 122–151.
- 12) Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994, 207 с.
- 13) Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. 1966. Вып. В4-9. 152 с.
- 14) Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.
- 15) Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- 16) Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Древности Ингальской долины. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. Вып. 1. 174 с.
- 17) Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- 18) Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. 168 с.
- 19) Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век: Учеб. пособие. М.: МГУ, 2002. 226 с.
- 20) Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 106 с.

- 21) Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты 1: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 160 с.
- 22) Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М.: Наука, 1972. 168 с.
- 23) Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.
- 24) Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбин. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
- 25) Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкции. Караганда: Изд-во Карагандин. ун-та, 2010. 176 с.
- 26) Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наконечники Казахстана. Эпоха бронзы. Лисаковск, 1998. 64 с.
- 27) Флек Е.В. Крестовидные подвески петровской и алакульской культур // ВИАЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 9. С. 64–71. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru>, свободный.
- 28) Флек Е.В. Бронзовые бляшки алакульской культуры // ВИАЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 1(12). С. 87–96. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru>, свободный.
- 29) Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН